

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РУКОПИСНАЯ КНИГА В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

(ОЧЕРКИ.)

Книга вторая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

I. ТЕХНИКА КНИЖНОГО ДЕЛА

1. Бумага

Совершенно новый период в развитии китайского рукописного дела начинается с того момента, когда в Китае появилась бумага, начало изготовления которой считается одним из важнейших изобретений в истории человечества. Изобретение приписывается придворному сановнику Цай Луню. В «Истории Поздней Хань» (*Хоу Хань шу*) помещена его биография, где говорится следующее:

«Цай Лунь, второе имя которого Цзин-чжун, родом из Гуяня, в конце годов Юн-пин (75 г. н. э.) впервые попал в дворцовую прислугу. В годы Цзянь-чу (76—83) стал младшим евнухом. Когда император Хэ-ди (89—105) вступил на трон, был переведен в личную охрану [государя] и принимал участие в военных советах. <...> Потом был повышен до начальника высочайших мастерских.

В девятый год Юн-юань (97 г.) надзирал за державшимся в секрете производством мечей и всякого рода орудий, и не было случая, чтобы он не добрался до всех тайн мастерства, создав образцы для последующих поколений. С древнейших времен книги и документы обычно составляли из бамбуковых планок; было и так, что для них использовали шелковое полотно. Обратились к Цай Луню [с просьбой] изготовить бумагу (*цжи*): шелк, [мол], дорог, а планки тяжелы, то и другое для нас неудобно. Тогда [Цай] Лунь принялся изобретать: использовал кору деревьев и коноплю, сверх того добавил ветхих тряпок и рыбацких сетей — и так создал бумагу. В первый год Юань-син (105 г.) доложил об этом трону. Государь одобрил его искусство, и с тех пор все без исключения пользовались этой бумагой. Поэтому все в Поднебесной называли ее „бумагой Цай Луня“».

Далее в «Истории Поздней Хань» следует примечание 103

VII в., цитирующее «Записки об округе Сянчжоу»¹; в цитате сказано:

«На севере уезда Лэйян есть дом ханьского императорского евнуха Цай Луня. На запад от дома сохранились каменная ступа, про которую говорят, что это — та самая ступа, где [Цай] Лунь толоч бумажную {массу}» [XXIII, цз. 108, с. 962]².

Можно думать, что состав бумаги, описанный в биографии Цай Луня (смесь древесного волокна, конопли и тряпья), оказался вполне удачным. Во всяком случае, анализ бумаги из Дуньхуана³ показывает в разных соотношениях и в различной степени измельчения преимущественно именно такой состав, высокие же качества бумаги второй половины I тысячелетия, обнаруженной в Дуньхуане, неоспоримы. В то же время по тексту биографии можно предположить, что какие-то бумажные составы были известны и до Цай Луня («Обратились к Цай Луню [с просьбой] изготовить бумагу»). Если бы слова «бумага» (*цзи*) не было уже в обиходе, вряд ли можно было бы так сформулировать задание, данное изобретателю. Во всяком случае, при археологических работах в Западном Китае были обнаружены образцы бумаги, которые датируются временем на полстолетия раньше изобретения Цай Луня [Пань Цзи-син, 1964]⁴.

Изобретение такого легкого и дешевого материала для письма, как бумага, сразу сделало возможным распространение рукописей в несравненно большем объеме, чем это позволяли дорогой шелк и громоздкие бамбуковые планки. Не нужно думать, что состав бумажной массы оставался неизменным. Данные как письменных источников, так и археологии показывают, что состав этот, наоборот, все время изменялся и совершенствовался, а само производство прогрес-

¹ «Записки об округе Сянчжоу» (*Сянчжоу цзи*) — сочинение Юй Чжун-юна (V в.), было утеряно к концу I тысячелетия, а потом в XIX в. собрано цинскими учеными по многочисленным цитатам в древних сочинениях. Сянчжоу — округ, находившийся в юго-восточной части нынешней провинции Хэнань.

² Конец биографии Цай Луня нами опущен как не имеющий отношения к истории изобретения бумаги.

³ Дуньхуан — уездный город в западной части провинции Ганьсу. В 1900 г. в буддийских храмах-пещерах Могао, в 20 км на юго-восток от Дуньхуана, была обнаружена рукописная библиотека IV—XI вв., части которой находятся сейчас в Пекине (шифры по иероглифическому коду типа Юй 20), Лондоне (шифры S.), Париже (шифры P.), Ленинграде (шифры Ф. и Дх.) и в ряде мелких собраний.

⁴ Фрагменты какой-то более ранней массы, обнаруженной также при раскопках, по внешнему виду сходной с бумажной массой, в настоящее время определены как «не бумага», см. [Ван Цзюй-хуа, Ли Юй-хуа, 1980].

сировало и становилось технически более высоким. Письменные источники дают об этом процессе лишь неполное, приблизительное представление. Так, в сведениях, собранных в сочинении конца II—начала III в. *Ши мин* («Объяснение названий») говорится о бумаге «гладкой и скользкой, точно точильный камень», «ровной и широкой, как доска»⁵, что, несомненно, указывает на бумагу с лощеной поверхностью, возможно гипсованной или протертой крахмалом, как это мы встречаем в наиболее ранних образцах бумаги из Дуньхуана⁶. В IV в. упоминаются «медовая благовонная бумага, изготовленная из коры и листьев дерева *мисян* („пахнущее медом“), бледно-коричневого цвета, с узором, похожим на рыбы и икринки, очень душистая, упругая и водонепроницаемая», 30 тыс. рулонов которой было преподнесено императору в 284 г.; бумага, производимая в Лочжоу (ныне уезд Хуасянь в провинции Гуандун), изготовленная из толченой коры благовонного дерева, похожего на красную иву,— местные жители называют ее «бумага из благовонной коры»; бумага, окрашенная в красный цвет, из конопли, сто листов которой были преподнесены наследнику трона. Для более позднего времени в источниках находим краткие описания многих сортов специализированной и обиходной бумаги, делящихся на два больших класса: бумага деловая и бумага для писем. Мы узнаем места производства бумаги, знаменитых мастеров, дававших свои имена тем или иным сортам, и другие сведения, по которым можно в деталях проследить развитие процесса производства бумаги и ее распространение в Китае. Однако здесь перечисление всех этих данных было бы слишком громоздким, а сами данные при отсутствии конкретных образцов часто остаются неясными.

Дуньхуанские рукописи дают возможность изучить ряд конкретных образцов бумаги, которые, как правило, не могут быть соотнесены с определенными центрами производства, но зато мы получаем точное представление о том, какие именно сорта употреблялись при массовой переписке рукописей. Наиболее ранние точно датированные образцы относятся к середине V в. Л. Джайлз характеризует их следую-

⁵ Эти и дальнейшие сведения письменных источников приводятся по китайской энциклопедии XVIII в. *Гу-цзинь ту-шу цзичэн* («Полное собрание изображений и описаний древних и новых» — ТШЦЧ). Данные по истории бумаги содержатся в отделе *Цзы сюэ* («Наука о письменах», цз. 152).

⁶ Об исследованиях дуньхуанской бумаги, химических и структурных, см. в кн. [Clapperton, 1934; Giles, 1935—1943; Пань Цзи-син, 1966; Harders-Steinhäuser, 1969]. О признаках для определения возраста бумаги по внешним данным см. [Меньшиков, 1967].

щим образом: «...даже наиболее ранняя бумага V в. известна нам как бумага отменного качества; обычно она тускло-коричневого оттенка, так как применение красящих веществ, кажется, не имело места до 500 г.» [Giles, 1957, с. XI].

Те же свойства (различные оттенки коричневого цвета, гладкая поверхность, не только отглаженная, но и покрытая укрепляющим составом) обнаруживаются и в рукописях фонда С. Ф. Ольденбурга в ИВАН СССР (см. [Меньшиков, 1967, с. 569—571, 596]). В этих характеристиках нельзя не видеть сходство с гладкой бумагой бледно-коричневого цвета, описанной в «Объяснении названий».

В последней четверти V в. появляется подкрашенная в желтый цвет бумага, которая почти до конца VIII в. господствует среди рукописей дуньхуанских коллекций. Интенсивность цвета изменяется в разные периоды, точно так же как и другие характеристики образцов бумаги. Так, с конца V до середины VI в. рукописи написаны на бледно-желтой шероховатой или гладкой на ощупь бумаге, хорошо хрустящей, что позволяет Р. Х. Клапперону назвать ее «бумагой банкового типа» (bank-like paper — см. [Giles, 1935—1943, pt. 4, с. 814]). Наиболее высокое качество имеет бумага, включающая в свой состав тончайшие волокна рами, что, видимо, и обуславливает ее особую прочность: она сохраняет неизменными все свои свойства, включая хруст, как будто бы она была недавно изготовлена. Этот сорт бумаги очень тонок и упруг, имеет гладкую поверхность и густую сетку. Те же данные при более интенсивной золотисто-желтой или золотисто-коричневой окраске сохраняет и бумага VII в., которую Р. Х. Клаппертон характеризует следующим образом: «Тонкая золотисто-желтая бумага, <...> толщиной 0,002—0,0025 дюйма (т. е. 0,05—0,06 мм — здесь и далее перевод в метрическую систему наш. — Л. М.). Неоспоримо прекрасная бумага очень хорошего изготовления, волокна тонко измельчены, и листы прочно склеены между собой. Очень тонкие линии сетки и связующие линии, идущие под прямым углом <...>. 16 линий на дюйм (6—7 линий на см), связующие линии через два дюйма (через 4,5—5 см). Бумага плотная, просвечивающая и прочная, очень ровная по толщине. Гладкая, плотная поверхность. Удивительная сохранность и хруст» (цит. по [Giles, 1935—1943, pt. 4, с. 827]). Такой же или сходной по свойствам (меняется толщина до 0,1 см, сетка до 8 линий на 1 см, интенсивность окраски, но сохраняется высокое качество, эластичность и прочность) остается бумага до середины VIII в., когда вспыхнувший в 755 г. мя-

теж военачальника Ань Лу-шаня надолго нарушил спокойное течение жизни империи Тан (618—907).

В тот же период (VII — первая половина VIII в.) встречаются и другие сорта бумаги, в том числе неокрашенные. По видимому, желтая хрустящая бумага была дорогой и потому ее в Дуньхуане (не нужно забывать, что это — библиотека буддийского монастыря) употребляли преимущественно для рукописей буддийского канона (сутры, виная, шастры). В столичных рукописях на такой бумаге переписаны также даосские классики (*Дао-дэ цзин*, например). Для сочинений же, в канон не входивших (комментарии на канонические сочинения, исторические тексты, стихи, проповеди, простонародные повествования), бралась, как правило, другая бумага: белая, мягкая, с шелковистой поверхностью, толщиной до 0,2 мм. Эта бумага тоже достаточно прочна, но рукописи, переписанные на ней, часто потрепаны, потери, что с желтой бумагой почти не случается.

Более грубая бумага в VIII в. встречается на деловых и иных документах, т. е. таких рукописях, которые не были предназначены для долгого хранения и многократного прочтения. Эта бумага обычно имеет шероховатую неровную поверхность, плохо размельченные волокна и лишена окраски.

Во второй половине VIII в. и потом, вплоть до второй половины X в., Китай неоднократно потрясали мятежи военачальников, дворцовые перевороты и народные восстания. Видимо, в это время производство высококачественной бумаги сильно сократилось, ибо в подавляющем большинстве рукописи этого периода переписаны на разных нестандартных сортах ее, преимущественно грубых по составу бумажной массы и плохо обработанных. В Дуньхуане это может быть обусловлено еще и тем, что в 774—848 гг. эта западная область была завоевана тибетцами, связи с китайскими центрами изготовления бумаги высокого качества были прерваны и приходилось удовлетворяться местными сортами низкого качества. Среди бумаги этого периода нередко попадаются образцы грубой, неровной, серой бумаги, происходящей из Хотана, в массе которой невооруженным глазом видны неразмельченные нити из волокон джута.

После непрерывных войн и других беспорядков периода Пяти династий (907—959) Китай был вновь объединен под эгидой новой династии, давшей своему государству название Сун (960—1279). В последней трети X в. появляется новый вид высококачественной бумаги, резко отличающейся от бумаги первой половины периода Тан. Светло-коричневая или светло-серая с желтоватым оттенком, бумага вновь обрета-

ет отменные свойства и определенный стандарт. Для нее характерны хруст, гладкая лощеная поверхность, толщина 0,2—0,3 мм, сетка 4 линии на 1 см в среднем, часто с поперечными связующими линиями, идущими попеременно через 1 и 4,5 см. Поскольку этот же сорт бумаги мы обнаруживаем на ксилографах и рукописях XI в. тоже китайского происхождения, но уже из более позднего периферийного собрания — коллекции П. К. Козлова из Харахото⁷, можно предположить, что во время Сун в Китае были учреждены общегосударственные стандарты производства бумаги. Иначе мы не можем объяснить ее устойчивое единообразие на протяжении чуть ли не двух веков.

2. Кисть, тушь, почерки

Китайцы писали не пером, а кистью. Писчая кисть (*би*) была изобретена задолго до рассматриваемого периода, но волосная кисть (*маоби*), как мы ее знаем сейчас, появилась на рубеже нашей эры и в течение I тысячелетия непрерывно совершенствовалась.

Процессы изготовления волосной кисти подробно описаны знаменитым каллиграфом, основателем скорописного стиля в китайском каллиграфическом искусстве Ван Си-чжи (321—379). Сочинение его так и называется: «Основное о кистях» (*Би цзин*)⁸. В нем перечислены различные виды кистей начиная с династии Хань. Предпочтение отдается кистям из заячьей шерсти. Центральный стержень кисти делался более упругим путем добавления в него жестких волос, например, черной крысы, а опушка, более короткая и мягкая, изготовлялась из нежного заячьего пуха. На рукояти употреблялись разные материалы, чаще всего бамбук, но бывали рукояти из золота, хрусталя, слоновой кости. Деревянные рукояти нередко украшались резьбой, инкрустировались золотом и серебром. При династии Хань для внутреннего употребления в императорских дворцах делали кисти с рукоятями, украшенными драгоценными камнями. Такие кисти именовались «кистями Сына Неба». Перечислив прежние виды кистей, Ван Си-чжи подробно описывает один

⁷ В 1909 г. русский путешественник П. К. Козлов нашел в песках Внутренней Монголии «мертвый город» Харахото, где обнаружил большую библиотеку книг на тангутском языке (о ней см. в очерке Е. И. Кычанова в настоящем томе). В этой библиотеке есть некоторое количество книг на китайском языке (см. [Меньшиков, 1983]).

⁸ Произведения как Ван Си-чжи, так и других перечисленных ниже авторов приведены целиком в [ТШЦЧ («Наука о письменах», цз. 147), т. 654, с. 96 и сл.].

вид кисти, который, надо думать, сам он и изобрел. По его словам, эта кисть легка и удобна в употреблении и не истирается в течение всей жизни пишущего. Пристрастие Ван Си-чжи к своему изобретению понятно: вводя новые стили каллиграфического искусства, он, естественно, нуждался в усовершенствовании орудий письма. Видимо, его кисть обеспечила ему тот «полет кисти», которым знаменита его каллиграфия.

Насколько в Китае ценили хорошие кисти, можно видеть из того, что многие известные поэты и писатели посвящали своим кистям литературные произведения «высокого штиля». Так, у Фу Сюаня (217—287) есть «Эпитафия кисти» (*Би мин*) и «Ода кисти» (*Би фу*); Го Пу (276—324) написал «Славословие кисти» (*Би цзань*), Хань Юй (768—824) — знаменитое «Жизнеописание Кончика Кисти» (*Мао Ин чжуань*), у Бо Цзюй-и (772—846) находим «Оду кисти из куриной ноги» (*Цзи цзюй би фу*), у Ли Дэ-юя (787—849) — «Оду кисти с рукоятью из пятнистого бамбука» (*Баньчжу бигуань фу*) и т. п.

В целом мягкая кисть сохраняется в Китае до самого XX века, когда она была во всеобщем употреблении вытеснена вечными перьями (но только во всеобщем — для каллиграфа она и поныне остается незаменимой). Однако известен один период, когда в определенном регионе ее место занимала деревянная или тростниковая заостренная и расщепленная с острого конца палочка *муби* (букв. «деревянная кисть», калам). Такой палочкой переписаны в большинстве рукописи периода тибетского завоевания Дуньхуана, а также немалое количество обиходных неканонических и небольших канонических, предназначенных для повседневного чтения рукописей конца IX — начала X в.⁹ В более поздних манускриптах писцы вновь повсеместно переходят на мягкую кисть.

Тушь (*мо*) в Китае того времени была преимущественно двух цветов: черная и красная (киноварная), причем оба цвета использовались как в живописи, так и при книгописании. Переписка рукописей повсеместно производилась черной тушью, а разметка текста, как правило, красной. Вообще китайский текст в древние времена, как везде в мире, переписывали без разделения на фразы — а потом не только переписывали, но и в большинстве печатали таким же образом (при иероглифической письменности, где иероглифом

⁹ Об этом см. [Fujieda, 1966—1969, pt. II, с. 17—24]. Там же (с. 19) есть изображение как «деревянной кисти», так и мягкой волосяной кисти, обнаруженных в Дуньхуане при раскопках.

обозначался корнеслог — чаще всего равнозначный слову, — вопрос о разделении на слова не стоял). При чтении возникла проблема: как правильно расчленить текст на фразы. По этой причине те тексты, которые часто приходилось читать, обычно размечены¹⁰. Разметка могла быть простейшей: точки, отмечающие конец предложения или законченной части предложения (точки и запятые в нашем смысле не различались). Но встречалась и сложная разметка. В такой особыми значками отмечались абзацы, начала больших периодов. Предложения и их части отделялись друг от друга точками разного типа. Существовала целая система помет, указывавших на тон, в котором должен читаться тот или иной иероглиф, на его правильное чтение и т. п. Большие части текста в рукописях простонародных произведений (повествований *бяньвэнь*, например) нередко в начале обозначались значком в виде угла, охватывавшего строку сверху и слева, так же отмечались графы в документах¹¹.

С учетом разметки можно выделить тексты, которые входили в круг обиходного чтения. Это были не обширные сутры, занимавшие десятки и даже сотни свитков-цзюаней, а сутры небольшие по объему, как теоретического содержания, так и сюжетные, обычно не превышающие одного свитка. Из них наиболее часто встречаются «Алмазная сутра» (*Цзиньган цзин*), кратко излагающая идеи праджняпарамиты (великого просветления), и «Сутра о Гуаньшини» (*Гуаньшини цзин*), посвященная рассказу об одном из самых популярных персонажей буддийской мифологии — бодхисаттве Авалокитешваре (в китайском переводе — Гуаньшини). Что же касается более обширных текстов, то чаще размечены комментарии к ним. Так, «Сутра о сказанном Вималакирти» (*Вэймоцзе со шо цзин*) хотя и невелика по объему — в ней всего три цзюани, — но размеченным, как правило, оказывается распространенный в то время комментарий к ней, составленный Сэн-чжао (374—414). Естественной кажется разметка простонародных рукописей — *бяньвэнь*, стихов, коротких сюжетных рассказов и др., — как простейшая, так и сложная. Стихи, отделяющиеся друг от друга пробелами, бывают еще снабжены точками и другими значками. Почти всегда размечены рукописи конфуцианского канона и комментарии к ним, буддийские апокрифы, прежде

¹⁰ Наиболее ранняя разметка обнаружена в рукописях III в. до н. э. из погребения в Мавандуй (см. [Мавандуй, 1980—1983]).

¹¹ Специальное исследование, посвященное вопросам разметки рукописей, принадлежит японскому ученому Исидзука Харумити [Исидзука, 1970].

всего известная «Сутра о силе родительской любви» (*Фу-му энъ чжун цзин*). Круг всеобщего чтения, устанавливаемый при помощи размеченных рукописей, оказывается, таким образом, во много раз уже, чем содержание Дуньхуанского фонда в целом. Но он достаточно широк и разнообразен, и на основании его можно уверенно утверждать, что контингент читателей был значительный, особенно если учесть, что многие произведения переписывались в массовом порядке и исчисляются только в Дуньхуанском собрании десятками, а то и сотнями списков.

Китайская тушь изготавливалась в виде сухих прессованных палочек или брусков. Основным компонентом туши была сажа. Чтобы приготовить тушь для письма, нужно было растереть ее в специальной тушечнице (*янь*), в углубление которой предварительно наливали воду, уксус или иной растворитель. Эти углубления носили поэтическое название «луjiца туши» или «прудок туши» (*мо чи*). Бывали тушечницы с двумя углублениями: одно — для черной туши, другое — для красной. Среди пишущей братии тушечницы пользовались не меньшим пиететом, чем кисти. В китайских музеях хранятся образцы древних тушечниц самых различных форм, с разнообразными «луjiцами туши». Корпус их украшен узорами, каллиграфическими надписями, изображениями благопожелательных предметов¹².

Существовали прославленные мастерские, изготавливавшие тушечницы. Одной из них — в уезде Шэсянь на юге нынешней провинции Аньхой — посвящен специальный трактат сунского автора Хун Цзин-бо (он же Хун Гуа, 1117—1184) «Описание тушечниц из Шэ» (*Шэ янь пу*). Своим любимым тушечницам поэты, как и в случае с кистями, составляли эпиграфы, жизнеописания, посвящали оды. Среди авторов этого рода сочинений такие знаменитости, как Ван Цань (177—217), Цзян Янь (444—505) или даже великий Су Дун-по (Су Ши, 1036—1101). Изготавливались тушечницы чаще всего из камня, реже — из твердых пород дерева или слоновой кости, но всегда были массивными для устойчивости. Растерев тушь, пишущий выбирал кисть нужных размеров и форм среди тех, которые ставились перед ним в специальном стакане. При смене кисти — то ли для написания иероглифов другого размера или стиля, то ли для смены цвета туши — кисть клали в воду для отмычки, а потом помещали обратно в стакан. Впрочем, для заметок на ходу чиновники

¹² Образцы знаменитых музейных тушечниц можно видеть в [ТШЦ4 (раздел «Наука о письменах», изд. 156), т. 654, с. 446—466].

и поэты брали с собой уже растертую тушь в закрытом флакончике и кисть в особом пенале. Письменные принадлежности носили на поясе, чтобы они всегда были готовы к употреблению.

Развитие и изменение китайских почерков, вне всякого сомнения, связано с развитием и изменением материала и орудий письма. В начале рассматриваемого периода (примерно до конца V в.) в письменности господствовала форма иероглифов, известная под названием *лишу* («канцелярское письмо»). Зародившись первоначально как стиль иероглифов для переписки текстов на шелку и на бамбуковых планках, он перешел потом и на бумагу. Для этого почерка характерны энергичный нажим как вертикальных, так и горизонтальных черт, изменяющийся на протяжении одной черты, отсутствие плавных переходов на изломах черт и общее тяготение знаков к форме квадрата, слегка вытянутого в горизонтальном направлении. Особенности этого почерка заставляют думать, что кисть в это время была достаточно жесткой. И в самом деле, в описании производства кисти, оставленном поэтом и каллиграфом Ван Си-чжи, сказано, что только опушка кисти делалась из самой мягкой шерсти, центральный же стержень делали более жестким, вставляя туда волокна конопли или жесткую шерсть, вроде шерсти черной крысы. А поскольку центральный стержень возвышался конусом над опушкой, то именно он определял в наибольшей степени характер почерка. Ван Си-чжи является признанным мастером образцового почерка *лишу*¹³. Но в то же время он является и основателем китайского скорописного стиля *цаошу* («травяное письмо» — связанные между собой черты этого почерка напоминают спутанные стебли травы). А для этого требовалось добиться большей мягкости и податливости кисти.

Видимо, с преобразованием кисти в сторону ее большей мягкости связаны те модификации почерков, которые наблюдаются на протяжении VI в. Нажим постепенно становится более ровным, изломы и повороты отдельных черт приобретают плавность — это уже скорей не изломы, а изгибы. Общий облик знаков, также близкий к квадрату, сжимается по горизонтали и вытягивается по вертикали, пока высота знаков не становится большей, чем ширина. Этот новый стиль, именуемый *кайшу* («установное письмо»), остается главенствующим в китайской официальной письменной тради-

¹³ Проф. Фудзиеда Акира опубликовал подборку образцов почерка *лишу* и почерков, переходных к *кайшу*, в рукописях из Дуньхуана [Фудзиеда, 1962].

ции вплоть до нашего времени. В то же время распространение получает и полускоропись *синшу* («ходовое письмо») и скоропись *цаошу*. Что же касается более древних почерков: древнейшего стиля *чжуань*, разделяющегося на *да чжуань* («большая чжуань» — стиль древних бронз и надписей на костях) и *сяо чжуань* («малая чжуань» — упрощенный стиль *чжуань*, связанный, видимо, с началом писания тушью с помощью деревянной палочки и распространившийся начиная с VII—VIII вв. до н. э.), *кэдоу цзы* («головастиковое письмо» — гипотетический стиль глубокой древности, в археологических находках не обнаруженный, по виду напоминающий головастиков) и, наконец, стиля *лишу*, то все эти почерки употреблялись уже только как стилизация: для надписей на печатях, на надгробиях, для памятных записей на стелах, для текстов на вывесках и т. п.

Особый стиль почерков представляют нам дуньхуанские рукописи, переписанные в последней четверти I тысячелетия «деревянной кистью». Как правило, это рукописи делового характера: документы, школьные тетради, карманные молитвенники, тексты для зачитания на праздничных собраниях и т. п. Их характеризует грубая нестандартная бумага и обилие неискusstvenных почерков. Если рукописи с текстами канонических произведений, предназначавшиеся для столичных и монастырских библиотек, переписаны мастерами своего дела, то здесь искусство переписки исчезает, строки неровные, иероглифы разных размеров и нестандартные по начертанию. Почерки «деревянных кистей» жесткие, черты иероглифов неровные, изломы черт угловатые и выписаны часто с разрывом. И только в некоторых из этих рукописей, с более или менее обширными текстами, чувствуется рука умелого переписчика. Тем не менее, хотя эти рукописи трудно назвать шедеврами каллиграфического искусства, они представляют достаточно большую ценность. Ведь только благодаря их наличию в Дуньхуанской рукописной библиотеке мы имеем точное, на образцах, понятие о рукописях обиходных, книгах на каждый день. Переписаны они большей частью в тетради, удобные для повседневного использования.

С почерками, особенности которых восходят к употреблению «деревянной кисти», связан еще один этап в развитии китайской книги. От IX—X вв. до нас дошли самые ранние образцы китайских первопечатных книг и иконок с текстом, обнаруженные, как и рукописи этого времени, в Дуньхуане. Есть целый ряд икон, отпечатанных в большом количестве экземпляров, с молитвами. В значительной части эти гравированные иконки заказаны правителем Дуньхуана Цао 113

Юань-чжуном в конце 40-х годов X в.¹⁴. Тексты, вырезанные на досках для печатания, являются воспроизведением рукописных знаков, написанных «деревянной кистью». Таким образом, «деревянная кисть» имеет еще одну несомненную заслугу перед китайской палеографией: ее использовали для написания первых текстов, предназначенных для печатного воспроизведения.

3. Иллюстрированные рукописи

Иллюстрированные рукописи в дуньхуанских собраниях встречаются сравнительно редко. Видимо, это объясняется исключительным пиететом к собственно тексту, характерным вообще для китайской книжной традиции. Подавляющее большинство иллюстрированных рукописей — это списки своеобразных сочинений, именуемых «Сутры об именах будд» (*Фо мин цзин*, «Буддханама-сутра»). Эти сутры в отличие от остальных сочинений разряда сутр не носят ни повествовательного, ни теоретического характера, но представляют собой набор большого количества имен будд, распределенных по десяти сторонам света (четыре основные, четыре промежуточные, верх и низ)¹⁵. Чтение длинного ряда имен «Сутры об именах будд» напоминало заклинания. Но может быть, именно потому, что эти сутры не имели занимательного характера, их чаще всего украшали рисунками.

Иллюстрации были трех родов¹⁶. Первый из них — это фронтисписы, подклеенные в начале свитка. Они нарисованы от руки красками и чаще всего изображают того или иного будду, но иногда и реальных деятелей буддизма. Так, на одном из фронтисписов изображен знаменитый путешественник и переводчик буддийского канона Сюань-цзан (602—664)¹⁷.

Второй способ иллюстрирования — это рисование изобраа-

¹⁴ Описание первопечатных изданий из Дуньхуана см. [Giles, 1957, № 8083—8102]. Публикации икон Цао Юань-чжуна см. [Stein, 1921, табл. СIII; Carter, 1925 (иллюстрации на вкладках)]. Для сравнения можно взять переписанную «деревянной кистью» рукопись S. 6983 в издании проф. Фудзиэда Акира [Фудзиэда, 1968].

¹⁵ Системе «Сутр об именах будд» посвящено специальное исследование проф. Инокути Тайдзюна [Инокути, 1964].

¹⁶ Все перечисленные ниже способы иллюстрирования рукописей можно видеть в таблицах к кн. [Stein, 1921]. Печати с изображениями будд воспроизводятся в упомянутой выше работе [Carter, 1925]. Рисованные изображения будд в тексте см. в кн. [Описание, 1963, с. 757].

¹⁷ Хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Опубликовано в кн. [Шефер, 1981, ил.].

жений будд, перечисляемых в тексте сутры. Одна строка рукописи чаще всего содержит два имени будд, причем получается два ряда имен, отделенных друг от друга значительным пробелом. В иллюстрированных рукописях над каждым именем нарисованы будды — соответственно изображения, как и имена, образуют два горизонтальных ряда, располагающиеся над рядами имен и обычно отбитые от имен специальным графлением. В ленинградском Дуньхуанском фонде имеется фрагмент рукописи, где имена будд переписаны в подбор, без разбивки по рядам, и будды расположены в проделах между соседними именами.

Наконец, третий способ иллюстрирования «Сутр об именах будд» происходит непосредственно от второго. При расположении имен в два ряда на картушах над именами будд оттискиваются печати с изображениями будд. В этих случаях по всей рукописи употребляется одна и та же печать. Изображения, таким образом, все оказываются одинаковыми (при рисованных буддах художник старался разнообразить рисунки по цвету, по расположению рук будды, по атрибутам, добиваясь, чтобы хотя бы близко расположенные будды отличались друг от друга). Справедливости ради следует сказать, что печати бывают весьма искусной, тонкой работы. Многие исследователи (и в их числе автор первого систематического исследования истории книгопечатания в Китае Т. Ф. Картер) считают эти печати прямыми предшественницами книгопечатания.

Встречаются, хотя и реже, и другие иллюстрированные произведения. Наиболее известны две рукописи. Одна из них хранится в Дуньхуанской коллекции Национальной библиотеки в Париже (фонд П. Пельо)¹⁸. Она представляет собой длинный свиток, изображающий в многоцветных рисунках, переходящих один в другой, победу Шарипутры, ученика Будды, над шестью ложными учителями. На обороте свиток снабжен обширным стихотворным славословием (*цзань*), обращенным к Шарипутре и прославляющим его мудрость и силу.

Другая знаменитая дуньхуанская рукопись хранится в Лондоне, в Британском музее (коллекция А. Стейна). Она представляет собою тетрадь с текстом «Сутры о Гуаньинь»¹⁹. Иллюстрации в ней расположены полосой над текстом сутры и изображают последовательно ряд сцен, посвященных дея-

¹⁸ Рукопись Р. 4524. Публикацию факсимиле см. [Vandier-Nicolas, 1954].

¹⁹ Рукопись S. 6983. Также опубликована полностью в кн. [Фудзэида, 1968].

ниям бодхисаттвы Гуаньинь (Гуаньшинь), который помогает попавшим в беду — стоит только, как сказано в сутре, произнести имя бодхисаттвы. С его помощью человек может спастись от огня, меча, нечистой силы и т. п., может получить просимое и может воспринять самое главное — учение Будды в приемлемой для себя форме.

Любопытно отметить, что способы иллюстрирования рукописей потом почти все перешли в печатные книги (только рисунки от руки и печати, естественно, заменились гравюрами)²⁰. Наиболее частым способом иллюстрирования печатной книги является помещение перед ее началом гравюры-фронтисписа. Но если ранее, в рукописях, фронтисписы встречались почти только в «Сутрах об именах будд», то в сунское время, согласно данным коллекции П. К. Козлова из Хара-хото, фронтисписами снабжался достаточно обширный круг изданий сутр, правда наиболее популярных. По нашим подсчетам, из общего числа 34 неповторяющихся гравюр китайских изданий из Хара-хото около двадцати — фронтисписы. Первая известная ныне печатная книга, «Алмазная сутра», изданная в 868 г. и обнаруженная в Дуньхуане, также снабжена гравюрой-фронтисписом.

Реже встречаются и другие способы иллюстрирования печатных изданий. Имеются как «Сутры об именах будд» (в основном краткие их варианты), так и даосские сочинения с такими же перечнями имен даосских святых. В раннепечатных изданиях (в отличие от рукописей) имена располагаются в один ряд, а над ними полосой изображения будд или даосских святых, часто связанных между собой затейливым орнаментом, имитирующим дым от курений. Иногда по низу страницы между именами выгравированы и курильницы, и тогда клубы дыма поднимаются снизу вверх между именами и сливаются вокруг изображений. Нельзя не видеть в такой манере украшения печатной книги подражание рукописям — все равно, с рисованными ли буддами или же с печатями. Правда, в печатных изданиях художники-резчики стараются достичь большего разнообразия, чем это было при оттисках печатей: на протяжении пяти-десяти изображений будды разные (далее серия «портретов» повторяется).

Иллюстрации сюжетного характера, идущие полосой над текстом, тоже встречаются в раннепечатных книгах — в текстах молитв с изображениями святых, к которым они обра-

²⁰ Примеры для дальнейшего изложения берутся отчасти из книги Т. Ф. Картера об изобретении книгопечатания [Carter, 1925], но преимущественно из нашей не опубликованной еще работы «Книжная гравюра в китайской части коллекции из Хара-хото».

щены (мы говорили выше о заказе этих гравюр-иконок правителем Дуньхуана Цао Юань-чжуном), и на редких образцах ксилографов такого рода, обнаруженных в Хара-хото. Должно сказать, что, хотя ранних образцов книг с иллюстрациями над текстом мы имеем очень мало, впоследствии, в монгольскую эпоху Юань (XIII—XIV вв.), и позже, вплоть до XX в., сюжетные произведения, издававшиеся для народа (новеллы, повести, пьесы), широко иллюстрировались именно таким образом. Разница была в том, что на свитках рисунки, не отделенные от соседних, переходили один в другой, а в более поздних книгах, уже приобретших форму кодекса, каждый рисунок занимал верх одной страницы и отделялся от других рамкой страницы. Этот последний способ дал в конце концов массовые книжки-картинки (*ляньхуаньхуа* «картинки-цепочки»), и поныне удовлетворяющие духовные запросы малообразованной части китайского народа.

Несколько слов об общем качестве рукописей рассматриваемого периода. Если исключить рукописи, предназначенные для ежедневного обихода и переписанные для себя, без соблюдения каких-либо стандартов, то остальные рукописи можно назвать в большинстве превосходными. Прочность бумаги такова, что она и сейчас сохраняет первоначальные качества: эластичность, хруст, упругость или мягкость. В целом сохраняется и первоначальный цвет, хотя от времени бумага, конечно, становится более темной, желтой или коричневатой, местами даже появляются коричневые пятна. Рукописи сравнительно редко бывают потертыми или потрепанными — чаще всего в начальной части, что вполне понятно. Благодаря необычайно прочному клею свитки, изготовленные и переписанные тысячу и даже полторы тысячи лет назад, почти никогда не распадаются на листы — и это при том, что полоса склейки в высококачественных рукописях не превышает трех миллиметров. Тушь стойкая, нигде не выцветшая, лишь изредка размытая попавшими на рукопись каплями воды, и то не повсеместно: недолговременное воздействие воды тушь выдерживает. Любопытно, что ни одна рукопись не попорчена вредителями. Можно утверждать, что в пропитывающие и красящие составы входили яды, не позволявшие вредителям точить бумагу. Во всяком случае, один из этих ядов, *цыхуан* (досл. «куриная желтизна», определяется как сернистый мышьяк), упоминается как протрава в пособиях по книжному делу Китая.

В сунское время и позже (т. е. с конца X в.), особенно в связи с изобретением и бурным распространением книгопечатания, в китайском книжном деле наступают интенсивные 117

перемены, многое модифицируется. Но при всех изменениях, происшедших в искусстве книги в более поздние времена, то уважение к книге и те навыки ее изготовления, что были выработаны в I тысячелетии, сохранялись всегда. Мало того, в самом оформлении печатной книги можно видеть особенно-сти, нередко сложившиеся в допечатную эпоху.

4. Процесс письма и оформление книги

Особенность старого китайского письма заключалась в том, что строки были вертикальными и располагались справа налево. Тот же порядок текста характерен и для печатной книги вплоть до XX в., когда постепенно, сначала по внешнему оформлению, а потом и по расположению текста, книга в Китае уподобляется европейской, насколько это возможно, конечно, при иероглифической письменности.

Китайскую рукопись, как правило, писал один писец на одной стороне последовательно подклеиваемых листов, образовывавших в итоге свиток горизонтального направления. Листы часто предварительно разграфлялись. Графление было разное по своему характеру. В V и в начале VI в. оно производилось тушью той же консистенции, что и та, которой писался текст. Поля отбивались более грубыми линиями. Ряды стихотворных строк (шедшие горизонтально) отделялись друг от друга горизонтальными же линиями. Во второй половине VI и в начале VII в., когда бумага была наиболее тонкой, отбивались в большинстве только поля. Строки иероглифов тем не менее в хороших рукописях чрезвычайно ровные, так что наводят на мысль об использовании транспаранта; хотя прямых доказательств этого мы не имеем, такая вещь возможна. Примерно с середины VII в. вновь появляется графление строк. Начиная с середины VI в. графление проводится тушью очень слабой консистенции, резко отличной от той, которой переписан текст. По виду эти линии напоминают линии от свинцового карандаша, и лишь очень внимательное рассмотрение их заставляет признать тушь. В рукописях менее качественных предварительное графление делалось редко, чаще строки намечались сгибами бумаги, а в иных случаях писец писал без всяких предварительных наметок. Если же в рукописях непрофессионального порядка мы обнаруживаем графление, оно выполнено грубыми, неровными линиями, с подтеками туши густой консистенции.

Учет графления и его характера важен для исследователя, так как все это часто оказывается связанным с содержанием рукописи. Для канонических произведений предварительная

подготовка была наиболее тщательной и аккуратной. Произведения, которые мы сейчас считаем собственно художественной литературой — а древние к таковой не относили, полагая их чем-то второстепенным рядом с сочинениями исторического и особенно идеологического плана, — выглядят много небрежнее. Таковы стихи, песни, сюжетная проза, песенно-повествовательные произведения для устного исполнения — бьяньвэнь, буддийские апокрифы. Самыми небрежными и самыми низкими по степени предварительной подготовки следует признать рукописи карманных молитвенников, чаще всего исполненные совершенно непрофессионально. Сначала мы расскажем о процессе написания рукописей наиболее тщательного исполнения, после чего будет легко представить переписку непрофессиональных рукописей.

Написав лист, на котором обычно помещалось 28 строк (есть варианты для разных периодов — 24—32 строки) по 17 иероглифов в строке (для непрофессиональных рукописей эта норма не действовала: переписчик вмещал в строку сколько мог), переписчик или специальный сверщик проверял написанное и подклеивал второй лист. Листы подклеивались по ходу дела, и это видно из того, что незаписанных листов в свитках не остается, а только часть листа, на которую не хватило текста, в конце цзюани (свитка). Далее так же подклеивался третий, четвертый лист и т. д. Обычный свиток достигал длины 8—10 м. Но некоторые свитки, как, например, тексты комментариев, сохранявшие тот же счет цзюаней, что и в основном тексте, если это было возможно, доходят до 30 м (см., например, [Giles, 1957, с. XII]).

Бывали случаи, когда при проверке выяснялось, что переписчик пропустил значительную часть текста или повторил уже написанное. Особенно часто это встречалось, если рядом или очень близко друг от друга располагались строки, начинавшиеся с одного и того же знака или группы иероглифов, как, например, в «Сутре о Гуаньшине». Исправление оказывалось невозможным, хотя поправки отдельных знаков, вписывание справа от строки пропущенных одного или нескольких знаков и даже целой строки — вещь довольно обычная, и случалось, что поправки вносились киноварной тушью. При крупных же ошибках на листе поверх текста писался крупный знак 免 (рукописная форма для 免) «удалить, сместить», и переписчик, подклеив следующий лист, переписывал весь лист заново, уже без ошибок. О таком процессе свидетельствуют листы в некоторых рукописях с этим знаком, удалить которые по каким-то причинам не успели или забыли.

Закончив свиток, переписчик (впрочем, далеко не всегда) 119

слева от текста, на оставшемся в конце цзюани пробеле приписывал свое имя, реже — также имя сверщика, еще реже — имена других лиц, причастных к изготовлению рукописи. Изредка встречаются подробные приписки, где указывается, кто заказал рукопись, по какому случаю, где и когда она переписана и другие сведения. Ценность этих приписок для историка книги — и не только книги — очень велика и позволяет установить историю рукописной библиотеки (история Дуньхуанской библиотеки, например, единственно сохранившейся от I тысячелетия, описана в подробностях несколькими авторами [Цзян Лян-фу, 1956; Fujieda, 1966—1969; Канаока, 1971]).

Более редко на рукописях стоят печати книгохранилищ или владельцев. Известны случаи, когда печать становилась способом фиксации порядка листов в рукописи. На обороте свитка на склейке листов оттискивалась печать таким образом, чтобы одна ее половина приходилась на левый лист, а другая — на правый. В случае, если склейка оказывалась недостаточно прочной и листы распадались, порядок их легко было восстановить, совмещая части одного и того же оттиска печати. Другой способ фиксации расположения листов заключался в том, что на обороте или на кромке, оставленной для склеивания, писался порядковый номер листа. При исправном свитке номер оказывался заклеенным; если же листы распадались, то видна становилась заклеенная ранее цифра. Этот второй способ чаще встречался в рукописях «второго сорта». Оба способа позволяли быстро восстановить порядок расположения листов. Но судя по тому, как редко разъединяются склеенные листы даже сейчас, тем, кто пользовался рукописями, приходилось это делать только в порядке исключения.

После окончания рукописи ее готовили для хранения. К левому краю последнего листа приклеивалась ось (*чжоу*) — палочка, покрытая лаком, или стержень из какого-то другого материала, например из стекла, слоновой кости и т. п. На ось свиток наматывался начиная с конца. В начале приклеивался еще один лист более плотной и грубой бумаги, оборачивавший свернутый свиток и предохранявший его от порчи. Он играл, таким образом, роль своеобразной обложки. В начале свитка всегда писалось название сочинения, а если оно состояло из нескольких свитков — еще и номер цзюани. В конце свитка название и номер цзюани повторялись; это были «начальный титр» (*шоути*) и «конечный титр» (*вэйти*). Однако рукопись сворачивалась текстом внутрь, и в свернутом состоянии эти титры не были видны. Поэтому на облож-

ке-обертке по внешнему краю номер цзюани и название сочинения повторялись — так называемый «внешний титр» (*вайти*). Если сочинение состояло из многих свитков, то свитки обыкновенно соединялись по десяткам в связки (*чжи, чжицзы*) и под внешним титром указывался номер связки и номер свитка в связке. Кроме того, в многотомных («многосвязочных») сочинениях нередко ставился еще один знак, который мы сейчас назвали бы библиотечным шифром. Знак этот брался из книги «Тысяча слов» (*Цянь цзы вэнь*), где текст был составлен так, что ни один из тысячи иероглифов не повторялся. Поэтому, беря иероглифы по порядку от начала до конца, можно было перешифровать тысячу единиц. А поскольку «Тысяча слов» была одним из основных учебных текстов и каждый учащийся при начальном обучении должен был выучить книгу наизусть, то любой грамотный человек мог установить порядок свитков, помеченных иероглифами этого текста. Были и другие ряды неповторяющихся иероглифов в два, три, пять, десять, двенадцать и т. д. знаков, и они тоже употреблялись для маркировки менее объемных сочинений. Из всех способов повсеместна нецифровая маркировка сочинений, состоящих из двух и трех свитков: в первом случае цзюани обозначаются как «верхняя» и «нижняя» (*шан, ся*), во втором — как «верхняя», «средняя» и «нижняя» (*шан, чжун, ся*). Были известны также другие ряды нецифрового обозначения порядка, но в Дуньхуане они не встречаются, и их можно считать возникшими позднее. Кроме того, часто под шифром добавлялся знак, являвшийся сокращенным обозначением книгохранилища. Для обозначения дуньхуанских монастырей это были: *лун* для обители Лунсинсы, *ту* для обители Линтусы, *энь* для обители Бао-эньсы и т. д.

Наконец, во внешний край листа-обложки клеивалась тонкая бамбуковая лучинка, не позволявшая листу сминаться, а к лучинке крепилась завязка (*дай*), причем у рукописей различных сочинений были завязки разного цвета. После этого свиток был готов. Для рукописей, объединенных в связки по десяти, изготовлялись футляры из бамбуковых лучинок или из разных сортов ткани (на связки одного и того же сочинения шла одна и та же ткань) — от узорной парчи до грубого холста²¹. На футляре обычно писалось название заключенного в нем сочинения (для сложных названий употреблялись сокращения, скажем *Да божо цзин* вместо *Да*

²¹ Наилучшая публикация образцов тканей с футляров из Дуньхуана принадлежит покойной Н. Никола-Вандье [Nicolas-Vandier, 1974—1976]. 121

божо боломидо цзин) и номер связки, если связок было несколько. Связки укладывались на полку открытым торцом наружу, и к ним подвешивались продолговатые бирки (*цян*) из плотной бумаги, заостренные книзу. Бирки могли быть обтянуты холстом. На них повторялось написанное на футляре. Помещаемая в любое издание по истории Дуньхуана фотография показывает Поля Пельо, первого европейского исследователя, увидевшего в 1906 г. недавно обнаруженную Дуньхуанскую рукописную библиотеку, возле сложенных именно таким образом связок свитков. Правда, они лежат не на полках, но тому, видимо, была причина — поспешность перемещения рукописей в замурованную вскоре пещеру (полагают, что это произошло около 1035 г., перед завоеванием Дуньхуана тангутами).

В рукописях неканонических сочинений многие из перечисленных выше элементов отсутствовали. О графлении мы уже сказали достаточно подробно. Отсутствовали чаще всего листы-обложки с внешним титром, и тогда нередко внешний титр, если он есть вообще, написан просто по кромке оборота первого листа. Соответственно нет лучинок, завязок, иногда даже осей — не говоря уже о футлярах и бирках. В таких рукописях нередко и подчас весьма многочисленны исправления, поправки, помарки — в тексте, между строк, вынесенные на поля, — а целые листы, помеченные знаком «удалить», встречаются как исключение. Редко выдерживается норма строк и знаков в строке. Бывает, что для написания неканонического сочинения используется обратная сторона другой рукописи, случается, что небольшое сочинение (объемом не более одного листа) пишется на обеих сторонах ради экономии бумаги. Но самый процесс написания остается тем же.

Особый случай составляют упомянутые ранее карманные молитвенники, которые по форме представляли собой тетради (впрочем, полной уверенности, что это именно молитвенники, нет. Можно предположить и другое: что это тетради учащихся школ при монастырях, чем и объясняется обилие неискusstvenных почерков). Для тетрадей брали нарезанную небольшими листами грубую плотную бумагу. Листки складывались пополам, образуя четыре страницы, записывавшиеся сплошь. Когда лист кончался, к нему по сгибу подклеивали с помощью тонких бумажных полос второй, согнутый так же, потом еще и еще один. Так получалась рукописная тетрадь (*сяо цэцзы*), где монах или учащийся записывал — нужно думать, для себя — наиболее часто употреблявшиеся буддийские тексты: молитвы, сутры небольшого размера, заклин-

нания-дхарани (кит. *толони*), стихотворные славословия-*цзань*, апокрифы, приспособлявавшие буддийские понятия к привычным китайским представлениям, и т. п. Внешние страницы в начале и конце тетради оставались незаписанными и играли роль обложки. По тому, что они изрядно засалены, можно сделать вывод, что монахи (или учащиеся) такими тетрадями пользовались постоянно и носили их всегда при себе в рукавах (заменявших китайцам карманы) или в мешочке на поясе.

В любом случае до самого конца I тысячелетия основным, абсолютно господствующим видом рукописной книги остается свиток (*цзюань*). Некоторые изменения обнаруживаются начиная примерно с середины IX в. И связаны они могут быть с началом более широкого, чем ранее, распространения текстов — все равно, для учебных ли целей или с целью зачитания их на различного рода молитвенных или праздничных собраниях. Прежде, когда книгу осваивал ученый, политик, поэт, пусть даже проповедник, для их обихода свиток был достаточно удобен. Теперь, когда учащемуся или молящемуся нужно было скоро найти необходимое место в тексте, свиток оказывался неудобным: перематывался он медленно, и за это время срочная надобность в тексте могла миновать. Этим, видимо, и объясняется поиск новых форм книги, дающих возможность быстрого обнаружения нужного текста и места в нем. Таких форм в Дуньхуане мы знаем несколько. Одну из них, тетрадь, мы только что описали, обратимся теперь к другим.

Вторая из новых форм книги появилась в Китае вместе с буддизмом: самые ранние примеры книг этого вида относятся примерно к середине V в. Связана она с индийской письменной и книжной традицией. Наиболее широкое распространение этот вид книги получил в Тибете (вплоть до XX в.). С одной стороны, тибетцы как будто в раннее время восприняли китайскую форму книги: многие тибетские рукописи из Дуньхуана — свитки. Однако самый беглый взгляд на них показывает, что для тибетской письменности, представляющей собой вариант древнеиндийского горизонтального буквенного письма брахми, форма свитка не идеальна. Свиток китайского образца сворачивали и читали в горизонтальном направлении. При горизонтальном же тибетском письме все равно свиток разграфливали на ряд последовательно расположенных страниц (читавшихся в отличие от китайского свитка, слева направо) и писали отдельный текст на каждой из них. Свиток приходилось записывать и читать постранично! Поэтому неудивительно, что форма свитка не

удержалась надолго в тибетских рукописях. Для письменности индийского типа должна быть удобной индийская же форма книги. Среди рукописей Дуньхуана на тибетском языке и в самом деле постоянно встречается форма *потхи*. Этот вид рукописной книги восходит к индийским книгам на пальмовом листе, однако в Китае и в странах Центральной Азии в рассматриваемый период встречаются почти исключительно рукописи на бумаге, лишь имитирующие форму книг на пальмовом листе (исключение составляют наиболее западные части центральноазиатского региона — Кашмир, нынешняя советская Средняя Азия, — где часты рукописи на бересте)²². Такие книги состоят из узких длинных прямоугольных листов, где текст написан на обеих сторонах, в середине же листа остается (и отчеркивается) незаписанный квадрат или круг, в котором проделано отверстие. Через отверстие продевается шнур, скрепляющий листы в книгу. При больших размерах листа отверстия проделывались на двух его половинах и шнура было два. Когда рукопись читали, шнуры развязывались и слегка отпускались, и листы перелистывали, перекадывая вверх, но не снимая их со шнуров. По окончании чтения шнуры вновь стягивались.

Судя по китайской части Дуньхуанской библиотеки, книги-потхи, появившись однажды в ранний период (несомненно под центральноазиатским влиянием, так как первые буддийские книги были завезены в Китай из Центральной Азии: Гаочана, Хотана), потом надолго исчезают, абсолютно вытесненные привычным свитком. Однако в VIII—IX вв. потхи появляются вновь, хотя и не играют ведущей роли. Оба периода связаны с теми временами, когда усиливалось западное (по отношению к Китаю, конечно) влияние. В первый раз это случилось в середине периода Лю-чао, или Шести династий (IV—VI вв.), когда весь Север Китая управлялся не китайскими династиями. Второй период так же недвусмысленно связан с периодом тибетского завоевания Дуньхуана (774—848), причем в Дуньхуанской рукописной библиотеке именно в это время обнаруживается весьма значительная прослойка тибетских рукописей²³. Этот способ оформления книги в Китае скоро вновь сходит со сцены, для китайских рукописей оказавшись непродуктивным.

Третий вид рукописи, отличный от свитка, принято назы-

²² Вид книги-потхи, техника ее изготовления и пользование ею подробно описаны в очерке М. И. Воробьевой-Десятовской «Рукописная книга в культуре Индии».

²³ Описание тибетских рукописей дуньхуанских фондов Парижа и Лондона см. [Lalou, 1939—1961; Vallée Poussin, 1962].

вать «гармоникой» (кит. *чжэбэнь* «складная книга»). Эта форма родилась непосредственно из свитка и в развернутом виде представляет собой такую же длинную полосу склеенных по горизонтали листов, как и свиток. Разница состоит в том, что для удобства поиска нужного места рукопись не сворачивается в трубочку, а складывается в виде гармоник в равные по размеру вертикальные узкие листочки, в сложенном виде располагающиеся стопкой относительно друг друга. Раньше текст можно было читать, только перемаывая свиток, что предполагало чтение неторопливое и внимательное. Теперь рукопись можно было быстро листать, необходимое место в книге находилось сравнительно легко, и такая форма книги, не исключая, конечно, и прежнего способа чтения, предназначалась также и для чтения быстрого и выборочного.

Появление гармоник и тетради повлекло за собой, как можно видеть на имеющихся образцах, и некоторую модификацию книги-потхи. В последние века, перед тем как Дуньхуанская библиотека была замурована в пещере, т. е. в IX — начале XI в., появляются рукописи, по форме отдельные листа напоминающие собой потхи (продолговатый неширокий прямоугольник), но эти листы потхи часто соединены попарно — сшиты или склеены, — а нередко просто представляют собой бумажный лист обычного формата, сложенный вдвое не поперек, а вдоль. Все четыре стороны оказываются записанными последовательным текстом. Далее эти «двойные потхи» могли либо склеиваться в тетрадь того типа, который описан выше (*сяо цэцзы*), либо сшиваться краями с соседними листами, составляя гармонику, на которой текстом заняты обе стороны бумажного листа (в отличие от обычной гармоник, где, как и на свитке, текст был с одной стороны). Такие гармоник, сшитые из листов книги-потхи, есть не только среди китайских рукописей из Дуньхуана, но и среди иноязычных текстов, найденных там же, например уйгурская рукопись с переводом на древнеуйгурский биографии известного деятеля буддизма Сюань-цзана²⁴.

Однако изобретение новых, с нашей точки зрения, как будто более удобных форм книги отнюдь не сразу и не повсеместно вытеснило свиток. В дуньхуанских коллекциях во все охватываемые ими периоды свитки абсолютно преобладают. Объясняется это прежде всего, по-видимому, традицией: свиток считался наиболее солидной, наиболее достойной обра-

²⁴ Публикации различных ее частей, оказавшихся в разных собраниях мира, см. [Ван Чжун-минь и Цзи Сянь-линь, 1951; von Gabain, 1935—1938; Тугушева, 1980]. См. также очерк Л. Ю. Тугушевой в настоящем томе.

зованного человека книгой. Такому человеку, по мнению китайских ученых слоев того времени, не годится пробегать глазами по тексту, но должно читать его вдумчиво и не торопясь, осмысляя и прочувствуя каждое его слово. Во всяком случае, так следовало обходиться с текстами философского и исторического характера, исполненными, по старокитайским понятиям, глубокого смысла и поучительными для читающего их. Внимательного чтения требовала также поэзия, где читавший кроме содержания и вложенных в стихотворения или поэтическую прозу мыслей мог насладиться изяществом и образностью речи. Что же до текстов служебного и прикладного характера: молитв, обрядников, обиходных сутр, различного рода рецептов и предписаний, то такие тексты чаще всего обнаруживаются в книгах-тетрадах и книгах-потхи. Если они имеют к тому же небольшой объем — как, например, деловые документы, медицинские рецепты, краткие молитвы, — то можно видеть их и на отдельных листах, в книгу не сброшюрованных.

Книги-гармоники хранились несколько иначе, чем свитки. Их тоже связывали, но уже не в круглые связки, а стопками, по пять-десять гармоник (сохранивших название *цзюаней*). Есть образцы гармоник, вложенных в обертку из бумаги, на которой снаружи наклеен ярлык с названием сочинения. Но в большинстве обложку заменяет верхний листок гармоники, изготовленный из картона и обтянутый цветной (чаще всего синей, иногда желтой или иного цвета) бумагой или тканью, причем в левом верхнем углу также наклеен ярлык с названием. Нижний листок гармоники, также без текста, из более плотной бумаги, чем вся книга, служил нижней страницей обложки. Можно думать, что для связок цзюаней-гармоник изготавливали специальные футляры-коробки, застегивавшиеся сбоку и оставлявшие торцы незакрытыми, как это мы видим в традиционной китайской книге вплоть до нашего времени. Однако таких образцов, про которые можно было бы уверенно сказать, что это футляры рукописных гармоник, сложенных стопкой, мы для рассматриваемого периода не имеем.

Перечисленные новые формы книги (гармоники, потхи, тетрадь) имели ряд вариантов сверх перечисленных основных. Различные виды тетрадей, а также смешанные формы, где сочетались особенности тетради, гармоники и потхи, описаны в исследовании Ж.-П. Дрежа [Drège, 1979]. Новые виды книги, как и свитки, укладывались на полках торцом наружу.

Для различения размещенных на полках книг служили не только подвешенные к связкам бирки с названием произ-

ведения, но и цвет тесьмы, пошедшей на изготовление завязок. Так, в Дуньхуане свитки «Шастры о земле учителей-йогов» (*Юйце ши ди лунь*) обвязаны красными завязками, свитки «Сутры о великой праджняпарамите» (*Да божо боломидо цзин*) — синими, красными, зеленовато-серыми (цвет менялся в зависимости от различных частей этой огромной сутры, включающей по-китайски 600 цзюаней), свитки «Сутры о великой паринирване» (*Да бо непань цзин*) — желтыми завязками. Отметим, что, согласно описаниям императорских библиотек, в них различительным признаком рукописей тоже служил цвет различных деталей. При суйском Ян-ди (605—616) разноцветными были стеклянные оси, на которые наматывались свитки, а при танском Сюань-цзуне (712—755) цветом различались оси, завязки, футляры и бирки.

Все изложенное выше показывает, что в середине I тысячелетия н. э. начали складываться способы и формы хранения рукописной книги, которые, перейдя позднее на книгу печатную, сохраняются в Китае вплоть до XX в. Даже сейчас издающиеся книги, когда они отпечатаны и сброшюрованы на старинный лад, хранятся по форме, выработанной веками. И только хранение и оформление книг европейского типа имеет европейский же образец.

5. Организация переписки рукописей

Организация переписки рукописей была достаточно сложной, поэтому остановимся на ней специально. Переписка, в которой участвовало много людей, подразделялась на ряд этапов — от записи нового текста, через снятие копий и далее к оформлению и распространению рукописей. Все этапы наиболее полно отражены в повествованиях о переводах на китайский язык буддийских сочинений. Вот, например, как описывается история перевода на китайский язык Чжу Ши-сином в 291—292 гг. текстов, присланных из Хотана (кит. Юйтянь), в «Собрании сведений о переводах Трипитаки» (*Чу Сань-цзан цзи цзи*), каталоге, составленном Сэн-ю в 518 г.:

«В третьем году Тай-кан (282 г.) [Чжу Ши-син] послал ученика [своего] Фужутаня перевезти сутру, [написанную] на варварском языке (т. е. на санскрите. — Л. М.) в Лоян. [Тот], прожив [там] три года, отправился потом в Сюйчан, а двумя годами позже прибыл в южную обитель Цанхэншуй в пределах Чэньлю²⁵. Пришел пятнадцатый день пятой луны

²⁵ Действие происходит в северной части современной провинции Хэнань, южнее р. Хуанхэ. Лоян расположен в центральной части этого

первого года Юань-кан (28 июня 291 г.). Собрались знатоки и вместе обсудили, как правильно записывать книги на языке Цзинь (китайском). В должное время держал книгу на варварском языке шрамана из Юйтяня Учало. Упасака Чжу Шу-лань изустно передавал [текст по-китайски], а Чжу Тай-сюань и Чжу Сюань-мин записывали с голоса²⁶. Во всей книге было 90 глав и в целом 207 621 слово. <...> К двадцать четвертому дню двенадцатой луны того же года (30 января 292 г.) запись вся была закончена. <...> В пятнадцатый день одиннадцатой луны второго года Тай-ань (30 декабря 303 г.) в северную обитель Цанхэншуй приехал шрамана Чжу Фа-цзи и нашел изначальную рукопись сутры. И тогда он, взяв выявленные пять списков и варварский (санскритский) текст, сверил переписанное вместе с Чжу Шу-ланем. Кончили во второй день четвертой луны первого года Юн-ань (22 мая 304 г.)» [ЧСЦЦ, цз. 7, с. 47в]²⁷.

Эта запись чрезвычайно интересна, ибо указывает точные даты начала и конца работ и описывает сам процесс перевода. Мы видим, что, во-первых, в переводе принимали участие несколько человек, функции которых строго разделялись. Основному переводчику (здесь — Чжу Шу-ланю, знатоку обоих языков) ассистирует другое лицо, Учало, выполняющее подсобную роль («держание» санскритского оригинала — у нас нет оснований думать, что он соавтор перевода, но санскрит он, по-видимому, должен был знать, хотя бы для того, чтобы вовремя перекручивать свиток или перекладывать страницы рукописи-потхи). Чжу Шу-лань переводит изустно — практика, неоднократно зафиксированная и для

региона, а Сюйчан и Чэньлю — в северо-восточной, на юго-восток от нынешнего Кайфэна. В Чэньлю было две обители под названием Цанхэншуй («Хранящая воду Ганга»): северная (упоминаемая далее в цитируемом тексте как резиденция Чжу Фа-цзи) и южная (где переводят текст Чжу Шу-лань и его помощники).

²⁶ Обычное толкование этого места, перешедшее во все последующие каталоги, гласит, что Учало (в более поздних текстах Улоча, однако Эйтель [Eitel, 1870, с. 77а], а вслед за ним и другие [Nanjio, 1883, Ap. II, № 26; Bagchi, 1927, с. 119—120; Hōbōgirin, 1931, с. 13, № 221] дают реконструкцию этого имени как Mokṣala — по первоначальной транскрипции Учало) был соавтором Чжу Шу-ланя по переводам. Однако из цитируемого здесь первоисточника, каковым является «Собрание сведений о переводах Трипитаки», видно, что Чжу Шу-лань, владевший, как сказано в другом месте, одинаково хорошо санскритом и китайским, переводил один. Учало — в тексте это сказано достаточно ясно — держал перед ним (и, надо думать, перелистывал) санскритскую рукопись, выполняя чисто технические функции, сравниваемые с функцией писцов Чжу Тай-сюаня и Чжоу Сюань-мина.

²⁷ По ГСЧ, цз. 4 [ТСД, L, с. 346в], выявление и сверка пяти списков приписывается другому лицу — Чжи Сяо-луну, что не меняет сути дела.

других переводчиков, достаточно взять хотя бы биографию знаменитого Кумарадживы [ГСЧ, цз. 2, с. 330а—333а]. Записывают под его диктовку два писца, причем для обозначения их применяется особый термин *бишоу* («принимающий на кисть»). Термин этот оказывается достаточно устойчивым. Например, в «Сунских жизнеописаниях достойных монахов» (*Сун Гао сэн чжуань*), составленных в 980 г. Цзань-нином (919—1001), он употребляется в том же значении при описании перевода сутры, который выполняет переводчик Праджня (конец VIII — начало IX в.):

«Это перевод Праджни. Моу-ни сверял по санскритскому тексту. Ожидающий указов (*дайчжао*) при [академии] Хань-линь Чжи-чжэнь из обители Гуанчжайсы произносил перевод. Юань-чжао „принимал на кисть“. Цзянь-суй редактировал текст (*жунь вэнь*), Чэн-гуань проверял смысл (*чжэнь и*)» (СГСЧ, цз. 3, с. 721а)²⁸.

Или еще:

«К шестой луне двенадцатого года [Чжэнь-юань] (середина 796 г.) был указ о переводе [сутры] в обители Чунфусы. Шрамана из Гибиня Праджня возглашал санскритский текст. Гуан-цзи из обители Тяньгунсы в столице Ло (Лояне) произносил перевод. Юань-чжао из обители Симинсы „принимал на кисть“, Чжи-жоу и Чжи-тун составляли текст (*чжуй вэнь*). Дао-хэн и Цзянь-суй из обители Чжэнгуансы в Чэнду редактировали текст. Да-тун из обители Цяньфусы проверял смысл. Чэн-гуань и Лин-суй проверяли окончательный текст (*сяндин*). Хо Сянь-мин, офицер охранных отрядов, и Доу Вэнь-чан, почетный комиссар левых улиц [столицы, оба из] войска Шэньцэ, переписывали для представления [трону]. Во вторую луну четырнадцатого года (начало 797 г.) коллегия была распущена» [СГСЧ, цз. 3, с. 721б-в]²⁹.

Все эти цитаты показывают, какое значение придавалось в старом Китае и его монастырях переводческому делу и правильному оформлению текстов в рукописи. Текст тщательно-

²⁸ Из упомянутых лиц кроме Праджни хорошо известен Чэн-гуань (738—839), автор ряда сочинений, наставник императора Шунь-цзуна (на троне в 805 г.), четвертый патриарх школы Хуаянь. Монастырь Гуанчжайсы в Чанъани в квартале Гуанчжайфан (в восточной половине города, к югу от императорского сада) был основан незадолго до перевода сутры.

²⁹ Кроме уже знакомых нам Праджни, Чэн-гуаня и редактора текста Цзянь-сюя известны имена Хо Сянь-мина и Доу Вэнь-чана, удостоенных отдельных биографий в «Старой истории Тан» (ЦзТШ, цз. 184) и в «Новой истории Тан» (СТШ, цз. 207). Обители в Чанъани (Чунфусы, Симинсы, Цяньфусы) находились под покровительством императора и его семьи, а в лоянской обители Тяньгунсы в 693 г. останавливалась («осчастливила», как сказано в истории) сама императрица У-хоу (684—704).

но выверяется по оригиналу, по переводу, по правильности написания, по верности стиля, по точному соответствию смыслу переводимого сочинения. Специальные люди записывают изустный перевод, другие соединяют листы в единый текст (хотя это и не сказано, но можно не сомневаться, что в результате получается свиток). Копии, снимаемые с текста, так же скрупулезно проверяются. Среди лиц, причастных к переводческому и рукописному делу, встречаются и видные деятели буддизма, такие, как Праджня или Чэн-гуань, и придворные чины (пусть не очень высокого ранга), вроде Хо Сянь-мина и Доу Вэнь-чана. За переводом наблюдает сам император, который издал указ о переводе сутры и которому по завершении работы представляется на высочайшее утверждение окончательный текст.

Отметим, что обычай представлять на рассмотрение государя тексты завершенных сочинений, зафиксированный в источниках с очень раннего времени, сохранился и потом, после изобретения и широкого распространения книгопечатания. Считалось особой честью представить свое произведение на личное рассмотрение высочайшего лица, получить его одобрение и указ об издании в императорских печатнях (об этом многократно говорится в классических трудах по истории китайского книгопечатания, см. [Carter, 1925; Флуг, 1959]). Хотя для более раннего времени (династия Тан и предшествовавшие ей периоды) мы имеем многочисленные точные сведения об утверждении императорами буддийских сочинений, сохраненные для нас буддийской историографией («Жизнеописания достойных монахов» *Гао сэн чжуань*, буддийские хроники и каталоги), но нет никакого сомнения, что гораздо чаще представлялись на высочайшее усмотрение сочинения идеологического содержания конфуцианского типа и исторические произведения. Известно, например, что составление законодательных и исторических сводов в начале династии Тан происходило по указу, с одобрения и с активным личным участием Тай-цзуна (Ли Ши-минь, 597—649, на троне в 627—649 гг.).

Второе, что можно почерпнуть из приведенных отрывков, — это данные о том, с какой скоростью при описанной выше организации труда производился перевод сочинений на китайский язык и переписка рукописей. Мы видели, что перевод сутры, присланной Чжу Ши-сином, был начат 28 июня 291 г. и окончен к 30 января 292 г., т. е. продолжался семь календарных месяцев. Какая сутра переводилась, известно точно — это «Испускающая сияние праджня-парамита-сутра» (*Фан-гуан божо боломи цзин*, см. [ТСД,

[VIII, № 221)]³⁰. Она состоит, как верно сказано в тексте, из 90 глав и подразделяется на 20 цзюаней (свитков), следовательно, за месяц переводили, записывали и сверяли около трех свитков. Когда Чжу Фа-цзи вместе с переводчиком Чжу Шу-ланем заново сверяли по подлиннику переписанные уже пять экземпляров сутры (что в целом составляет сто свитков), эта сверка продолжалась с 30 декабря 303 г. по 22 мая 304 г., т. е. примерно пять месяцев. Таким образом, чистая сверка (без перевода и переписки) требовала примерно три дня на два свитка.

Мы имеем возможность по другим источникам установить скорость переписки (без перевода). В Дуньхуанском фонде Института востоковедения сохранился документ (колофон утраченной рукописи) следующего содержания:

«<начало утрачено> данной обители помощник *сэнчжэна* Чжи-жэнь, один человек; вновь принявшие обет последователи Шакья[муни]: наставник Фа-шоу, наставник в уставе (фалюй) Цзе-цы, наставник в уставе Цзе-чан, наставник в уставе Цин-инь, наставник в уставе И-сюнь, наставник в уставе Цзе-жэнь, наставник в уставе Цзе-мань, наставник в законе (фаши) Цзе-цзань, наставник в законе Бао-цзе, [ша]ми Дао-син, женщина, готовящая пищу, по фамилии Инь — всего двенадцать человек — вместе возымели мысли о не имеющей [ничего] выше [себя] победе, с почтением переписали (цзин-се) „Сутру о великом скоплении драгоценностей“ в одном экземпляре, чтобы преподнести ее обители Юнъаньсы. [Они] желают, чтобы страна [узнала] покой, люди — величие, алтари предков и земли — неизменное процветание, [чтобы] Будда что ни день являл бы [свой] свет, [чтобы] колесо Закона неизменно вращалось бы, [чтобы обретшие] блага бедности и чистоты прожили бы сто лет и вступили бы в вечное слияние [с абсолют], [чтобы] процветание обители, пройдя через годы, было укреплено радостью, [чтобы] вечный покой явился бы по восьми сторонам, [чтобы] нисходящая радость укрепилась бы в четырех полях, [чтобы] от всепочитаемого ветра [все] узрели бы преображение. Еще желаем, [чтобы] души усопших предков семи поколений дальних веков восприняли бы [то, чему служит] причиной благость этих [наших] трудов, и поскорее повстречали бы собрание, [где] летают цветы. После этого [пусть] смены десяти

³⁰ См. [ГСЧ, цз. 4, с. 346в]: «<...> Чжу Шу-лань перевел „Испускающую сияние сутру“». Так была названа в первом переводе Чжу Фа-ланя «Праздникапарамита-сутра в 25 тысяч шлок». Во всех источниках [ЧСЦЦ, цз. 7, с. 47в и цз. 13, с. 97б] указана та же цифра в 20 цзюаней, которой и ныне определяется объем произведения.

категорий для четырех [видов] живущих, принадлежащих к наделенным душой, извивающимся, копошащимся и шевелящимся, склонятся перед этой наивысшей судьбой и все поднимутся на путь прозрения.

В третий год Тай-пин син-го, по порядку [циклических знаков] *у-инь*, в третью луну, шестнадцатый день (24 апреля 978 г.) принялись за дело и к наступлению шестой луны пятнадцатого дня (22 июля) завершили труд и отняли руки, о чем и сделана запись» (Дх. 1362)³¹.

Запись эта интересна для нашей цели тем, что по ней определяется время, нужное для переписки рукописи. 120 цзюаней «Сутры о великом скоплении драгоценностей»³² переписывают 12 человек, на каждого приходится по десять свитков. Работа эта продолжается три месяца, значит, за месяц один человек переписывает три свитка с небольшим.

Здесь есть, однако, некоторые сомнения: переписывали указанные 12 человек сами или заказывали переписку. Трудно предположить, что, скажем, повариха Инь была столь же грамотна, как и ее партнеры. Употребленный термин *цзин се* (досл. «с почтением переписали») в Дуньхуане употребляется в смысле «заказали переписку». Тогда по десять свитков приходится на заказчика, а сколько человек переписывают — неясно. Этот вопрос позволяют уточнить другие дуньхуанские материалы.

В колофонах рукописей из Дуньхуана мы находим и иные свидетельства того, с какой скоростью и как происходила переписка. В этом отношении особенно показательны рукописи перевода «Шастры о земле учителей йогов»³³, всего состоящей по-китайски из 100 цзюаней. Переписка ее проведена в конце 50-х годов IX в. одним лицом по имени Чжан Мин-чжао, поэтому на основании записанного в колофонах можно точно определить процесс написания рукописи. Мы обнаруживаем в конце свитков записи следующего типа³⁴:

«В одиннадцатый год Да-чжун, четвертую луну, двадцать первый день (18 мая 857 г.) бхикшу Мин-чжао писал. При

³¹ Как видно из текста, переписка производилась в монастыре Юнь-аньсы, одном из зафиксированных в Дуньхуане. Перечисленные лица в других источниках и документах нам не встретились. *Сэнчжэн* — монашеская должность, глава группы, следящий за соблюдением правил. *Шами* (*шраманера*) — послушник, готовящийся к принятию обета.

³² *Да бао цзи цзин* («Махаратнакута-сутра») насчитывает по-китайски 120 цзюаней, см. [ТСД, XI, № 310].

³³ *Юйце шиди лунь* («Йогачарита-бхуми-шастра»): [ТСД, XXX, № 1579]. Сведения о переписке заимствованы из колофонов, приведенных в кн. [Описание, 1963, 1967; Giles, 1957; ДИЦС].

³⁴ В скобках указаны шифры хранения: Лондонского (S.), Ленинградского (Ф. и Дх), Пекинского (иероглифический код).

великой Тан в одиннадцатый год Да-чжун, год под циклическими знаками *дин-чоу*, шестую луну, двадцать второй день (17 июня 857 г.) высокодобродетельный на государственной (службе) наставник в законе Трипитаки шрамана Фа-чэн³⁵ в обители Кайюаньсы в Шачжоу продиктовал до конца, [о чем] записано» (цз. 30). И далее: «В год *чоу*, шестую луну, двадцать второй день закончил диктовать» (S. 3927). Есть второй экземпляр этой цзюани, записанный тогда же под диктовку того же Фа-чэна, но другим человеком — бхикшу Хэн-анем (S. 5309). Несомненно, что два переписчика писали одновременно, т. е. сразу изготовлялись два экземпляра. Это подтверждается тем фактом, что и некоторые другие цзюани сохранились в двух копиях, например цзюань 42 (Ф. 70 и S. 6495), и в одной из копий тоже указан вместо Мин-чжао (Чжан Мин-чжао) другой переписчик.

Другие сохранившиеся цзюани этой шастры имеют сходные колофоны, почти дословно повторяющие приведенный и различающиеся только датами. Если сопоставим эти данные, то увидим следующую картину. На переписку цзюани 30 (S. 3927, S. 5301) ушел 1 месяц (18 мая 857 г. — 17 июня 857 г.). В колофоне цзюани 34 (Дх. 1610) сохранилась дата окончания переписки этой цзюани — 28 сентября 857 г., т. е. за период с 17 июня 857 г. по 28 сентября 857 г. (3,5 месяца) Чжан Мин-чжао записал 4 цзюани (с 31-й по 34-ю). Цзюань 42 переписывали Мин-чжао (Ф. 70) и другой неизвестный переписчик (S. 6495) с 8 марта 858 г. по 4 апреля 858 г. Таким образом, цзюани 35—42 (8 цзюаней) переписывались после 28 сентября 857 г. до 4 апреля 858 г. (6,2 месяца). Известны также конечные даты переписки Мин-чжао цзюани 48 (E. 25) и цзюани 56 (S. 6483) — соответственно 15 сентября 858 г. и 30 мая 859 г. По этим датам можно вычислить, что цзюани 43—48 (6 цзюаней) переписывали в течение 5,3 месяца, а цзюани 49—56 (8 цзюаней) — 8,5 месяца.

Мы видим, что для записи текста одного свитка (цзюани) под диктовку у Чжан Мин-чжао и у его партнеров, переписывавших вторые экземпляры, уходило около одного месяца с небольшими отклонениями в ту или другую сторону. По черк всех перечисленных рукописей — искусный и свободный устав *кайшу*. Вряд ли другие писцы могли сильно опережать опытного переписчика Чжан Мин-чжао. Тогда норма три с небольшим свитка на одного человека в месяц (вычислен-

³⁵ Биографии Фа-чэна (тиб. *Chos-grub*) и его трудам посвящены специальные работы, см. [Уэяма, 1967—1968; Ван Яо, 1980]. Шачжоу — одно из названий Дуньхуана.

ная на другой группе рукописей) оказывается чрезмерной, и можно уверенно утверждать, что формула *цзин се* действительно означает «заказать переписку», а переписчиков было примерно трое на каждого заказчика, т. е. что скорость была той же, что и при переписке Чжан Мин-чжао.

II. ИМПЕРАТОРСКИЕ РУКОПИСНЫЕ БИБЛИОТЕКИ

1. Из истории императорских библиотек

В китайских династийных историях есть разделы, которые именуются «Сведения о книгах» (*Цзинцзи чжи* в «Истории Суй» и «Старой истории Тан») или «Сведения о литературе» (*Ивэнь чжи* в «Новой истории» Тан)³⁶. Эти «Сведения» представляют собой каталоги императорских библиотек, снабженные пояснительными статьями — часто весьма обширными и подробными, позволяющими в деталях выяснить историю этих библиотек, принципы их комплектования и классификации. Естественно, что, поскольку еще не было книгопечатания, мы имеем дело с историей рукописных библиотек. Основой и образцом «Сведений о литературе» в упомянутых династийных историях послужили «Сведения о литературе» в «Истории Хань» (*Хань шу*) Бань Гу. Потом составление каталогов продолжалось, но в династийных историях мы вновь встречаем официальный сводный каталог только начиная с «Истории Суй»³⁷. Соответственно в этом

³⁶ Все три истории изданы в серии СББЯ. «История Суй» (*Суй шу*) была составлена в первой половине VII в. Вэй Чжэном (580—643) и др. Автор «Истории Тан» (*Тан шу*) является Лю Сюй (887—946), составивший ее по свежим следам недавно павшей династии. В XI в. после упрощения династии Сун было решено переписать недостаточно отвечающие принятым стандартам «Историю Тан» и «Историю Пяти династий» (*У-дай ши*). Во главе предприятия был поставлен поэт и ученый Оуян Сю (1007—1072). После окончания труда две написанные истории стали называться «Новой историей Тан» (*Синь Тан шу*) и «Новой историей Пяти династий» (*Синь У-дай ши*), а к названиям прежних стали добавлять слово «старый» (*цзю*). По содержанию «новые» и «старые» истории далеко не во всем повторяют друг друга и потому используются как самостоятельные источники.

³⁷ В «Истории Суй» каталог этот («Сведения о книгах», *Цзинцзи чжи*) занимает цзюани 32—35. Термин *цзинцзи* означает «классические (*цзин*) и другие (*цзи*) книги». Любопытно отметить: у иероглифа *цзин* слева «ключевой» знак «шелк, нить», а у иероглифа *цзи* сверху — «бамбук». Возможно, это различие указывает, что первоначально рукописи классических книг переписывались на шелку, а всех прочих — на бамбуковых планках.

труде изложена история библиотек и библиотечного дела за время от составления первых каталогов Лю Сяном (77—6 гг. до н. э.) и Лю Синем (ум. в 23 г. н. э. в возрасте около 70 лет) и до воцарения в 618 г. династии Тан. Сведения эти следующие³⁸.

Императорскую библиотеку при династии Хань систематически начали собирать в правление императора Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.), причем некий Чэнь Нун был послан для поисков книг по всей Поднебесной с правом непосредственного доклада государю. Результат не замедлил сказаться: на рубеже нашей эры сначала Лю Сян и Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.), а после смерти Лю Сяна его сын Лю Синь систематизировали и описали произведения, вошедшие в императорское собрание, хранившееся в павильоне Тяньлугэ в Чанъани (ныне Сиань). Известны имена помощников Лю Сяна, проводивших сверку переписанных книг: Ли Чжу-го, Инь Сянь и Жэнь Хун.

Результатом работы явился каталог «Семь подразделений» (*Ци люэ*), в котором предложена первая классификация китайских книг. Всего в каталоге было учтено рукописей 3390 цзюаней (свитков). Во время борьбы против Ван Мана (на троне в 8—23 гг. н. э.) библиотека сгорела. Новый император, Гуанъу-ди (25—57), один из известных своей просвещенностью правителей древнего Китая, привлек к собиранию книг большое количество знатоков и основал новую библиотеку, поместив ее во дворцах Жэньшоудянь и Дунгуань в Лояне, куда он перенес столицу из Чанъани. Хранителями библиотеки источники называют знаменитого автора «Истории Хань» Бань Гу (32—92), поэта Фу И (ум. ок. 89 г. примерно в 40 лет), знатока конфуцианской классики и комментатора Цзя Куя (30—101). Они, по словам истории, занимались «сверкой книг» (*цзяо шу*), т. е. внесением их в каталоги и вычиткой переписанных текстов. Библиотека эта сохранилась до 190 г. н. э., когда император Сянь-ди (190—220), убегая от временщика и мятежника Дун Чжо (убит в 192 г.), пытался спасти книги, завернув их в шелк и повелев солдатам своего войска нести их в заплечных мешках. Это не помогло, и большинство рукописей было утеряно: сгорели, утонули или утрачены иными путями³⁹.

³⁸ Изложение сведений до начала Тан мы ведем по *Суй шу* [СШ, цз. 32, с. 291—292].

³⁹ «В течение семидесятилетней смуты (от 190 до 264 г., т. е. до конца Троецарствия) все сгнило» [СШ, цз. 32, с. 2916]. В «Старой истории Тан» вместо этого: «Когда в конце Хань (в начале III в. — Л. М.) возвратились в столицу, оказалось, что сожжено и размочено более половины» [ЦзТШ, цз. 46, с. 577а].

После разделения страны в 221 г. на три царства (Вэй на севере, Шу на западе и У на юго-востоке) правители государства Вэй, представители фамилии Цао, давшей Китаю целую плеяду прославленных литераторов, вновь предприняли усилия по собиранию рукописей. Хранились собранные книги в императорском библиотечном ведомстве (*Мишу-шэн*) в специальном павильоне Мишугэ. Книги императорской библиотеки государства Вэй (221—264) переписывались на свитки желтоватого шелка (*сянсу*) и помещались в футляры-мешочки светло-голубого шелка (*бянан*). Хранителям Чжэн Мо (213—250) и Сюнь Сюю (ум. в 289 г. ок. 70 лет) поручили классификацию и составление каталогов. Первому из них принадлежит каталог «Книги внутренних [покоев]» (*Чжун шу*), а второму — «Новая опись» (*Синь бу*), включавший 99 145 цзюаней (свитков). Второй из названных каталогов замечателен тем, что в нем была предложена новая классификация книг, резко отличная от семи отделов, предложенных в начале I в. Лю Синем⁴⁰. Его «Семь подразделений» следующие: собрания (антологии и авторские сборники), шесть классических книг (конфуцианские классики, включая *Ши цзин* и *Шу цзин*), философы, *Ши цзин* и *Шу цзин*, военные писатели, практические науки (включая астрологию и гадание), медицина (включая алхимию и магию). Сюнь Сюю впервые зафиксировал классификацию по четырем разделам или хранилищам — система, которая победила не сразу, но которой впоследствии, начиная с VII в., было суждено стать господствующей в Китае вплоть до нашего времени. К ее подробной характеристике мы вернемся после, а здесь отметим, что классификация Сюнь Сюю охватывала конфуцианских классиков, философов (включая военных писателей и естественные науки), историков и, наконец, изящную литературу и поэзию (стихи, оды, надписи и т. п.).

В 265 г. страна была вновь объединена под властью династии Цзинь. Библиотека, собранная правителями Вэй, перешла в ее владение. Однако вскоре — в начале IV в. — начались беспорядки, известные как «мятеж пяти варваров». Эти беспорядки заключались в том, что начиная с 302 г. непрерывно восставали в северной части Китая то одни, то другие не китайские племена, усилившиеся во время разделения стра-

⁴⁰ Следует заметить, что деление книг как у Лю Синя, так и у Сюнь Сюю основывалось на их размещении в разных хранилищах. При Лю Сине было семь хранилищ, а при Сюнь Сюе — четыре (как сказано в истории, «павильон Мишугэ и еще других три павильона-гэ»). Во всех случаях китайского книжного хранения книги размещались по тематике. Поэтому каталоги библиотек Китая, отражая размещение книг, в то же время строго выдерживают их классификацию.

ны. В результате под напором наступавших «варваров» цзиньские императоры вынуждены были в 317 г. «перебраться на юг», перенеся свою столицу из Чанъани в Цзянькан (возле нынешнего Нанкина). Началась эпоха Северных и Южных династий, во время которой Север представлял собой конгломерат государств, управляемых правителями не-китайского происхождения, а Юг сначала был объединен под властью династии Цзинь, а позже — ряда других, сменявших друг друга династий. Во время многочисленных беспорядков почти все рукописи императорского книгохранилища погибли.

После бегства на Юг цзиньские императоры предприняли меры для восстановления утраченной библиотеки. Специальный чиновник Ли Чун проверил наличие книг по каталогу Сюнь Сюя и обнаружил, что сохранилось всего 3014 свитков. После этого началось восполнение библиотеки, но, видимо, не очень интенсивное. Известно, что в 417 г. полководец Лю Юй, уничтожив государство Поздняя Цинь (384—417) со столицей в Чанъани, захватил некоторое количество книг⁴¹, видимо не много, ибо к 420 г., когда новая династия Сун сменила в Цзянькане Цзинь, в библиотеке насчитывалось около 4000 свитков. Любопытны сведения о внешнем виде этих книг: говорится, что рукописи имели красные оси (на которые наматывались свитки) и были написаны на темной бумаге знаками древней формы. Это первое упоминание о целой библиотеке, составленной из рукописей на бумаге, а не на шелку. На место главного библиотекаря (*мишу цзянь*) императорского книгохранилища был назначен при Вэнь-ди (424—452), втором императоре династии Сун, известный поэт, художник, каллиграф и ученый Се Линъюнь (385—433). Благодаря его стараниям в составленном им же в 431 г. «Перечне книг по четырем разделам» (*Сы бу шуму*) числилось уже 64 582 свитка.

Казалось бы, составление каталога по четырем разделам указывало на то, что новая классификация утвердилась. Однако каталог Ван Цзяня (452—489) той же библиотеки (473 г.) состоял из семи классификационных рубрик (классики, философы, поэзия, военное дело, натурфилософия и астрономия, алхимия и медицина, география). В том же каталоге в качестве приложения была дана опись книг еще по двум разделам, в основные семь рубрик не вошедшим: даосизм и буддизм. Появление этих двух разделов показывает, что к середине V в. в китайской словесности начинают оформляться своды буддийских и даосских

⁴¹ См. об этом [СШ, из. 49, с. 407].

сочинений (*Фо цзан* и *Дао цзан*). Назывался этот каталог «Семь сведений» или, точнее, «Сведения о семи [хранилищах]» (*Ци чжи*).

О книгах при сравнительно кратком правлении династии Ци (480—502) мы можем судить по записи в «Истории Суй», где сказано, что в 483 г. главный библиотекарь Се Пэй и его помощник Ван Лян приступили к составлению каталога, который, так же как труд Се Лин-юня, получил название «Перечень книг по четырем разделам» (*Си бу шуму*), включающая всего 18 011 цзюаней. Можно думать, что значительная часть книг при переходе власти от Сун к Ци была утрачена. Когда же в 502 г. произошел очередной переворот и на смену Ци пришла династия Лян (503—557), то и эта библиотека сгорела.

При династии Лян в Цзянькане под хранилище книг было отведено специальное дворцовое строение Вэньдэдянь. Главные хранители Жэнь Фан (460—508) и Инь Цзюнь составили каталог по четырем разделам (классики, философы, историки, изящная литература), а их помощник Цзу Сюань (годы жизни двух последних не установлены) — по тому разделу, куда вошли книги по естественным наукам, алхимии, магии и медицине. Каталог трех авторов носил название «Перечень книг дворца Вэньдэдянь» (*Вэньдэдянь шуму*) и включал 23 716 цзюаней, не считая указанных в приложении книг по буддизму, точное число которых неясно. Известно только, что буддийские книги хранились в особом строении в императорском парке Хуалиньюань. В 551 г., когда Хоу Цзин (казненный в 552 г.) поднял мятеж и вошел в столицу, часть императорских дворцов Цзянькана сгорела, однако историческая часть библиотеки во дворце Вэньдэдянь уцелела⁴². Эта историческая библиотека при императоре Юань-ди (552—554) была слита с его же частным собранием, которым он владел, будучи еще наследником трона, причем вместе получилось около 70 тыс. свитков. Однако и ее постигла та же печальная участь: в 557 г. на столицу был совершен набег северной династии Чжоу (557—581), и почти все книги сгорели. По данным истории, число оставшихся свитков было 8 тыс., а вскоре оно уменьшилось до 5 тыс.

Впервые в это время мы встречаем достоверные сведения о частных библиотеках. Кроме упоминания о соединении при Юань-ди императорской библиотеки с частным собранием, судя по приведенным цифрам, превосходившим официальное императорское вдвое, есть данные о другом собирателе, по

имени Жуань Сяо-суй (479—536), отшельнике и знатоке исторического документального материала. Он составил в 20-х годах VI в. «Семь перечней» (*Ци лу*) — каталог своей библиотеки по семи разделам (классики, историки, философы, изящная литература, естественные и оккультные науки, буддизм, даосизм). Судьба и объем его библиотеки неизвестны, и каталог его утрачен. Думается, что можно при тщательном обследовании источников обнаружить сведения и о других личных библиотеках. Так, в конце биографии известно: поэт и теоретик поэзии Шэнь Юэ (441—513) сказано: «[Он] любил копить тексты. Собранные им книги достигали 20 тыс. цзюаней» [ЛШ, цз. 13, с. 826]. Вряд ли такие данные единичны, но их нахождение требует сплошного просмотра слишком обширных исторических материалов.

Последняя из южных династий, Чэнь (558—580), как и все предыдущие, собирала книги, которые в 581 г. перешли в собственность объединившей Китай династии Суй (581—618).

Так обстояло дело с рукописными собраниями южных династий. Что же касается северных династий, то они управлялись лицами, в большинстве более воинственными, чем культурными. Впервые упоминания о небольшом количестве книг встречаются при династии Северная Вэй (386—534), столица которой была первоначально в Янь (нынешний Пекин). Собрание началось в 20-е годы V в., но книг было мало. В 471 г. вэйский император перенес столицу в Лои (ныне Лоян), причем присоединил к своей библиотеке какое-то количество книг, полученных в южном государстве Ци. Каким путем — не сказано, но можно думать, что в качестве подарка, когда в 481 г. (после двухлетней войны) Северная Вэй и Ци заключили генеалогический брак. Небольшая образовавшаяся библиотека сгорела в 530 г. во время попытки дворцового переворота, предпринятой неким Эрчжу Жуном (493—530). Когда северная династия Поздняя Ци (550—580, столица в Е, ныне г. Линьчжан в северной части провинции Хэнань) была покорена объединителями Китая, императорами Суй, от нее к новым правителям перешло около 5 тыс. свитков. Еще об одной северной династии, Поздняя Чжоу (557—581) в Западном Китае, известно, что в 60-е годы VI в. в ее библиотеке было 8 тыс. цзюаней, а к концу правления число увеличилось до 10 тыс.

Таким образом, можно видеть, что и по количеству собранных книг, и по уровню библиотечного дела (нам не известны ни имена хранителей, ни каталоги, ни места и способы хранения) северные династии даже отдаленно не при-

ближаются к южным. Также нам неизвестны частные библиотеки северных областей Китая в это время. И хотя сведения об этих последних и для Юга достаточно скудны (мы имеем точные данные лишь об обширных частных библиотеках Жуань Сяо-сюя и Шэнь Юэ), для Севера у нас нет даже оснований для предположений об их наличии. Скорее другое: можно думать, что, если частные библиотеки и существовали, императорские библиотеки формировались не с их помощью. Мы имеем сведения о захватах уже существующих библиотек в столицах соседних государств: в 557 г. войска северной династии Поздняя Чжоу совершили набег на столицу южных династий и сожгли ее, в то же время именно после этого года в Чжоу появляется библиотека, насчитывавшая от 5 тыс. до 8 тыс. книг. Были, видимо, и дарения книг (как это должно было случиться при генеалогическом союзе северной династии Вэй и южной Ци). В то же время императорские библиотеки Юга каждый раз после их полной или частичной гибели восстанавливаются необыкновенно быстро. Для этого должны были быть источники текстов вне императорских библиотек — скорее всего в частных домах, и надо думать, что Жуань Сяо-суй или Шэнь Юэ не были единственными владельцами личных библиотек.

С объединением Китая династией Суй (581—618) собирание книг в императорскую библиотеку получило невиданный прежде размах. Прежде всего к Суй отошли книги (как мы знаем, около 10 тыс. свитков) династии Северная Ци, прекратившей свое существование в 581 г. Вскоре назначенный в 583 г. главным хранителем императорской библиотеки Ню Хун (545—610) обратился с «Докладом на высочайшее [имя] о необходимости поисков путей для пополнения [императорской] библиотеки»⁴³. Отметив, что есть пять бедствий, грозящих книгам (гонения властей, пожары, наводнения, смуты и войны), Ню Хун говорит далее, что от прежних богатых библиотек сохранились лишь жалкие остатки. В то же время он пишет, что утраченные библиотеки быстро возмещались, когда обнаруживались частные собрания, где удавалось найти большинство утерянных текстов. В качестве примера приводит слияние в 552 г. оставшейся части императорской библиотеки с личной библиотекой принца Сяо И (ставшего императором Юань-ди). Далее Ню Хун рассуждает следующим образом: «И ныне книг в императорском хранилище для чтения достаточно. Но должно до-

⁴³ Текст доклада см. [«Вся суйская проза» (*Цюань Суй вэнь*), цз. 24.— ЦШСЦСЛВ, с. 4158—4159; СШ, цз. 49, с. 407; БШ, цз. 72, с. 666—667; ТПЮЛ, цз. 619, с. 2778—2779].

биться полноты для всех периодов. Нельзя, чтобы в государевых кладовых чего-то не хватало. [Пусть] в частных домах они, [эти книги], и есть. Однако население у нас столь многочисленно, что трудно догадаться, где та книга, которую ищешь. Бывает, что кто-то имеет книгу иль знает о ней, но грудь его полна жадности. И приходится брать книгу, опираясь на силу, дарованную Небом, или платить [за чтение] хоть малую, но все-таки мзду. А если издать ряд просвещенных указов и к тому же назначить плату, то всегда обречем редчайшие из книг и сможем созерцать их груды. Повторяя [движение] ветров по [всем] дорогам, [количеством] книг мы превзойдем все прошлые века,— не будет ли это прекрасно?»

Этот доклад любопытен одной деталью: в нем прямо говорится о наличии большого количества частных библиотек, с помощью которых можно восполнить лакуны, образовавшиеся в императорских книгохранилищах. Для этого Ню Хун считает необходимым разослать гонцов в разные стороны («повторяя [движение] ветров по [всем] дорогам») и назначить приличную цену за книги, которые их владельцы согласятся продать. Назвал Ню Хун и объем столичной библиотеки: около 15 тыс. свитков, что, по его подсчетам, составляло всего половину того, что было в середине столетия при династии Лян.

Далее история гласит, что государь действительно издал серию указов о приобретении книг, как это советовал автор доклада. Видимо, воздействовали слова увещевания, когда Ню Хун, вспоминая изречение одного из древних сановников: «Ведь Поднебесная [такова, что] ею нельзя управлять с коня», от себя добавил: «Отсюда ясно, что установление правления по всей стране заключено в предназначениях книг и что из всех корней-основ страны никакую нельзя поставить раньше этой».

Приобретение книг после этого пошло весьма интенсивно. В истории сказано, что за один рукописный свиток давали штуку (около 12 м) шелка. Другим способом приобретения была переписка: у владельца брали под залог рукопись, переписывали ее в императорских скрипториях, а подлинник возвращали владельцу. Библиотека значительно пополнилась в 589 г., когда пала последняя из южных династий, Чэнь, а ее книгохранилище было переведено на север, в Лоян, ставший столицей государства Суй. Однако рукописи из Чэнь оказались низкого качества. Переписаны они были по большей части в смутные 70-е годы VI в., почерки были неискусные, бумага и тушь дрянные.

Тогда Ню Хун отобрал наиболее древние и искусно изготовленные рукописи в качестве образцов для дальнейшей переписки и пригласил прославленных писцов во главе со знаменитыми каллиграфами Вэй Пэем из Цзинчжао (район тогдашней Чанъани — нынешней Сиани, столицы провинции Шэньси) и Ду Цзюнем из Наньяна (ныне в провинции Хэнань). Каждая рукопись переписывалась в двух экземплярах для обеспечения сохранности в случае гибели одного из них. Содержались дублиеты в разных хранилищах: основной экземпляр — в императорском дворце, второй — вне его. Всего в каждом из хранилищ вскоре стало до 30 тыс. свитков.

Последний император династии Суй, Ян-ди (605—617), был большим любителем книг и древностей. Известно, что количество дублетов одной рукописи в императорской библиотеке в Лояне во дворце Гуаньвэньдянь (досл. «Дворец, где читают книги») доходило до 50. Можно думать, что такое количество дублетных рукописей было не случайным и что при императорском дворце были специальные читальные залы для придворных ученых — во всяком случае, как мы увидим далее, при династии Тан назначение дублетов было именно таким. Книги во дворце Гуаньвэньдянь распределялись по четырем хранилищам (*сы ку*), два из которых — классики (*цзин*) и история (*ши*) — были в восточном павильоне и два — философы (*цзы*) и изящная литература (*цзи*) — в западном. Кроме того, во внутренних дворцовых храмах (*нэй даочан*) размещались буддийские и даосские книги, не входившие в основные собрания. Позади дворца было две пристройки: в восточной пристройке Мяокайтай хранилась коллекция древних предметов, в западной, Баотай, — собрания картин.

Внутри каждого из четырех хранилищ рукописи располагались по трем классам согласно качеству. Рукописи высшего класса имели оси из красного хрусталя, среднего класса — из лилового хрусталя и низшего класса — из палочек, покрытых лаком, однако что представляли собой эти классы — неясно.

Кроме хранилища в Восточной столице Лояне при Ян-ди было и другое, в его Западной столице Чанъани, во дворце Цзяцзэдянь, где было до 370 тыс. свитков — видимо, дублетные экземпляры хранились в основном здесь.

Естественно, что, когда на место Суй пришла династия Тан (618—907), книжные богатства императорских дворцов перешли в ее владение. После того как последние «мятежники», обосновавшиеся в Лояне (при Тан главной стала Запад-

ная столица Чанъань), были усмирены (это произошло в 619 г.), было приказано перевезти в Чанъань библиотеку из Гуаньвэньдянь. Предприятие было поручено некоему Сун Цзунь-гую. Погрузив книги на лодки, он повез их вверх сначала по Хуанхэ, а потом по ее притоку р. Вэйхэ, на южном берегу которой расположена Западная столица. Недалеко от цели своего путешествия он повредил лодки, наткнувшись на «Донные столбы» (*Ди чжу*), и рукописи почти все погибли («из десяти пропало восемь—девять»). Погибла и большая часть каталога, поэтому точный состав книг в Гуаньвэньдянь остается неизвестным. Собранию дворца Цзяцзэдянь в Чанъани в результате переворота, приведшего Тан на смену Суй, тоже был, видимо, нанесен сильный ущерб: из 370 тыс. свитков к 618 г. осталось 80 тыс. К ним добавилось около 8 тыс. свитков, спасенных при крушении лодок, на которых перевозили книги из Лояна в Чанъань. Первый перечень спасенной части тоже дал весьма внушительные цифры: 14 466 названий сочинений в 89 666 свитках (цзюанях) ⁴⁴.

Книгохранилища периода Тан переняли от Суй распределение книг на четыре категории: конфуцианские классики, история, философы, сборники, т. е. собрания сочинений и антологии. По каталогам общее количество цзюаней (без дублетов) к этому времени составило 53 915. Несомненно, что огромное количество книжных единиц (свитков-цзюаней), которое указано в источниках (370 тыс. цзюаней в одном только дворце Цзяцзэдянь!), является результатом снятия многих рукописных копий. По подсчетам историков начала династии Сун (Оуян Сю и др.), книги, написанные только в танское время, включают 28 469 цзюаней, т. е. больше половины всей книжной продукции за все предыдущие века ⁴⁵.

Первым известным нам крупным мероприятием по сбору книг для пополнения столичных книгохранилищ было учреждение при императорской канцелярии должности инспектора императорских книг (*мишу цзянь*). Произошло это в годы

⁴⁴ Дальнейшее изложение ведется по «Сведениям о литературе» (*Ивэнь чжи*) в СТШ (цз. 57) с дополнениями по «Сведениям о книгах» (*Цзинцзи чжи*) в ЦзТШ (цз. 46); в тех случаях, когда в СТШ обнаруживаются сведения, добавляющие нечто принципиально важное к данным ЦзТШ, это оговаривается специально.

⁴⁵ Что эти цифры достоверны (а может быть, и преуменьшены), видно из следующего факта: свод «Все древние стихотворения» (ЦХСЦНШ), включающий всю поэтическую продукцию до начала Тан, составил два тома современной компактной печати, а свод «Все танские стихотворения» (ЦюТШ) — двенадцать таких же томов. Таким образом, для стихов пропорция во много раз больше, чем для письменности вообще.

под девизом Чжэнь-гуань (627-649), и эту должность занимали крупнейшие ученые и историки, такие, как Юй Шинань (558—638), Вэй Чжэн (580—643), Янь Ши-гу (581—645), Линху Дэ-фэнь (583—666)⁴⁶. Они предприняли усилия по скупке книг, отсутствовавших в императорском собрании, — можно не сомневаться, что поиски, скупка и переписка производились по частным коллекциям. Для сверки наличия книг по каталогам и вычитки текстов после переписки были приглашены знатоки книжного дела, о чем упомянутые инспектора — и чаще всего Линху Дэ-фэнь — неоднократно подавали доклады на высочайшее имя. На троне в это время был Ли Ши-минь (император Тай-цзун), один из самых замечательных деятелей в истории Китая, выдающийся полководец, организатор, правитель, возглавивший лично писание истории, составление законов и другие мероприятия государственной важности. Сам будучи литератором, в своей государственной деятельности он особое значение придавал собиранию и изучению разного рода текстов как архивного, документального характера, так и памятников истории, философии, изящного слова. Поэтому не приходится удивляться, что доклады сановников, касавшиеся различных предприятий по собиранию и классификации текстов, встречали его одобрение, и работа на поприще библиотек приобрела государственный размах.

Из мероприятий, одобренных Ли Ши-минем, особо отметим одно. Когда розыск и приобретение книг приобрели огромные масштабы, возникла острая необходимость в умелых переписчиках, которые могли бы копировать для государственной библиотеки недостающие тексты. В 627 г. последовал указ, по которому искусные в письме дети из знатных семей (главы которых имели ранг не ниже пятого)⁴⁷ назначались писцами (*шушоу*) в скрипторий (*сецзан*), расположенный во внутренних дворцовых книгохранилищах. Во главе этого скриптория был поставлен специальный чиновник (*гунжэнь*,

⁴⁶ Имя Линху Дэ-фэня, одного из ведущих членов комиссии по составлению династийных историй предшествующего периода (другим деятельным членом той же комиссии был Вэй Чжэн), в СТШ в связи с библиотеками не упоминается. Добавлено по ЦЗТШ.

⁴⁷ Скорее всего ограничение высшими рангами (от первого до пятого) было обусловлено тем, что дети чиновников этих рангов обучались в «Ведомстве для государственных детей» (Гоцзы-цзянь). Это было учебное заведение, содержавшееся за государственный счет и предназначенное для подготовки детей сановников к государственной деятельности. Впервые было учреждено под названием «Школа для государственных детей» (Гоцзы-сюэ) при цзиньском императоре У-ди в 278 г. При суйском Ян-ди в 605 г. переименовано в Гоцзы-цзянь и сохраняло это название до его слияния с обычными учебными заведениями в 1905 г.

т. е. один из зрителей императорских дворцов). Естественно, что такой способ отбора искусных писцов обеспечил постоянно увеличивающийся поток текстов своевременной перепиской. Основной фонд императорской библиотеки располагался по-прежнему в Восточной столице Лояне, во дворце Цяньюаньдянь. Императорские скриптории работали достаточно интенсивно. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 704 г. императрица У-хоу (684—704) подарила дунхуанскому монастырю комплект буддийского канона (Трипитаки) на китайском языке⁴⁸. К этому дарению мы еще вернемся, когда будем говорить о монастырских библиотеках.

Новый подъем библиотечное дело при династии Тан приобрело при прославленном в китайских легендах императоре-меценате Сюань-цзуне (712—755), нередко упоминаемом под своим посмертным титулом Мин-хуан. Его правление, отмеченное особым вниманием к изящным искусствам, известно учреждением первой школы актеров «Грушевый сад» (Ли-юань), собранием при дворе блестящей плеяды писателей, поэтов, художников. Библиотечное дело тоже не было оставлено без внимания. В «Старой истории Тан» есть такая запись:

«В третьем году Кай-юань (715 г.) Чу У-лян и Ма Хуай-су прислуживали на пиру. Сюань-цзун сказал: „В [наших] внутренних [покоях] хранятся все старые книги прежних правлений — Тай-цзуна (627—649) и Гао-цзуна (650—684). Ими ведают чиновники, назначенные указом. Но очень много [в библиотеке] не хватает, [лакуны] до сих пор не восполнены, главы и цзюани перепутаны, так что разобраться [во всем этом трудно]. Попробуйте, почтенные, для меня привести это все в порядок”»⁴⁹.

Сюань-цзун направил обоих приближенных (имевших титулы императорских телохранителей) на руководящие должности в дворцовом книгохранилище. Оба получили степени «ученых дворца Чжаовэньдянь» (в этом дворце располагалась литературная академия, и степень эта означала академик от литературы). Ма Хуай-су (659—718) был поставлен во главе комплектования библиотеки («комиссар по изготовлению книг» — *сю тушу ши*), а Чу У-лян (645—719) — во

⁴⁸ Этому дарению посвящены исследования Фудзиэда Акира и М. И. Демидовой [Фудзиэда, 1961; Демидова, 1973].

⁴⁹ В «Новой истории Тан» эти слова опущены. В подлинности приведенной реплики императора сомневаться на приходится, ибо специальные придворные писцы-историографы тщательно фиксировали все слова и дела государей.

главе упорядочения и сверки фондов (*чжэн-би*). К 717 г. был составлен каталог под названием «Книги по четырем разделам», послуживший основой дальнейшей работы⁵⁰. В 719 г. последовал указ, по которому следовало брать взаймы для переписки редкие книги у знати, вельмож, служилых людей и просто народа⁵¹. В том же году библиотека была приведена в порядок, и в восточной галерее дворца Личжэндянь (так с 718 г. назван был Цяньюаньдянь) в Лояне была устроена для служащих государственных учреждений столы для выставки собранных книг. После этого библиотека была перевезена из дворца Личжэндянь в дворцовый комплекс Дунгун (Восточные дворцы) в Чанъани, в императорском запретном городе. При библиотеке были учреждены два «двора»: «Двор изготовления книг» (Сюшююань), т. е. мастерские по переписке и оформлению рукописных свитков, и «Двор писателей» (Чжуцзоюань), при котором составлялись тексты различных сочинений ритуального порядка: памятные записи о событиях, некрологи и надгробные тексты, поздравительные послания, жертвенные мемориалы и т. п. Соответственно при библиотеке была введена особая **ученая степень** «ученый дворца Личжэндянь» (*Личжэндянь сюэши*).

«Ученые дворца Личжэндянь» проводили всю работу по систематизации и учету рукописных книжных фондов в императорских собраниях. К 721 г. группа хранителей под руководством «ученого дворца Личжэндянь» Инь Цзянь-ю (674—721) составила «Перечень четырех разделов всех книг» (*Цюнь-шу сы-бу лу*) объемом в 200 цзюаней — один из самых обширных библиографических трудов в истории Китая, в котором учтены сочинения, в целом составляющие 51 852 свитка (дублиеты императорской библиотеки в каталоге не учитывались)⁵². Судя по объему, это был каталог-библиография с аннотациями, сопровождающими каждую из вошедших в свод книг. В том же году приближенный государя Юань Син-чун (653—729) подал трону доклад о за-

⁵⁰ Так сказано в замечаниях к «Сведениям о чиновниках» в «Новой истории Тан» [СТШ, изд. 47, с. 356б].

⁵¹ В такой редакции содержание указа изложено в «Старой истории Тан». В «Новой истории Тан» об указе не говорится, а лишь упоминание о том, что брали взаймы книги, имевшиеся на руках у населения, а в императорских хранилищах отсутствовавшие.

⁵² В авторский коллектив кроме Инь Цзянь-ю входили: Ван Це, Вэй Шу (ум. в 757 г.), Юй Цинь, У Цзюнь, Лю Янь-чжэнь, Ван Вань, Лю Чжун. Общая цифра учтенных в каталоге свитков, перечень авторов и другие подробности, как, например, имя докладывавшего государю о готовности каталога, составление У Цзюнем сокращенной его редакции, — все эти данные есть только в «Старой истории Тан».

вершении работы над каталогом. Один из авторов основного каталога, У Цзюнь (известный также как один из «восемнадцати ученых беседки Ханьсянтин») ⁵³, на его основе составил несколько позже краткий каталог «Перечень книг древних и новых» (*Гу-цзинь шуму*) в 40 цзюанях⁵⁴.

При императоре Сюань-цзуне были впервые в истории Китая учреждены постоянные читальные залы, где знатоки книг могли знакомиться с рукописями, собранными в императорской библиотеке, и проводить свои ученые изыскания. Один из читальных залов был в Западной столице Чанъань. Он располагался не в запретном императорском городе, а в восточной части императорских парков, примыкавших к столице с северной стороны. Там находился загородный дворец Дамингун. Вне его стен, за северо-западными воротами Гуаншунмэнь, был в 721 г. «Книжный двор, где собираются мудрые» (Цзисянь шуюань), как раз и являвшийся читальней для ученых людей. Другой читальный зал под таким же названием был основан в Восточной столице Лояне в 722 г. возле одноименного дворца Цзисяньдянь, за его западными воротами Минфумэнь.

Читальные залы предназначались в первую очередь для придворных писателей, историков и представителей пишущего сословия. Это видно хотя бы из того, что императорская академия Ханьлиньюань, а также архивы и цензорат (Чжуншу-шэн, Юйши-тай), следившие за точной фиксацией событий, находились в той же части дворцового комплекса Дамингун, недалеко от читален⁵⁵.

Любопытен подсчет писчего материала, употреблявшегося императорскими библиотеками. Императорская канцелярия (*тайфу*) ежемесячно поставляла из области Шу (ныне провинция Сычуань) 5000 листов бумаги из конопляного волокна:

⁵³ «Беседка Ханьсянтин» — один из павильонов «загородного» дворцового комплекса Шанъянгун в Лояне, у западной стены императорского города. Вокруг комплекса были расположены императорские сады. В числе «восемнадцати ученых» был также известный поэт и прозаик Чжан Юэ (667—730).

⁵⁴ Аналогичная работа была проведена в XVIII в. во время правления цинского императора Цянь-луна (на троне в 1736—1795 гг.). В 1781 г. было завершено составление аннотированного каталога императорской библиотеки под названием «Пояснения к сводному каталогу всех книг по четырем отделам» (*Си-ку цюань шу цзунму тияо*), где было учтено 3503 заглавия книг в 79330 цзюанях. В 1782 г. на основе большого свода был составлен «Краткий каталог всех книг по четырем отделам» (*Си-ку цюань шу цзяньмин мулу*) в 20 цзюанях.

⁵⁵ Расположение перечисленных учреждений можно видеть на старинных планах столиц, собранных проф. Хираока Такэо в его работе о Чанъани и Лояне [Хираока, 1957, карта 17 — Чанъань и карта 28 — Лоянь].

(мачжи). За один сезон (три месяца) тратили 336 палочек туши из округа Шангу (северо-западная часть нынешней провинции Хэбэй). За год на изготовление кистей шло 1500 заячьих шкурок.

Библиотеки в обеих столицах распределялись все по тем же четырем хранилищам (классики, историки, философы, сборники). В каждом из хранилищ был основной и дополнительный (дублетный) отдел. Книги внутри хранилищ для удобства их различения имели оси (чжоу), завязки (дай), футляры (чжи) и бирки (цян) разных цветов.

Отлично налаженную обширную библиотеку императора Сюань-цзуна постигла злая участь. В 755 г. вспыхнул мятеж полководца Ань Лу-шаня, опиравшегося в первую очередь на западные тюркские племена жунов. Отряды Ань Лу-шаня заняли обе столицы, император Сюань-цзун бежал и вскоре отрекся от престола в пользу своего сына — Су-цзуна (756—762). Мятеж был подавлен, но императорская библиотека сгорела без остатка. Как Су-цзун, так и его преемник Дай-цзун (762—779) заботились о том, чтобы вновь собрать утраченные книжные сокровища, разыскивая рукописи по всей стране. Цены на рукописи в это время были чрезвычайно высокими. В 762 г. первый советник трона (цзайсян) Юань Цзай (ум. в 777 г.) докладывал государю, что за свиток приходится платить тысячу монет.

Особенно интенсивно столичная библиотека восполнялась при императоре Вэнь-цзуне (827—840). Его библиотекарь Чжэн Тань-ши постоянно сообщал государю об отсутствующих в высочайшем собрании сочинениях и о мерах, принимаемых для их разыскания и переписки. Специальные императорские указы следовали один за другим. В результате к 836 г. в основном императорском хранилище числилось 56 476 цзюаней⁵⁶.

Если учесть, что при Вэнь-цзуне, как и в прежние времена, изготовлялось много дубликатов, предназначавшихся для чтения ученых в специальных читальных залах, то можно себе представить обширность этой библиотеки. Именно этим было обусловлено более дробное, чем ранее, подразделение хранилищ. В каждом из «четырех хранилищ» было выделено по три более мелких, и соответственно во дворцах стало двенадцать книжных хранилищ, которые по традиции объединялись основным четырехчастным хранением.

Мощное восстание Хуан Чао (860—883) охватило всю

⁵⁶ О деятельности Чжэн Тань-ши и о числе собранных им книг сообщается только в «Старой истории Тан».

страну. Династия Тан, хотя и сумела в конце концов подавить это восстание, уже не смогла оправиться от нанесенного удара и в 907 г. прекратила свое существование. Когда в 880 г. Хуан Чао вступил в Чанъань и объявил себя императором «государства Великая Ци», а его помощник Гань Цзи вошел в Лоян, императорские дворцы были сожжены, и библиотека опять погибла⁵⁷. О размерах, которых достигало книжное собрание к роковому для него 880 году, можно судить по указу Чжао-цзун (889—904), одного из последних танских императоров. В нем, в частности, было сказано: «Данное ведомство (Мишу-шэн, или императорская библиотека. — Л. М.) ранее состояло из четырех отделов, [подразделявшихся] на двенадцать хранилищ; всего было 70 тыс. цзюаней. После мятежа в год Гуан-мин (880 г.) в один миг все было утрачено. После этого [удалось] закупить и собрать всего около 20 тыс. книг. В прошлое правление (т. е. в правление императора Си-цзун, 874—888. — Л. М.) [государь] осчастливил [своим присутствием] Шаньнань (округ к югу от Чанъани с центром в нынешнем уезде Сянъян провинции Хубэй. — Л. М.), и там оставалось еще 18 тыс. книг»⁵⁸.

Тем же указом Чжао-цзун повелел столичному комиссару Сунь Вэй-чэну произвести инвентаризацию и выяснить, каких книг не хватает, после чего Вэй Чан-фаню и другим императорским послам приказал «по всем дорогам» разыскивать и скупать книги и свозить их в Лоян, дворцам которого было предназначено стать хранилищами вновь собранной библиотеки. Усилия увенчались успехом, и в каталоге, составленном впоследствии (точная дата его не установлена, но примерно на рубеже IX и X вв.), опять было зафиксировано огромное количество книг. По сведениям «Старой истории Тан», распределение рукописных текстов по четырем отделам было следующее:

классики: 575 сочинений в 6241 цзюани;
историки: 840 сочинений в 7946 цзюанях;
философы: 783 сочинения в 15 637 цзюанях;
сборники: 892 сочинения в 12 028 цзюанях.

То есть всего 3090 сочинений в 41 852 цзюанях. Кроме того,

⁵⁷ Источники по-разному характеризуют участь книжного собрания. «Новая история Тан» говорит, что от библиотеки «не осталось даже дощечки», а «Старая история Тан» выражается более осторожно: «оставшегося было мало». О Гань Цзи, помощнике Хуан Чао, также известно только из «Старой истории Тан».

⁵⁸ Текст указа см. в «Старой истории Тан» [ЦзТШ, изд. 46, с. 577а-б]. В «Новой истории Тан» есть только беглое упоминание о том, что такой указ был издан.

были специальные хранилища буддийского и даосского канон, число рукописей в которых источники не сообщают⁵⁹.

После династии Тан в течение почти шестидесяти лет Китай был ареной борьбы за власть между многими крупными и мелкими претендентами на престол, причем в центре последовательно сменили друг друга пять правящих фамилий (на периферии недолговечных мелких государственных образований насчитывается не менее десяти). В этот период, известный под названием Пяти династий (У-дай, 908—960), велись непрерывные междоусобные войны и, надо думать, у правителей было мало времени для того, чтобы всерьез заниматься библиотечным делом. Правда, некоторые из них, как, например, правители династии Южная Тан (937—975), правившей в сравнительно спокойных местах, в области Цзяннань (на юг от р. Янцзы), оставили заметный след в китайской литературе, а последний правитель Южной Тан, Ли Юй (937—978), даже почитается в ряду великих китайских поэтов. Тем не менее вновь объединившей страну династии Сун (960—1279) пришлось собирать почти все заново. Однако история сунских библиотек в целом выходит за пределы темы «Рукописная книга».

В конце правления династии Тан (не позже середины IX в.) в Китае начинает распространяться недавно изобретенное книгопечатание, и в известных нам сунских собраниях основным способом воспроизводства текстов становится переписка их, а печатание с деревянных клише — ксилография⁶⁰.

2. Штат императорских рукописных библиотек

Из исторического очерка рукописных библиотек при императорском дворе видно, что в течение первого тысячелетия новой эры количество сочинений и соответственно число рукописей неуклонно росло. Организация читальных залов для столичных ученых в VIII в. потребовала множества дубли-

⁵⁹ В «Новой истории Тан» не приводится столь же подробной характеристики: сведения там даны только для отдела классиков, причем несколько отличаются от приведенных. Сообщается, что в каталоге, составленном при Чжао-цзуне, не все авторы и сочинения были учтены. В отдел классиков были внесены 597 сочинений 440 авторов в 6145 цзюанях, не учтены были сочинения 117 авторов в 3360 цзюанях. Нам неизвестно, по каким источникам уточняли эти сведения Оуян Сю и его помощники. В любом случае важно, что впервые указано число авторов.

⁶⁰ История изобретения книгопечатания в Китае наиболее систематически изложена в кн. [Carter, 1925]. Для периода Сун имеется специальное исследование, очень подробно документированное, см. [Флуг, 1959].

жатов, еще более увеличивших число рукописных свитков-цзюаней, хранившихся в государственных собраниях.

Соответственно возрастали и штаты императорских библиотек, которые обеспечивали хранение, охрану, выдачу, переписку, сверку рукописей, оформление, классификацию и отбор книг. Для периода до династии Тан мы не имеем достаточно детальных штатных расписаний библиотек, но общие сведения для некоторых династий, дающие возможности для сравнения, мы все-таки находим. Так, для династии Суй, правившей в конце VI — начале VII в., в той части «Истории Суй», которая озаглавлена «Сведения о чиновничестве» (*Байгуань чжи*)⁶¹, есть раздел, посвященный «Ведомству книг тайных [покоев]» (Мишу-шэн). Напомним, что «тайными покоями» назывался запретный город, т. е. комплекс дворцов и парков, служивших личной резиденцией императора и его семьи.

По росписи библиотечных чинов в «Сведениях о чиновничестве» мы устанавливаем следующую картину. Во главе Мишу-шэна стоял императорский инспектор (мы бы сейчас сказали «директор») *мишу-шэн цзянь*, у которого был в подчинении один старший исполнитель *чэн* и четыре рядовых чиновника *ланчжуна*. Этот штат обеспечивал собирание и упорядочение рукописных книг. Для наблюдения за правильностью переписки и стандартизации написания иероглифов в Мишу-шэне был дополнительный штат из двенадцати сверщиков текстов (*цзяошулан*) и четырех правщиков иероглифов (*чжэн цзы*). Весь штат состоял, таким образом, из двадцати двух человек.

В подчинении Мишу-шэна было «Подведомство пишу-щих» (Чжуцзо-шэн), на обязанности которого было составление текстов ритуального характера, поступавших по минованию прямой надобности на хранение в библиотеку. В этом подведомстве было два старших чиновника (*лан*), восемь младших (*цзолан*) и два сверщика (*цзяошулан*) — всего 12 человек. В целом же в Мишу-шэне и Чжуцзо-шэне состояло 36 штатных служащих — число, как можно видеть, не очень большое.

После прихода к власти династии Тан (618 г.), точнее — начиная с 621 г., когда появились первые указы этой династии, касающиеся упорядочения рукописного дела и собирания библиотек, персонал императорских книгохранилищ увеличивается. Мы не имеем возможности перечислить здесь неоднократные модификации библиотечного штата, ограни-

⁶¹ [СШ, цз. 27, с. 2496].

чимся в основном результативным перечнем из сводного труда «Шесть танских ведомств»⁶².

В танское, как и в суйское время ведомство императорских библиотек именовалось Мишу-шэн⁶³, однако официальный штат ведомства был значительно обширнее, чем при предыдущей династии. Делился он на основной и на дополнительный. Основной был построен по тому же принципу, что и суйский: во главе — императорский инспектор *мишу-шэн-цзянь*, ему подчинялись два заместителя (младшие инспекторы *шао-цзянь*) и один исполнитель *чэн*. Четыре чиновника *лана*⁶⁴ ведали каждый одним из четырех отделов или хранилищ императорской библиотеки. Были в основном штате также сверщики текста *цзяошуланы* (восемь человек)⁶⁵ и правщики иероглифов *чжэн цзы* (четыре человека). Кроме того, в основной штат входил один делопроизводитель (*чжу-ши*)⁶⁶, на обязанности которого состояло держать в порядке текущие дела ведомства.

Появление дополнительного (или «низшего») штата, видимо, диктовалось тем, что для рукописной библиотеки было необходимо содержать большое количество писцов и других мастеров, обеспечивавших своевременную переписку и

⁶² «Шесть танских ведомств» (*Тан лю-дянь*) — сочинение, составленное комиссией из десяти человек по указу императора Сюань-цзуна от 722 г. Представляет собой роспись чинов государственного аппарата по шести министерствам двора. В 738 г. одному из составителей свода, Ли Линь-фу (ум. в 752), было приказано добавить к нему комментарий. Сочинение с комментарием является основным первоисточником сведений о государственном аппарате первого периода правления Сюань-цзуна. Существует исчерпывающее руководство по этому своду (см. [Икэда, 1967]). Мы берем за основу сведения *Тан лю-дянь*, лишь изредка извлекая дополнительные данные из других источников [ЦзТШ, цз. 43 (раздел «Сведения о чиновниках», *Чжигуань чжи*), с. 548а; СТШ, цз. 47 (раздел «Сведения о чиновничестве», *Байгуань чжи*), с. 3576].

⁶³ Название ведомства при Тан менялось трижды. В конце 661 г. оно было переименовано в ведомство Ланьтай по названию строения, в котором помещалось при его первичном учреждении на рубеже нашей эры (при династии Хань). В конце 668 г. название было изменено на Линьтай. С 705 г. ведомству возвращено первоначальное наименование Мишу-шэн. Соответственно менялись и названия чинов (см. [ЦзТШ, цз. 43]).

⁶⁴ «Новая история Тан» называет трех *ланов*, но думается, что это ошибка, так как отделов, которые были в ведении *ланов*, всегда было четыре. Там сказано: «Поскольку в каждом из четырех разделов (*цзя, и, бин, дин*) было три подраздела: основной, дублетный и сборный, процесс их оценки и переписки определялся этими тремя». Однако после этого объяснения остается непонятным, кто же ведал четвертым хранилищем. Маловероятно, чтобы в них не было ответственных лиц. Поэтому разъяснение это представляется искусственным, чтобы оправдать число «три».

⁶⁵ «Новая история Тан» говорит о десяти *цзяошуланах*. Можно думать, что это число не было неизменным во все периоды.

оформление рукописных книг. Вспомним, что до образования такого скриптория в 20-е годы VII в. пришлось объявить своеобразную мобилизацию искусно пишущих недорослей из знатных фамилий для восстановления императорского собрания. Однако для ежедневной переписки необходимы были постоянно действующие скриптории с постоянным штатом.

О существовании в танское время постоянных скрипториев до периода правления Сюань-цзуна (712—755) мы можем судить по некоторым колофонам рукописей из Дуньхуана, несомненно происходящих из тогдашней столицы — Чанъани⁶⁷. Приведем один из таких колофонов (рукопись S. 3094):

«[Под девизом] И-фэн во второй год, пятую луну, 21-й день (26 июля 677 г.) писец Лю И-ши написал.

Использовано бумаги 21 лист.

Мастер — оформитель рукописей — Се Шань-цзи.

Первая сверка — писец Лю Янь.

Вторая сверка — писец Лю Янь.

Третья сверка — писец Лю Янь.

Чтец-проверяющий — высокодобродетельный из обители Тайюаньсы⁶⁸ Шэнь-фу.

Чтец-проверяющий — высокодобродетельный из обители Тайюаньсы Цзя-шан.

Чтец-проверяющий — глава обители Тайюаньсы Хуэй-дэ.

Чтец-проверяющий — председатель собраний из обители Тайюаньсы Дао-чэн⁶⁹.

Ответственные за вынесение решений — начальник канцелярии парка Шанлинь⁷⁰ Ли Дэ, начальник придворной службы по наблюдению за императорскими покоями Янь Сюань-дао — надзирали [за перепиской и оформлением]»⁷¹.

⁶⁷ Колофоны воспроизведены в статьях проф. Фудзиэда Акира [Фудзиэда, 1960; Fujieda, 1966—1969], а также (в части «Лотосовой сутры») в кн. [Кабутоги, 1980]. О том, каким образом эти рукописи попали в Дуньхуан, см. [Фудзиэда, 1961; Демидова, 1973].

⁶⁸ Обитель Тайюаньсы находилась в Чанъани в квартале Сюанфан в «правых» (западных) улицах. В отличие от одноименной обители Восточная Тайюаньсы в Восточной столице (Лояне) ее часто называли Западной Тайюаньсы. Позднее была переименована в Чунфусы (см. [СГСЧ, цз. 2, с. 719а]).

⁶⁹ Из упомянутых лиц в СГСЧ удостоены отдельных биографий Цзя-шан (цз. 4), Дао-чэн (цз. 14) и упоминаемый в других аналогичных колофонах Хуэй-ли (цз. 17). Хуэй-дэ упоминается в биографии Цзя-шана [ТСД, L, с. 728б].

⁷⁰ Парк Шанлинь — императорский охотничий парк к западу от Чанъани.

⁷¹ Колофон опубликован факсимиле в работе [Фудзиэда, 1960, с. 23]. Почти дословно этот текст повторяется в другом колофоне рукописи 675 г. (Р. 2195), см. [Catalogue, 1970, с. 127—128].

Аналогичные колофоны на рукописях из столичного императорского скриптория, относящиеся ко времени правления императрицы У-хоу, все построены по тому же образцу. Однако имена надзирателей, чтецов-проверяющих, писцов, сверщиков лишь изредка повторяются на двух-трех рукописях, но чаще всего на каждой рукописи иные. Постоянным оказывается только одно имя — мастера — оформителя рукописей Се Шань-цзи. Отсюда можно сделать два важных вывода. Первый: в конце VII в. в мастерских по переписке рукописей при императорской библиотеке еще не было постоянного «низшего штата», но по мере надобности к скрипторию «прикомандировывались» писцы и иные лица из других ведомств. Второй важный вывод: скрипторий как постоянное учреждение в это время существовал и были строгие правила переписки, по которым определенные лица в определенном порядке выполняли те или иные действия. По колофонам устанавливается, что кроме непосредственных исполнителей — переписчика (*шушоу*) и мастера — оформителя рукописей (*чжуанхуаншоу*) — к изготовлению был причастен еще целый ряд лиц. Трижды производилась сверка все тем же человеком или разными людьми, профессиональными писцами, которые были компетентными в приемах переписки и могли проследить за правильным употреблением иероглифов⁷². Последнему обстоятельству в китайской писцовой практике всегда придавалось — вплоть до нашего времени — важное значение: употребление форм, официально не утвержденных, категорически запрещалось. Вспомним хотя бы, что при переписке должны были строжайше соблюдаться табу на иероглифы, входившие в личные имена императоров, знаки можно было либо употреблять в утвержденной видоизмененной форме, либо заменять на другие, синонимичные⁷³. Чтецы-проверяющие (*сянъюэ*) имели другую

⁷² На разных рукописях столичного скриптория всегда указана тройная сверка, но варианты разные: на одних (как в цитированном колофоне) указан один и тот же сверщик для трех последовательных сверок; на других (например, рукопись S. 2181) — три разных сверщика; на третьих первым сверщиком выступает сам переписчик рукописи, а вторую и третью сверки выполняют иные лица (таковы рукописи S. 4209, S. 5319 и др.); есть и другие варианты.

⁷³ Наиболее известный пример: в собственное имя императора Тай-цзуна (Ли Ши-минь, на троне в 627—649 гг.) входит иероглиф *минь* 民 «народ». После вступления его на трон и до конца династии Тан этот иероглиф был запрещен к употреблению. Вместо него часто употреблялся иероглиф *жэнь* 人 «люди», в других случаях он заменялся знаком, где-

отсутствовала одна черта: 𠂇. Табу были подвергнуты также иероглифы,

функцию: они должны были удостоверить, что в переписанные тексты не вкрались ошибки, искажающие смысл сказанного, что ничего не пропущено и не добавлено. Таких чтецов-проверяющих было четверо, и были они представителями знатоков данной группы текстов. Все четверо чтецов-проверяющих разбираемого колофона (к рукописи буддийской сутры) — монахи обители Тайюаньсы с титулом «высокодобродетельный», который давался лицам, служившим для других наставниками в тех или иных вопросах закона Будды. Наконец, за перепиской надзирали два лица из числа возглавлявших внутреннюю службу императорских дворцов, имевших звание *цзянь* («инспектор» или «надзиратель»). Вспомним, что во главе императорской библиотеки стоял инспектор *мишу цзянь*, т. е. лицо, носившее то же звание.

Вследствие того что сохранилось большое количество рукописей, переписанных в столичном скриптории в 70-е годы VII в. и снабженных колофонами, аналогичными приведенному выше⁷⁴, мы можем достаточно точно увидеть, кто именно входил в постоянный штат скриптории. Прежде всего это были императорские инспектора (*цзянь*): принимающий решения (*паньгуань*) и чиновник внутренней службы императорских дворцов. До 674 г. на всех рукописях стоят имена чиновников Юй Чана и *паньгуаня* Сян И-ганя. С 675 г. на их месте два других лица: Янь Сюань-дао и *паньгуань* Ли Дэ⁷⁵.

Другие четыре лица, монахи монастыря Тайюаньсы, чтецы-проверяющие (*сяньюэ*) Шэнь-фу, Цзя-шан, Хуэй-ли (в цитированном колофоне стоит другое имя — Хуэй-дэ) и Дао-чэн, обозначены в колофонах всех без исключения рукописей этой серии. В рукописях 673 г. Хуэй-ли исчезает, видимо по болезни, ибо потом появляется снова. В рукописи середины 671 г. нет Шэнь-фу, но вместо него имеется пять других имен чтецов-проверяющих, перечислять которых мы не будем.

Где знак *минь* входил как составной элемент. Так, 民 и 愍 стали писаться 敏 и 愍 и это начертание утвердилось до нашего времени.

Другой иероглиф имени — 世 «век» — имел форму 世 или заменялся на синоним 代 «эпоха».

⁷⁴ Всего сохранилось 22 колофона этого рода. Они полностью приведены в различных описаниях рукописей, см. [Giles, 1957; ДИЦС; Catalogue, 1970].

⁷⁵ Из упомянутых лиц Юй Чан имеет отдельную биографию в «Новой истории Тан» [СТШ, цз. 102].

Наконец, мастер — оформитель рукописей Се Шань-цзи⁷⁶ есть лицо также постоянное. Лишь в одной рукописи S. 5319 в этом качестве обозначен другой человек, по имени Ван Гун. Рукопись эта переписана в июле 671 г. В двух других свитках, переписанных в ноябре того же года (S. 84 и S. 3079), указан снова Се Шань-цзи, и это имя остается до конца исследованного нами периода, т. е. до 677 г. Видимо, к осени 671 г. Ван Гун умер или получил отставку, а его место занял Се Шань-цзи.

Оформитель рукописей Се Шань-цзи — единственный из работников низшего ранга, постоянный в штате скриптории. В колофонах все той же серии чанъаньских рукописей еще упомянут целый ряд имен писцов и технических сверщиков. Если их имена и повторяются, то в рукописях, смежных по дате. В целом же это все разные лица, приписанные к различным учреждениям — от канцелярии наследника трона (Цзочуньфан) до писцовых отделов разных монастырей столицы. Писцы встречаются двух рангов: «писцы уставного почерка» (*кайшушоу*) и просто «писцы» (*шушоу*), в других рукописях можно найти «переписчиков сутр» (*цзиншэн*). Одни и те же писцы могут выступать как непосредственные исполнители переписки и как технические сверщики текста. По всему видно, что в это время в императорской скриптории еще не было постоянного штата переписчиков (во всяком случае, не было достаточного штата) и приходилось брать писцов из других скрипториев и канцелярий.

Нужно было ожидать, что установление строгих правил переписки в конце концов потребует и постоянного «низшего штата» исполнителей. Только таким образом могла быть обеспечена бесперебойность изготовления рукописных копий. В *Тан лю-дянь* мы действительно находим фиксированные штатные должности для служащих этого рода⁷⁷. Там приводятся следующие цифры:

Возглавляющих переписку (*дяньшу*) — 8 человек⁷⁸.

Писцов уставного почерка (*кайшушоу*) — 80 человек.

⁷⁶ В семи рукописях из учтенных нами двадцати двух оформитель (*чжуанхуаншоу*) назван не Се Шань-цзи, а Се Цзи. Можно думать, что Цзи не собственное его имя, а прозвище — «Собирающий» (т. е. собирающий вместе листы рукописи), а Шань-цзи — вариант прозвища («Искусно собирающий»).

⁷⁷ В «Новой истории Тан» говорится, что в 712 г. «низший штат» уже установился, но цифры там несколько иные, чем в *Тан лю-дянь*, причем отклонения в сторону преуменьшения. Так, в *Тан лю-дянь* указано 80 писцов уставного почерка, а в «Новой истории Тан» — всего десять. Видимо, в течение прошедших десяти лет (к 722 г.) число именно писцов стремительно возрастало.

⁷⁸ В «Новой истории Тан» — четыре человека, нужно думать, по од-

Ведающих историческими записями (архивариусов, *лин-ши*) — 4 человека.

Переписчиков при них (*шу линши*) — 9 человек.

Столоначальников (досл. «начальников беседок», *тин-чжан*) — 6 человек.

Следящих за порядком (*чжангу*) — 8 человек.

Бумажных мастеров (*жэчжицзянь*) — 10 человек.

Мастеров — оформителей рукописей — 10 человек⁷⁹.

Мастеров по изготовлению кистей (*би цзянь*) — 6 человек.

Таким образом, кроме основного штата, который по сравнению со штатом в конце династии Суй не претерпел серьезных изменений, во время Тан к началу VIII в. образовался постоянный штат второго порядка, состоявший из людей, непосредственно изготавливавших рукописи. Этот последний включал также мастеров, изготавливавших бумагу и кисти и оформлявших рукописи. Мастера стояли вне таблицы о рангах. В основном штате насчитывался 21 человек, в «низшем штате» — 141 человек, а всего в библиотеке и скриптории состояло 162 человека.

Также увеличился, хотя и не столь стремительно, штат технического отдела, подчиненного библиотеке. Согласно тому же источнику *Тан лю-дянь*, в нем было два старших чиновника (*лан*) и четыре младших (*цзолан*)⁸⁰, два сверщика (*цзяошулан*) и два правщика иероглифов (*чжэн цзы*). Появился также «низший штат»: пять писцов уставного почерка, один переписчик документов, два младших писца (*шули*) и четыре следящих за порядком. Всего в этом отделе было 10 человек основного штата и 11 «низшего штата».

Этим дело не ограничивалось. Библиотеке был подчинен исторический и текущий архив Тайшицзюй. Однако к нашей теме этот отдел прямого отношения не имеет, и мы воздержимся от подробной его характеристики.

Читальные залы⁸¹ подчинялись совсем другому ведомству на каждом из четырех хранилищ. В 722 г. в связи с увеличением числа хранящихся книг и объема переписки в каждом из них, как можно видеть, было уже по два старших писца.

⁷⁹ Интересно сравнить: в последней четверти VII в. оформитель рукописей был, по-видимому, один, хотя и постоянный. К 712 г. их стало десять, что опять-таки свидетельствует о возрастании объема переписки.

⁸⁰ «Новая история Тан» дает другие цифры — 10 *ланов* и 2 *цзолана*, первая цифра явно завышена, скорее должен быть один *лан* на два *цзолана*.

⁸¹ Название дворца Цзисяньдянь, в танское время отведенного под читальни, встречается и в «Истории Суй» (см. его описание [СПИ, цз. 27, с. 2496]), но функция учреждения, обозначенного этим названием, была совсем иной: в нем состояли члены различных консультативных советов при особе императора и их вспомогательный штат.

ву — Чжуншу-шэн, ведомству чинов, где проводились учет, назначение и перемещения государственных служащих, а также устанавливалась табель о рангах. Академия литературы, в это время называвшаяся Хунвэньгуань, также состояла в подчинении этого ведомства. Для установления прочного правопорядка ученые ведомства должны были изучать опыт предыдущих эпох, и читальные залы предназначались для них в первую очередь.

Штат читальных залов был достаточно велик, хотя и несколько меньше, чем штат хранилищ. В 723 г., когда был установлен указом Книжный двор (Шуюань) при дворце Цзисяньдянь⁸² (промежуточные этапы, когда этот штат образовывался и модифицировался, мы здесь для краткости опускаем), он был следующим.

Во главе стоял «ученый Книжного двора» (*шуюань сюэ-ши*), три заместителя его (*чжи сюэши*) ведали отпечаткой⁸³ и брошюровкой документов и книг, определением лакун и розысками отсутствующих в императорских хранилищах книг, а также перепиской их для библиотеки. В функции одного из заместителей входило также предоставление на высочайшее одобрение вновь разысканных или составленных текстов, которые предполагалось включить в состав императорских книгохранилищ. Найденное или написанное сочинение следовало представлять на рассмотрение государя в течение месяца, а оценка его достоинств государем и составление на этой основе библиографической аннотации согласно правилам не должны были продолжаться более года. В главный штат («дирекцию») входили также чиновники по сверке и упорядочению фондов; «ожидające указов», которые направлялись в главную приемную императора и должны были там дежурить в ожидании высочайших указаний; чиновники, приписанные к Книжному двору для правильного ведения дел; инспектора. Еще больше был низший штат: сверщики книг и правщики иероглифов, гонцы и надзиратели за личными книгами высочайших лиц, писцы, художники,

⁸² Ранее книги для чтения размещались во дворце Цяньюаньдянь, в 718 г. переименованном в Личжэндянь.

⁸³ Это первое несомненное упоминание об «отпечатке» (*кань* 刊) текстов в государственных учреждениях относится к концу первой четверти VIII в.; может быть, эту дату следует считать началом книгопечатания в Китае. При всем том подавляющее большинство книг до конца Тан оставались рукописными — в отличие от следующей династии, Сун, когда книгопечатание стало, по существу, почти единственным способом распространения текстов. Есть и другие упоминания об отпечатке, о которых мы будем говорить ниже, относящиеся к середине VI в. и первой трети VII в. Но там не вполне ясно, о чем идет речь.

оформители рукописей, мастера по изготовлению кистей, брошюровщики и т. д. Были лица, ведущие учет выданных и сданных книг, учитывавшие входящих и выходящих людей, несшие охрану. В целом было 10 человек основного штата и 136 человек «низшего» штата.

Из всего сказанного можно видеть, что ведомство Мишу-шэн выполняло задачу главным образом хранения рукописей императорской библиотеки, активное же их функционирование, розыск, каталогизация, выдача читателям и возвращение на место, различного рода библиотечный учет — все это исполнялось читальными залами и их штатом.

То, что штат ведомства библиотек, а также штат читальных залов состоял из большого количества государственных служащих, показывает, какое значение книжному — рукописному в те времена — делу придавалось в китайском государстве I тысячелетия н. э. Сама организация таких учреждений, как ведомство Мишу-шэн, и персональная забота об их безотказном функционировании со стороны царствующих особ убеждают нас, что возведение книжного рукописного дела в разряд государственной важности — отнюдь не пустые слова. Наоборот, переписка, распространение, хранение и изучение текстов, по воззрениям того времени, обеспечивали бесперебойное действие всего государственного аппарата, законодательства и всех других институтов, подлежащих ведению государя и его управленческой системы.

3. Классификация и каталогизация императорских библиотек

Одним из главных мероприятий по приведению в порядок рукописных библиотек была классификация рукописей, которая всегда производилась согласно содержанию текстов. Мы при изложении истории императорских библиотек и при перечислении составленных в то или иное время каталогов обращали внимание, что в первой половине I тысячелетия каждый из каталогов имел свои особенности. Однако в целом они следовали двум основным системам, а именно системе семи отделов, впервые предложенной в каталоге Лю Синя «Семь подразделений» (*Ци люэ*, I в. н. э.) и системе четырех отделов, предложенной впервые в каталоге Сюнь Сюя «Новая опись» (*Синь бу*, III в.). Постепенно система четырех отделов вытеснила систему Лю Синя, но они сосуществовали примерно до середины VI в. Поскольку в каждом случае классификация отражает подход пользующихся ею к тем или иным текстам и рукописям и поскольку этот подход

есть в известном смысле выражение интересов данного общества, мы считаем нужным остановиться на каждой из этих классификаций отдельно.

О классификации, созданной Лю Синем, нам известно достаточно много. Его каталог, как и почти все каталоги этого времени, до нашего времени не дошел. Тем не менее мы знаем вполне точно содержание классификации по семи отделам⁸⁴. Отделы эти были следующие.

Первым у Лю Синя стоит «Подразделение сборников» (*Цзи люэ*). Как явствует из примечания, *цзи* 輯 соответствует другому *цзи* 集, вошедшему в обиход позднее, но со временем вытеснившему первый из этих терминов почти совершенно. По определению комментария, *цзи* у Лю Синя все же значительно отличается от позднейшего *цзи*, означающего, как мы знаем, собрания сочинений отдельных авторов и сборники изящной прозы. Про *цзи* Лю Синя сказано: «Так называются сводки важнейшего [материала, взятого] из документов». Следовательно, это скорее собрания, своды, сборники деловых текстов документального порядка, чем изящная литература. Подтверждается наше предположение двумя обстоятельствами. Собрания собственно изящной литературы, как и сочинения тех или иных авторов, мы находим в четвертом отделе той же классификации (стихи и оды). Далее, в «Сведениях о литературе» Бань Гу, которые следуют классификации Лю Синя, отсутствуют более подробные записи о сборниках *цзи*, чем приведенная выше. Это значит, что как оформившиеся произведения *цзи* еще не рассматривались и носили чисто деловой, скорее всего архивный характер. В то же время размещение *цзи* на первом месте в классификации показывает, какое значение в период Хань придавалось документации: она стоит по порядку перед текстами идеологического характера. Позднее это уже никогда не случается.

Второй раздел семичленной классификации Лю Синь назвал «Подразделение шести классиков» (*Лю-и люэ*), куда входят книги, признанные конфуцианскими классиками («основами» — *цзин*)⁸⁵, каковых в ханьское время насчитыва-

⁸⁴ Изложение, точнее, почти одно только перечисление подразделений с очень краткими примечаниями там, где термин не соответствует более поздним общезвестным терминам, находим у Бань Гу в его «Истории Хань» [XIII, цз. 30, с. 573]. Однако дальнейшее содержание «Сведений о литературе» (с. 573—593) помогает расшифровать состав классификации Лю Синя в подробностях.

⁸⁵ Употребленный у Лю Синя термин *и* 藝 толкуется уже ранними комментаторами как равнозначный термину *цзин* 經 «основа». В «Истории Хань» оба термина употребляются параллельно, причем первый вхо-

лось шесть. Эти книги следующие: *И цзин* («Книга перемен») — основа китайских космогонических и философских представлений, являющаяся фундаментом для всех китайских философских школ; *Шан шу*, или *Шу цзин* («Книга документов»), — сообщения, считавшиеся в древности документальными, основа знаний о древних китайских правителях и их деяниях, интерпретированных как образцовые; *Ши цзин* («Книга песен») — древнейшее собрание песен, по толкованиям, выражающих «сердце», замыслы людей; *Ли цзин*, или *Ли цзи* («Книга установлений»), содержащая предписания для поведения людей в государственной и семейной сфере и описание учреждений, обеспечивающих проведение этих предписаний в жизнь; *Юэ цзи* («Записки о музыке»), где изложены основы музыки, по конфуцианским представлениям, регулирующей поведение людей; *Чунь-цю* («Весны и осени») — летопись владения Лу, по традиционным представлениям, составленная Конфуцием на основе исторических записей Лу. К этим шести «основам» в «Сведениях о литературе» Бань Гу добавлены еще три раздела: *Лунь-юй* («Беседы и суждения») — книга изречений и бесед Конфуция, составленная его учениками и пополненная их пояснениями; *Сяо цзин* («Книга почтения к родителям»), содержащая суждения Конфуция на темы семейной регламентации; *Сяо сюэ* («Малое учение») — словари, словники, толкователи терминов, необходимые для чтения классических книг.

Таким образом, этот класс книг, впоследствии поставленный на первое место, заключал в себе идеологические основы китайской государственности. Каждая из рубрик этого класса включала не только самый текст классических книг, но и разные их редакции и комментаторскую традицию. Неожиданным может показаться, что в рубрике *Чунь-цю* мы находим не только известные «толкования» на эту летопись (*Цзо-ши чжуань*, *Гунъян чжуань*, *Гулян чжуань*), но и все другие исторические труды, вплоть до *Ши цзи* («Исторические записки», или «Записки историка», или «Записки историографа») Сыма Цяня — это сочинение у Бань Гу обозначено: «Господин великий историограф» (*Тайши-гун*) — в ста тридцати главах [XIII, с. 576б]. В рубрику *Сяо сюэ* вне-

дит также в термин *ивэнь* 藝文 («изящная литература») из заголовка *Ивэнь чжи* («Сведения о литературе»), а второй есть в объяснениях Бань Гу к подразделам рубрики «Шесть классиков». Впоследствии до конца I тысячелетия этот раздел именуется то *Ивэнь чжи* («История Хань», «Новая история Тан»), то *Цзинцзи чжи*, т. е. дословно «Сведения о классиках и [иных] книгах» («История Суй», «Старая история Тан»). Во II тысячелетии побеждает название *Ивэнь чжи*.

сены словари собственно классических текстов, возглавляемые *Эр-я* («Близкое к канону»). В более поздних классификациях с *Эр-я* начинается рубрика «Малое учение». Всего в данном разделе числится 130 сочинений в 3123 главах. (*пянь*)⁸⁶.

Следующим отделом является «Подразделение философов» (*Чжуцзы люэ*). Сюда входят конфуцианцы (исключая сочинения — основы), даосы (во главе с Лао-цзы), последователи школ *инь-ян* («натурфилософы»), *фацзя* («легисты»), *минцзя* («гностики»), моисты (во главе с Мо Ди), *цзун-хэн* («диалектики»), *цзацзя* («эклектики»), *нунцзя* (писатели по земледельческим вопросам) и *сяошо* («суждения ничтожных») ⁸⁷. Если приглядеться к этой пестрой картине, то будет ясно, что включены в данный отдел те древние писатели, которые имели свое суждение об устройстве общества и государства: от конфуцианцев, наиболее близко подходящих (по официальным понятиям, конечно) к идеальному пониманию вопроса, до «суждений ничтожных», из которых, как сказано, «тоже можно извлечь хоть слово пользы». Бро-

⁸⁶ Отметим, что главы сочинений (или книжные единицы) в «Сведениях о литературе» Бань Гу обозначаются термином *пянь* в большинстве случаев. Первоначальное значение слова *пянь* — «связки бамбуковых дощечек (планок)» (на которых писались тексты). Это значение ясно прослепает, например, в следующем контексте в том же разделе «Истории Хань»: «Поднялась [династия] Хань и стала перестраивать разрушенное [династией] Цинь. Во множестве собирали связки-записи (*пяньцзи*), широко раскрыв пути получения [дворцом] книг. Но ко времени отпочтительного У(-ди) книги были утрачены, а дощечки (*цзянь*) распались: ритуал разрушился, а музыка рухнула» [XIII, с. 573а]. В комментарии Янь Ши-гу (581—645) сказано: «Тесемки порвались, и [все] рассыпалось, поэтому говорится „дощечки распались”». В то же время в каталоге Бань Гу употребляется и термин «свиток» (*цзюань*), но только в отношении таких текстов, где должны были быть схемы, карты и другие иллюстрации, скажем для медицинских и астрологических книг. В более поздние времена термин *пянь* остается не как книжная единица, а как обозначение глав древних книг, единицей же подсчета книжных единиц (томов) становится *цзюань*. В частности, названное сочинение Сыма Цяня в танское время делилось уже не на *пянь*, а на *цзюань*.

⁸⁷ Термин *сяошо* часто переводят по его позднему значению — «повествовательная проза». Однако в сочинении Бань Гу оно имеет, несомненно, совсем иное значение. Видно это из следующего объяснения автора: «Течение школы *сяошо*, видимо, начинается от *байгуаней* (чиновники низшего ранга, в ведение которых входила запись того, что говорится в народе, и доведение мнений народа до правителей. — Л. М.). Это беседы на улицах и суждения в переулках, которые сочинены теми, кто говорит неслучайно об [истинном] Пути и следовании (*дэ*) [по нему]. Кун-цзы (Конфуций) сказал: „Хотя [это] и путь ничтожных, [но в нем] всегда найдется достойное взгляда. Идущий далеко боится ли грязи? Вот почему благородный муж [сам] не сочиняет [этого], но и не уничтожает”».

сается в глаза также, что книга *Мэн цзы*, которую мы сейчас знаем как одну из книг канона, в каталоге Бань Гу (забегая вперед, скажем, что в течение всего рассматриваемого периода) входит не в отдел «Подразделение шести классиков», а в раздел «Конфуцианцы» в «Подразделении философов». Так или иначе, философская литература рассматривается как полезная для дел правления. Всего отдел включает 189 сочинений в 4324 пянях.

«Подразделение стихов и од» (*Ши-фу люэ*) составляет четвертый отдел классификации Лю Синя — Бань Гу. Он включает два рода поэтических произведений. Первый из них — песнопения, или оды, *фу*, стих которых не имеет регулярного характера и которые тем самым приближаются к ритмической рифмованной прозе. Во главе этого течения стоит основатель китайской авторской поэзии Цюй Юань (343—277 гг. до н. э.). Другое направление — регулярные стихи *ши*, которые возводят к древней «Книге песен» (*Ши цзин*) и которые в ханское время существовали еще в песенной форме (*гэши*). Стихи в Китае — первый род литературы, где твердо закрепилось понятие авторства. Поэтому подавляющее большинство рукописей этого отдела — авторские сборники (так сказать, «собрания сочинений») или же жанровые сборники стихов разных авторов (*цафу*). Всего зафиксировано 106 авторских и смешанных сборников в 1318 пянях.

Поэзия, как мы видим, стоит в середине семичленной классификации, между текстами, необходимыми в делах правления, и текстами, полезными в повседневных делах. К этим последним, составляющим три заключительных, «низших» отдела, мы сейчас и перейдем.

Пятый отдел «Подразделение книг по военному делу» (*Биншу люэ*) сравнительно невелик. В нем всего четыре раздела: построение общих планов («стратегия», *цюаньмоу*), конкретное расположение сил в сражениях («тактика», *син-ши*), учет явлений природы и знамений (*инь-ян*) и искусство владения оружием (*цзицзяо*). Война, рассматриваемая как неизбежное зло, требовала тем не менее навыков как в общей организации, так и в искусстве отдельного воина, что и отразилось в распределении сочинений по разным рубрикам. В отдел включены сочинения 53 авторов в 790 пянях и 43 цюанях (на шелку или, в более позднее время, на бумаге); в свитках (цюанях), несомненно, помещались карты полей сражений и планы боевых позиций.

Шестой отдел «Подразделение искусства расчетов» (*Шу-шу люэ*) посвящен тому, что в древние времена заменяло

естественные науки и рассматривалось, с одной стороны, как комплекс знаний о природе, а с другой — как сумма способов взаимодействия с ней и воздействия на природные явления. Сюда входила астрономия, или, что тогда и много позже было одно и то же, астрология, под общим заглавием «Небесные знаки» (*Тянь вэнь*), календари (*липу*), перемены в связи с движением пяти природных элементов (*у син*), гадания по растениям и костям животных (*шигуэй*, досл. «тысячелистник и черепахи щиты»), разные другие гадания (*цзачжань*), гадания, связанные с построением и убранством жилища, или геомантика (*син фа*). Всего в отдел вошло 190 сочинений в 2528 цзюанях (свитках) — последнее понятно, ибо обычно материал этого рода текстов выражался (и выражается до сих пор) в картах (звездного неба, например), планах и схемах (включая календари).

Наконец, последний отдел «Подразделение умения лечить» (*Фанцзи люэ*) распадается на четыре раздела: «Основы врачевания» (*И цзин*), что наиболее близко подходит к нашему понятию терапии; лекарства (*Цзинфан*), включая фармакологию и фармакогнозию; «Внутренние помещения» (*Фанчжун*), или анатомия, описание — истинное или фантастическое — строения человеческого тела; «Духи и бессмертные» (*Шэнь-сянь*) — алхимия, наука о достижении бессмертия, в Китае чаще — долголетия.

Семичленная классификация имеет ряд особенностей, отличающих ее как от европейской рубрификации книг, так и от более поздней четырехчастной китайской. В ней, во-первых, есть не названное, но, несомненно, присутствующее деление знаний на «теоретические», имеющие значение образца, и «естественные», практические, состоящие из конкретных рецептов, как поступать в тех или иных случаях жизни и как проделать какое-то действие или изготовить какой-то предмет. Во-вторых, особое место занимает в этой классификации поэзия, и, думается, не случайно. Китайская поэзия, особенно в жанре *фу* («оды», или «песнопения»), очень часто есть не просто лирический текст, но и изложение в поэтической форме взглядов на тот или иной предмет, общественное явление, даже на дела страны и трона, что в целом может составлять известный государственный интерес. В то же время она, как всякая поэзия, весьма конкретна и в этом смысле сближается с описанием конкретных вещей, средств, снадобий и т. п. Наконец, уже отмечавшееся особое ударение на документы как основу исторического опыта составляет третью особенность данной классификации.

164 В течение последующих пяти столетий были составлены

еще два каталога императорской библиотеки, подразделявшиеся на семь отделов. Остановимся кратко на их содержании, чтобы показать, какие изменения происходили в системе классификации и хранения. Это каталог Ван Цзяня 473 г. «Семь сведений» (*Ци чжи*) и каталог Жуань Сяо-сюя 526 г. «Семь перечней» (*Ци лу*). Прежде всего в обоих каталогах исчез отдел документов, стоящий у Лю Синя и Бань Гу первым. Это не значит, что на документацию в государствах, последовавших после Хань, стали обращать меньшее внимание. Архивное хранение было передано в Приказ великого историографа (Тайши-лин)⁸⁸. Формально подчиняясь Ведомству императорских библиотек (Мишу-шэн), этот Приказ фактически был вполне самостоятелен в своей деятельности. Это видно хотя бы из его штата, огромного не только по тем временам⁸⁹. Теперь этот важный отдел перестал упоминаться в описях рукописных текстов, и отдел «Классики» стал первым в классификации как по семи, так и по четырем отделам. В остальном по расположению материала каталоги Ван Цзяня и Жуань Сяо-сюя сильно отличались друг от друга⁹⁰.

У Ван Цзяня в целом порядок соответствует тому, который был в каталоге Лю Синя, изменились лишь названия отделов. На седьмом месте стоят «Карты и схемы» (*Тунь чжи*), у Лю Синя распределенные по трем «низшим» отделам. Иллюстративный материал Ван Цзянь выделил в отдельную рубрику, как можно думать, для сохранения семичленной системы. Два дополнительных отдела (не входящие в число семи) включали произведения даосского канона *Дао*

⁸⁸ Приказ под таким названием был учрежден в III в. до н. э. при династии Цинь. Первоначально фиксировал движение планет и небесные знамения, потом стал средоточием документальных записей различного характера.

⁸⁹ В *Тан лю-дянь* для Тайши-цзюй, как был назван Приказ при Тан, зафиксировано 1067 штатных единиц, в том числе 35 человек высшего управленческого штата, 172 — «низшего штата» (переписчики, сверщики, столоначальники и т. п.) и 860 человек технического персонала (следящие за временем, за сигналами и т. п.). См. [Икэда, 1967, табл. 3].

⁹⁰ Поскольку общее количество книг, учтенных в тех или иных каталогах, мы указывали в главе «Императорские библиотеки», здесь повторять эти цифры нет необходимости. Заметим только, что во всех более поздних, чем «Сведения о литературе» Бань Гу, каталогах указывается количество рукописных свитков (*цзюань*), а не связок дощечек (*пьянь*). Это, на наш взгляд, показывает, насколько быстро с изобретением удобной и дешевой бумаги книги на дощечках вышли из употребления, равно как и книги на дорогом шелку, употреблявшиеся и ранее по крайней необходимости, когда было не обойтись без планов, карт и схем, не умещавшихся на площади дощечки.

*цзан*⁹¹ и буддийского канона *Фо цзан*. И хотя эта классификация исключает из себя оба канона, уже самое наличие специальных хранилищ показывает, какое распространение получили в середине I тысячелетия новые виды литературы, связанные с даосской и буддийской религиями.

Каталог Жуань Сяо-сюя сильно отличался от двух предыдущих, хотя и сохранял традиционную семисоставную структуру, думается, потому, что это опись частной библиотеки. Во-первых, из состава конфуцианского канона («Опись первая») были выведены исторические сочинения (составившие «Опись вторую»), исключая, конечно, Конфуциеву летопись *Чунь-цю* и «комментарии» на нее. В разделе «Классики» он переставил на первое место *Ши цзин* и *Шу цзин* из почтения к их литературным достоинствам. Военные писатели были введены в раздел философов и все объединены в «Опись третью». «Подразделение стихов и од» (у Ван Цзяня «Кисти литераторов») составило «Четвертую опись» под названием «Собрания сочинений», что более точно отражало содержание раздела. «Пятая опись» объединила в себе магию, врачевание, а также карты и схемы — в этом объединении отразилась та тесная связь, которая была характерна для естественных и оккультных наук: астрономии, календаря, физической географии, медицины, фармакологии, с одной стороны, и астрологии, гаданий, геомантики, алхимии, поисков бессмертия — с другой.

Наконец, даосский и буддийский каноны составили «Шестую опись» и «Седьмую опись». Факт этот, несомненно, указывает не только на интерес, проявившийся в государствах периода Лю-чао к обоим религиям, но и на бурный рост их литературы, что позволило выделить оба канона в самостоятельные книгохранилища со своими описями для каждого.

Развитие классификации по семи отделам наглядно представлено в таблице (с. 168—169). Классификация Жуань Сяо-сюя оказалась последней семичленной системой: вскоре ее полностью замещает система четырехчастная.

Мы специально остановились так подробно на семичленной, или семисоставной, рубрификации китайских рукописных книг в древности. Более поздние подразделения состоят из тех

⁹¹ В основную часть («Философы») входили только представители классического философского даосизма — вплоть до Баопу-цзы и других философов первой половины I тысячелетия. Параллельно с этим даосизм, приобретший к этому времени все формы религии, начал усиленно создавать свои «сутры» (*цзин*), во всем копировавшие буддийские сутры, даже в непривычной для китайской литературы манере пространного, многословного повествования. Эта литература религиозного даосизма первоначально и составила *Дао цзан*.

же элементов почти без изменений и редко с серьезными дополнениями. Разница заключается в расположении текстов и их группировке внутри больших отделов. В этом мы усматриваем не простое формальное деление — в Китае таковое если и существовало, то лишь в подчиненном виде, не как основное. Нельзя, конечно, отрицать, что обозначение разделов книг с помощью разноцветных осей, завязок, футляров и бирок, описанное в главе об истории императорских библиотек, носит формальный характер. Но это скорее техническое оформление для скорейшего нахождения нужных рукописей в хранилище. Что же касается систематизации текстов, то она всегда в Китае была строго содержательной. Изложив подробно принципы ранней классификации, мы имеем возможность рассказать о позднейшей значительно более кратко.

Классификация по «четырем отделам» (*сы бу*) зародилась несколько позднее, чем классификация «Семи подразделений» Лю Синя и Бань Гу. В этой классификации, первые сведения о которой относятся к концу III в., с самого начала отсутствуют архивные документы. Отсюда видно, что архивы были исключены из книжного библиотечного хранения по крайней мере на два столетия раньше появления в 473 г. каталога Ван Цзяня. В «Новой описи» Сюнь Сюя (сверенной и утвержденной в 317 г.) архивного отдела уже нет, и не было его, видимо, в каталоге III в., составленном создателем четырехчленной классификации Чжэн Мо. Мы подробно рассказывали в главе «Императорские библиотеки» о том, кем, где и когда составлялись каталоги государственных рукописных хранилищ по четырем отделам, и здесь к этому вопросу возвращаться не будем. Ограничимся лишь описанием состава «Четырех отделов» в самом раннем известном нам виде, т. е. в каталоге Сюнь Сюя, и сравним этот состав с той системой, которая сложилась ко времени династий Суй и Тан.

Каталог Сюнь Сюя состоял из четырех отделов, обозначенных первыми четырьмя циклическими знаками (*Цзя, И, Бин, Дин*)⁹². В первый отдел *Цзя* входят «Шесть классиков» и «Малое учение». Нужно думать, что под названием «Шесть классиков» в числе других фигурировали (как и в семичленной системе): «Книга почтения к родителям» и «Беседы и суждения»: во всех известных классификациях они включаются в раздел «Классики». Второй отдел *И* состоял из не-

⁹² Обзор каталога Сюнь Сюя «Новая опись» находим в «Истории Суй» [СШ, из. 32, с. 2916]. Сам каталог утрачен, и конкретные подробности его содержания неизвестны.

Классификация по семи отделам

Лю Синь. «Семь подразделений» (Ци люэ), I в.		Ван Цзянь. «Семь сведений» (Ци чжи), 473 г.		Жуань Сяо-сюй. «Семь описей» (Ци лу), 526 г.	
Русский перевод	Китайское название	Русский перевод	Китайское название	Русский перевод	Китайское название
1. «Подразделение сборников»	Цзи люэ				
2. «Подразделение шести классиков»	Лю-и люэ	1. «Сведения о каноне»	Цзиндянь чжи	1. «Опись канона»	Цзиндянь лу
				2. «Опись записей и преданий»	Цзичжуань лу
3. «Подразделение философов»	Чжуцзы люэ	2. «Сведения о философях»	Чжуцзы чжи	3. «Опись философов и военных писателей»	Цзы-бин лу
4. «Подразделение стихов и од»	Ши-фу люэ	3. «Сведения о кистях литераторов»	Вэнь-хань чжи	4. «Опись собранных сочинений»	Вэньцзи лу
5. «Подразделение книг по военному делу»	Биншу люэ	4. «Сведения о воинских книгах»	Цзюньшу чжи		

6. «Подразделение искусства расчетов»	<i>Шушу люэ</i>	5. «Сведения о силах инь-ян»	<i>Инь-ян чжи</i>	5. «Опись врачевания и магии»	<i>Цзишу лу</i>
7. «Подразделение умения лечить»	<i>Фанцзи люэ</i>	6. «Сведения об искусствах и врачевании»	<i>Шуи чжи</i>		
		7. «Сведения о картах»	<i>Тупу чжи</i>		
		«Буддийский канон»	<i>Фо цзан</i>	6. «Опись закона Будды»	<i>Фо-фа лу</i>
		«Даосский канон»	<i>Дао цзан</i>	7. «Опись пути бессмертных»	<i>Сянь-дао лу</i>

скольких подразделов: «Философы древние» (*Гу чжуцзы-цзя*), «Философы нового времени» (*Цзиньши цзыцзя*), «Военная история» (*Бин шу*), «Военные писатели» (*Бинцзя*), «Гадания и медицина» (*Шушу*). В целом этот отдел соединял в себе авторов, впоследствии включавшихся в рубрику «Философы». В третьем отделе *Бин* были собраны два рода сочинений: «Исторические записи о старых делах» (*Ши цзи цзю ши*) и «Описи императорских дел разного рода» (*Хуан лань бу цза ши*), что полностью охватывает все исторические труды, включая текущие хронологические записи императорских дел. В более поздних классификациях раздел назывался «Историки». Наконец, четвертый отдел *Дин* состоял из «стихов и од», иллюстративного материала с пояснениями к нему (*ту цзань*) и «Книг из могилы в Цзицзюне» (*Цзи чжун шу*)⁹³.

Отметим, что отделы каталога Сюнь Сюя не имеют ставших потом традиционными заглавий. Все идеологические сочинения стоят выше остальных: конфуцианские классики на первом месте, прочие философы — на втором. В число идеологических текстов включены труды по военному делу и гадания, в семичленной системе стоящие везде отдельно. История выделена в особое хранение и делится на собственно исторические труды и записи текущих событий. Изящная литература помещается рядом с иллюстративным материалом. Уникален отдел «цзицзюньских книг», — видимо, впоследствии оригиналы найденных книг были утрачены во время смут начала IV в., хотя многие из этих текстов дошли до наших дней.

В каталоге Сюнь Сюя впервые объем хранилищ был повсеместно выражен в цзюанях (свитках), а не в пнянх (связках дощечек). Это, по нашему мнению, означает, что книги перестали переписывать на бамбуковых дощечках (планках), а материалом для письма стала бумага. На это же, видимо, указывает и тот факт, что после IV—V вв. старый «канце-

⁹³ Этот последний раздел есть только в данном каталоге. Происхождение его следующее. В десятую луну пятого года правления под девизом Сянь-нин императора У-ди династии Цзинь (ноябрь 279 г.) некто по имени Бу Чжун в Цзицзюне (ныне Цзисянь в северной части провинции Хэнань) вскрыл погребение Сян-вана (318—296 гг. до н. э.), владельца государства Вэй, и обнаружил там древние книги на бамбуковых планках. Книги эти хранились потом в императорской библиотеке. См. об этом [ЦШ, из. 3, с. 316]. Сюнь Сюя, составителю данного каталога, была поручена разборка «бамбуковых книг» из Цзицзюня; его биография см. [ЦШ, из. 39, с. 346а]. Содержание найденных книг подробно перечислено в биографии Шу Си [ЦШ, из. 51, с. 433а-б], который составил их опись. В «Истории Суй» (раздел «Сведения о литературе») тексты из Цзицзюня распределены по разным рубрикам, но сопровождаются соответствующей пометой.

лярский» почерк *лишу* (который источники связывают с писанием на шелку и бамбуковых дощечках) вытесняется новым стилем «уставного» письма *кайшу*, который к последней трети VI в. становится единственно употребительным. В дуньхуанских рукописях процесс постепенного замещения одного стиля другим предстает весьма наглядно.

Содержание отделов императорской библиотеки в более позднее время, начиная с конца VI в., нам известно точно и полно. Сохранились не только беглые о них упоминания, но и полные их каталоги с указанием числа цзюаней в каждом сочинении, автора или составителя и даже числа книг (с указанием общего числа свитков), отсутствующих в императорской библиотеке. Первый такой подробный каталог помещен в «Истории Суй». Впоследствии он служил образцом для всех более поздних каталогов, и «Сведения о литературе» в «Историях Тан», как старой, так и новой, почти полностью выдерживают эту классификацию, уточняя ее только в некоторых деталях.

Четыре отдела суйских «Сведений о литературе», как и раньше, на первое место ставят конфуцианских классиков по тому же перечню, который приводился выше. В конце, однако, добавлено некоторое новшество, так называемые «утковые книги» (*вэй шу*)⁹⁴. Появление этого раздела, несомненно, указывает на развитие комментаторской литературы, так же как и тот факт, что в «Старой истории Тан» вместо него фигурируют уже три раздела: «Уток иллюстраций» (*Ту вэй*), где собраны схемы, планы и другие наглядные пособия по анализу и усвоению классиков; «Анализ канона» (*Цзин цзе*), представляющий собой общее изложение смысла в книгах канона; «Истолкования» (*Сяньгу*), т. е. реальный комментарий на те же «основы».

Сохраняется рубрика «Малое учение» как свод руководств к изучению, начальному и углубленному, книг «основы».

Второй раздел составляют «Историки» (*Ши*). И здесь нужно напомнить, что в каталоге Сюнь Сюя историки стояли на третьем месте, после текстов идеологического характера.

⁹⁴ Классификация книг конфуцианского канона и связанной с ними комментаторской литературы строилась по следующему принципу. Собственно канонические книги составляли как бы основу ткани (продольные нити) *цзин*. Комментарии различного рода уподоблялись утку ткани (поперечное плетение) *вэй*. Слово *цзин* прочно укрепилось в китайской библиографии для канона — конфуцианского, даосского и буддийского. Слово *вэй* употреблялось реже и в приложении преимущественно к конфуцианскому канону. Есть также сочинение исторического характера «Уток истории» (*Ши вэй*) автора середины XVII в. Чэнь Юнь-си. О древних книгах этого рода есть специальное исследование, см. [Ясуи, 1969].

разных школ. Это значит, что во время Суй и Тан истории как способу осмысления государственной практики было придано большее значение, чем различным философским текстам (исключая «основы», конечно). Выработана дробная классификация исторических сочинений (тринадцать рубрик), в которую входят: династийные «направляющие» истории (*чжэн ши*); хронология древних событий (*гу ши*); разные истории (*цза ши*); история «ложных» государств (*ба ши*), т. е. таких, которые признаются официальной историографией узурпаторскими, нарушающими прямой и правильный ход истории; деяния и речения государей (*ци-цзюй чжу*); бывшие дела (*цзю ши*), повествования о делах правления в прежние времена; чины и регламент государственного аппарата (*чжигуань*); этикет и церемониал (*ичжу*); законы о наказаниях (*синфа*), т. е. юриспруденция; биографии и предания (*цза чжуань*); политическая и физическая география (*дили*); генеалогия (*пуси*); библиография (*булу*). Этот отдел можно считать вполне сложившимся: мы не находим в распределении материала по рубрикам серьезных разногласий между суйской и танской историями.

«Философы» (*Цзы*), перешедшие в новой классификации на третье место (у Сюнь Сюя они были на втором), также обнаруживают устойчивое разделение по школам: конфуцианцы (имеются в виду поздние конфуцианцы, после Конфуция, сочинения которых не вошли в «основы»), даосы (ранний философский даосизм от Лао-цзы до Баопу-цзы), законники («легисты»), учение об именах, последователи Мо Ди (моисты), «диалектики» (*цзун-хэн*), эклектики («смешанные» учения), сочинения по аграрным вопросам, суждения ничтожных (*сяошо*), книги по военному делу, книги по астрономии, календарь и гадания, естествознание (*у син*, движение «пяти элементов»), врачевание.

Наконец, в четвертом отделе после ликвидации рубрики «Книги из могилы в Цзицзюне» и переноса таблиц и другого иллюстративного материала в другие отделы остались только собственно «сборники» (*цзи*), зато этот отдел получил более дробную классификацию, разделившись на три рубрики: сборники поэзии в стиле «чуских строф» (*чу цы*), образцом для которой служили произведения Цюй Юаня и его ближайших последователей; собрания сочинений (стихи и изящная проза) отдельных авторов (*бе цзи*); сборники сводного характера, антологического, тематического или жанрового порядка.

Такова система четырех отделов, окончательно сложившаяся при династии Суй и в пстом служившая образцом для

всех позднейших классификаций книг и каталогов вплоть до XX в. Нужно сказать, что в целом описанная классификация вполне удовлетворяла требованиям китайского практического книжного дела — этим только и можно объяснить ее устойчивость. В то же время книжная продукция Китая во II тысячелетии, особенно после повсеместного распространения книгопечатания, неудержимо возрастала по объему и усложнялась по составу. Поэтому внутри отделов (особенно последних трех, первый оказался более консервативным) происходила перегруппировка материала, некоторые традиционные рубрики, где количество текстов практически не увеличивалось (особенно в отделе «Философы»), объединялись, чтобы потесниться и дать место для вновь возникших или бурно возраставших по числу сочинений отделов. Так, из всех «философских» рубрик остались потом самостоятельными только бывшие продуктивными, другие же (учение об именах, «диалектики», моисты и некоторые другие) были включены в более обширные рубрики. В то же время в число «философов» позднее включили даосский и буддийский каноны, энциклопедии-*лэйшу*⁹⁵. В рассматриваемый период буддийская и даосская литературы еще не вошли в официальную систему хранения. В историях династий Суй и Тан нет также каталогов книг этих двух течений, хотя есть сводный перечень: 377 книг даосского канона и 1950 книг буддийского. Рукописное дело этих двух религий развивалось отдельно, по своим особым правилам и со своей классификацией. К рассмотрению этого мы сейчас и перейдем.

III. БУДДИЙСКИЕ И ДАОССКИЕ РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

При изложении истории императорских рукописных библиотек мы могли видеть, что это были библиотеки преимущественно светского характера. Книги конфуцианского ка-

⁹⁵ Окончательное выражение система четырех отделов получила в знаменитой библиографии «Пояснения к сводному каталогу всех книг по четырем отделам» (*Си ку цюань шу цзунму тияо*), завершенной в 1781 г. и впервые изданной в 1790—1794 гг. Сокращенное изложение ее содержания с сохранением всех особенностей классификации см. в напечатанном впервые в 1784 г. «Кратком каталоге всех книг по четырем отделам» (*Си ку цюань шу цзяньмин мулу*), а также [Wylie, 1867]. На русском языке имеется краткое руководство по системе, составленное Ю. Л. Кролем [Каталог ксилографов, 1973, т. 1, с. 28—46]. Наиболее подробные сопоставления различных систем классификации императорских библиотек см. в кн. [Яо Мин-да, 1938, с. 61—166 (см. особенно сводную таблицу)].

нона, составлявшие идеологическую основу китайской государственности, были посвящены вопросам этико-политическим. И хотя конфуцианство и включало некоторые культовые элементы (культы предков, Неба и Земли и некоторые другие), в целом это было учение об устройении общества, прежде всего семьи и государства, и о взаимоотношениях людей. Произведения собственно религиозных учений — буддизма и позднего религиозного даосизма — в составе императорских библиотек составляли лишь небольшие второстепенные части, нередко отсутствовали вовсе, а в иных случаях, когда императоры особо покровительствовали этим учениям, выделялись в особые библиотеки. В любом случае, даже когда мы имеем сведения об общем количестве сочинений и свитков в собраниях буддийских и даосских рукописей, в официальных каталогах (каковыми, несомненно, являются «Сведения о литературе» в династийных историях) нет их поименного перечня, часто отсутствует даже список разделов, из которых состояло собрание⁹⁶.

Это обстоятельство, казалось бы, должно было привести к тому, что данные о буддийских и даосских библиотеках стали бы весьма скудными. Но на деле результаты оказываются как раз обратными: дошедших до нас сведений о собраниях рукописей религиозных сочинений несколько не меньше, а что касается буддизма, то каталоги буддийских собраний для рассматриваемого периода сохранились в гораздо большем количестве, чем светские каталоги, а факты, ими сообщаемые, более подробны и собраны более тщательно⁹⁷. Объясняется этот факт, как можно думать, тем, что буддисты и даосы, не входя в сферу официальной идеологии, должны были сами заботиться о сохранности своих сочинений. Примечательно, что период наиболее интенсивного развития буддийской и даосской литературы приходится на I тысячелетие н. э. и как раз за это время каждая из религий создает свой независимый круг чтения, из которых к концу периода слагаются буддийский (*Фо цзан*) и даосский (*Дао цзан*) каноны. Пути формирования этих двух огромных сводов

⁹⁶ Эту особенность легко можно обнаружить в «Сведениях о литературе» в «Истории Суй», «Старой истории Тан» и «Новой истории Тан» [СББЯ, т. 68, 73, 75]. В сводном виде сведения династийных историй об императорских рукописных собраниях см. в кн. [Яо Мин-да, 1938, с. 177—226].

⁹⁷ Яо Мин-да в своей «Истории китайской библиографии» [Яо Мин-да, 1938, с. 227 и сл.] собрал сведения достаточно полные (хотя и не исчерпывающие) по истории буддийских и даосских рукописных библиотек. По истории даосского канона с учетом хранилищ и числа хранящихся книг более подробно в некоторых отношениях пишет К. К. Флугг

литературы были различны, из них первым начал образовываться буддийский канон, а даосский во многих отношениях был подражанием ему.

1. Буддийские рукописные библиотеки

Буддизм проник в Китай, по преданию, в середине I в. н. э.⁹⁸, и тогда же была переведена на китайский язык первая буддийская сутра. Постепенно учение Будды распространяется по всему Китаю, однако, как сказано в биографии буддиста второй половины III в. Чжу Ши-сина, с которым мы встречались в главе, посвященной технике книжного дела, «переводчики [буддийских сочинений] передавали [тексты] изустно, иные делали ошибки, не сумев выпутаться из мелочей. И потому по смыслу начала и концы [текстов] оказывались как бы разделенными. [Чжу] Ши-син в Лояне часто твердил „Малую [сутру] о праджня[парамите]”, но так и не смог постичь [ее смысла]. Каждый раз [он] вздыхал о том, что эта сутра [заключает в себе] самую суть Махаяны, а принципы перевода [ее] несовершенны» [ЧСЦЦ, цз. 13, с. 97а]⁹⁹.

Чжу Ши-син собрал имевшиеся тогда переводы и составил первый каталог буддийских сочинений, после чего в 260 г. был направлен в Западный Край (так в те времена

⁹⁸ Согласно преданию, изложенному в ГСЧ (цз. 1, с. 322в), император Поздней Хань Мин-ди (58—75) увидел сон, который был истолкован как знамение об учении, возглашенном великим учителем Буддой. Император послал посольство, которое привезло «Сутру в сорока двух главах» (*Сы-ши-эр чжан цзин*) и переводчиков, построивших для нее обитель Баймасы. Это время (ок. 75 г.) и считается началом как буддийской литературы в Китае, так и распространения буддизма. Анализ всех источников и установление степени достоверности легенды даются в кн. [Тан Юн-тун, 1938, с. 16—30]. В любом случае как сутра (см. [ТСД, XVII, № 784]), так и обитель Баймасы (на запад от городских стен Лояна) существуют и сейчас. Книга Тан Юн-туна, детально излагающая историю буддизма в Китае до начала VII в., дополняется, особенно для более позднего времени, другими исследованиями, из которых наилучшее — исследование Кеннета Чэня [Ch'en, 1964].

⁹⁹ Сведения о Чжу Ши-сине и его соратниках, в целом совпадающие по смыслу, но в разной степени детализированные, имеются в ряде источников. Наиболее ранние — в сочинении, составленном Сэн-ю в 515 г., — «Собрание сведений о переводах Трипитаки» [ЧСЦЦ, цз. 7 и 13, с. 47в и 97а-б], потом — в «Жизнеописаниях достойных монахов» Хуэй-цзяо (ок. 530 г.), где те же данные сведены в биографии Чжу Ши-сина [ГСЧ, цз. 4, с. 346в]. Более поздние источники — «Записи о трех драгоценностях в разные эпохи» (*Лидай сань-бао цзи*) Фэй Чан-фана (597 г.) и «Каталог дворцового фонда при Великом Тан» (*Да Тан нэй дэнь лу*) Дао-сюаня (664 г.) — вторичны и ничего существенно нового к сказанному не добавляют, кроме упоминания о каталоге Чжу Ши-сина.

называли в Китае Центральную Азию и Индию) собирать рукописные тексты буддийских книг. Его усилия увенчались успехом, и хотя сам он умер в Юйтяне (Хотане) и там был похоронен, его ученик Фужутань¹⁰⁰ вернулся в Китай с книгами на санскрите, которые и были в 292 г. переведены на китайский язык, как мы помним, Чжу Шу-ланем (ум. в 328 г.).

За первой описью буддийских книг Чжу Ши-сина, о которой мы не имеем иных сведений, кроме цитирования и упоминаний в более поздних каталогах¹⁰¹, последовал еще целый ряд других, не менее двадцати пяти, ныне также утраченных и известных только по упоминаниям и извлечениям в тех трудах, которые дошли до нашего времени¹⁰². Мы не будем их все перечислять, отметим лишь те, которые внесли в дело учета и классификации буддийских книг что-то новое.

Чжу Ши-син попытался составить пусть небольшой по объему, но по возможности полный список буддийских переводов на китайский язык (основываясь, надо думать, на сочинениях, существовавших в императорской библиотеке). Один из его преемников — Чжу Фа-ху (Дхармаракта) составил около 305 г. перечень своих собственных переводов, положив, таким образом, начало частным каталогам, которые потом нередко составляли основу сводных каталогов буддийских сочинений. Другой автор — Не Дао-чжэнь в 307—312 гг. создал труд сводного характера «Каталог всех сутр» (*Чжун цзин мулу*), где учел 54 сочинения в 66 цзюанях¹⁰³. Как можно видеть, количество буддийских книг еще

¹⁰⁰ Фужутань назван так в ЧСЦЦЦ, цз. 7 (с. 47в), а в цз. 13 того же сочинения (с. 97а) и ГСЧ (цз. 4) именуется Бужутань. Имя это явно не китайское, что подтверждается авторской пометой в ЧСЦЦЦ (цз. 7): «На цзиньском (китайском) языке Фа-жао (Обилие закона)». Нужно думать, что Фужутань был родом из Центральной Азии, скорее всего из Хотана.

¹⁰¹ Сведения из утерянного ныне «Ханьского каталога» (*Хань лу*) Чжу Ши-сина цитируются в двух более поздних сводах: «Записях о трех драгоценностях в разные эпохи» [ЛДСВЦ, цз. 3—4, с. 50а—53в] и в «Каталоге дворцового фонда при Великой Тан» [ДТНДЛ, цз. 1, с. 221а—224б], так что в случае необходимости каталог Чжу Ши-сина мог бы быть реконструирован.

¹⁰² Самый подробный перечень 25 утерянных каталогов с указанием основных данных о них см. в работе [Яо Мин-да, 1938, с. 231—233], там же (до с. 237) — о более поздних каталогах. Мы заимствуем данные из этого исследования, лишь изредка дополняя их сведениями источников.

¹⁰³ См. [ДТНДЛ, цз. 2, с. 232б]. Отсюда же мы знаем, что Не Дао-чжэнь был, как и его отец Не Чэн-юань, писцом, записывавшим на слух произносимый текст переводов (*бишоу*). Поэтому его сведения должны быть точными: он не только держал в руках, но и сам переписывал рукописи.

невелико, хотя в целом переводов по имеющимся сведениям было значительно больше: один Чжу Фа-ху сделал 165 переводов (см. его биографию: [ГСЧ, цз. 1, с. 326—327а], там же есть сведения о Не Дао-чжэне и его отце). Но многие из переводов не нашли распространения и были тогда же утрачены.

Первые систематические каталоги буддийских книг были составлены Чжи Минь-ду (ок. 285—после 377) во второй четверти IV в. В его утраченных ныне трудах — «Сводный каталог сутр и шастр» (*Цзин-лунь дулу*) и «Дополнительный каталог сутр и шастр» (*Цзин-лунь белу*) — для китайских буддийских сочинений было впервые введено деление на сутры (*цзин*) и шастры (*лунь*), копировавшее аналогичное деление сочинений у индийских буддистов. Также утерян «Сводный систематизированный каталог буддийских книг» (*Цзун-ли чжун цзин мулу*), составленный в 374 г. одним из наиболее известных деятелей буддизма — Дао-анем (314—385). Об этом сочинении, как и о каталогах Чжи Минь-ду, можно составить достаточно полное представление по частым отсылкам к ним в позднейших перечнях буддийских книг.

Каталог Дао-аня достоин более подробной характеристики. Данные, собранные по позднейшим каталогам, прежде всего в «Собрании сведений о переводах Трипитаки» (см. [Яо Мин-да, 1938, с. 244—246]), показывают, что была довольно сложная классификация из семи разделов, включавших описи: наличных сутр и шастр; древних переводов, сделанных потом повторно; переводов, имена исполнителей которых утрачены, выполненных как в центральных землях Китая, так и на периферии; апокрифов («сомнительных сутр» и *цзин*); комментариев; исторических материалов. И хотя семичленный состав каталога несколько искусственен и, видимо, является подражанием аналогичному делению императорских светских библиотек, но новизны этой классификации для буддийских книг нельзя не признать. Дао-ань впервые выделил апокрифы, занявшие потом значительное, пусть не вполне почтенное, место в общем потоке буддийской литературы, и труды по истории буддизма, достойные во всех отношениях и признаваемые всеми историками Китая. Сохранившиеся сведения, характеризующие каталог Дао-аня, хорошо иллюстрируют, насколько интенсивно шла работа по переводу, написанию и переписке буддийских текстов. Уже в V в. со сложившимся объемом буддийских сочинений начинают считаться официальные императорские книгохранилища и включают в свой состав буддийские части, хотя обычно не в основные собрания.

Из других каталогов упомянем некоторые, также ныне утраченные, чтобы показать разнообразие имевшихся тогда фондов буддийских рукописей. Один из них, «Опись буддийских сутр» (*Фо цзин лу*), явился одним из двух дополнений (второе было описью даосских книг), составленных к «Семи сведениям» (*Ци чжи*) в 473 г. Ван Цзянем, упоминавшимся в разделе об императорских библиотеках. Из данных, касающихся его деятельности, мы узнаем, что в указанное время буддийские и даосские рукописи впервые стали частью императорских книжных собраний, хотя и хранились вне основных секций высочайшей библиотеки. Знаем мы кое-что и о существовании библиотек отдельных буддийских монастырей и их каталогов. Так, прославленный в буддийской историографии и легендах буддийский отшельник Хуэй-юань (334—416) составил в конце IV в. каталог рукописной коллекции обители в горах Лушань, где была его резиденция. Знаменитый Лю Се (ок. 465—522), создатель первого всеобъемлющего труда по теории китайской литературы «Резной дракон литературной мысли» (*Вэнь синь дяо лун*), также составил в 502 г. в соавторстве с монахом Хуэй-чжэнем «Опись сутр, хранящихся в обители Динлиньсы» (*Динлиньсы цзанцзин лу*)¹⁰⁴. Каталог своей библиотеки в построенной лично для него в 60-е годы V в. обители Сянгунсы (в нынешнем Нанкине) составил буддийский монах Хун-чун (ум. в конце V в. в возрасте 72 лет).

Но настоящим высоким достижением, сказавшим новое слово во всей китайской библиографической науке, является огромный по объему каталог «Собрание сведений о переводах Трипитаки» (*Чу Сань-цзан цзи цзи*), создававшийся в 505—515 гг. Сэн-ю (445—518) — учителем Лю Се и многих других выдающихся людей того времени. Каталог состоит из 15 цзюаней. Труд Сэн-ю имеет несколько особенностей, составляющих считать его вершиной китайской библиографической науки того времени. Он был составлен на основании рукописной библиотеки обители Цзяньчусы¹⁰⁵ возле столицы

¹⁰⁴ Наиболее детально о биографии и трудах Лю Се см. в труде И. С. Лисевича [Лисевич, 1979, с. 18—22, 44—47, 87—97]. Отдавая должное этому интересному исследованию, мы не можем согласиться с предположенной автором интерпретацией заглавия трактата Лю Се и оставляем перевод, ставший уже традиционным. Обитель Динлиньсы — один из множества (не менее семидесяти) монастырей на горе Чжуншань южнее нынешнего Нанкина. Основана в 424 г. В 518 г. здесь похоронен Сэн-ю, учитель Лю Се, о котором как об авторе речь будет далее.

¹⁰⁵ Монастырь был основан примерно в 40-х годах III в., в крайнем случае не позднее 251 г., известным переводчиком буддийских сочинений на китайский язык Кан Сэн-хуэем (ум. в 280 г.). См. [Nanjio, 1883, стб. 390]. В этом монастыре трудился и в 518 г. умер Сэн-ю. Поскольку,

южных династий Цзянье (Цзянькана). Однако содержание каталога не ограничено одним этим собранием. Сэн-ю учел и включил в свой каталог данные многих прежних описей буддийских сочинений и библиотек. Именно ему в первую очередь мы обязаны тем, что имеем достаточно точное представление о работе предшествующих буддистов-библиографов¹⁰⁶.

Но, может быть, столь полный учет трудов прежних каталогизаторов и послужил причиной их утраты: после появления «Собрания сведений» никто уже их не переписывал и не хранил. Вторым отличием сочинения Сэн-ю было то, что он не только собрал в своем своде данные «технического» порядка о сочинениях и рукописях, но и включил в него биографии переводчиков и других лиц, принимавших участие в переводе, переписке и оформлении рукописей. Третья особенность — это предисловия и послесловия к переводам и оригинальным сочинениям китайских буддистов, которые собрал Сэн-ю, представив, таким образом, как историю создания того или иного сочинения, так и оценку его современниками. Все данные труда Сэн-ю оказались неоценимым источником для последующих историков буддизма и буддийской литературы в Китае и потом в Европе, начиная от автора «Жизнеописаний достойных монахов» Хуэй-цзяо (497—554) и составителей каталогов Фэй Чан-фана, Дао-сюаня, Чжи-шэна. После основополагающего труда по составу китайского буддийского канона Нандзё Бунъю [Nanjio, 1883] мимо данных Сэн-ю не может пройти ни один исследователь буддизма. Из его сочинения черпают сведения каталог Трипитаки годов Тайсё «Хобогирин» [Hōbōgirin, 1931], Тан Юн-тун в его истории буддизма периода Лю-чао [Тан Юн-тун, 1938], Мотидзуки Синко в его «Энциклопедии буддизма» [Мотидзуки, 1964], Чэнь Юань в указателе биографий деятелей буддизма [Чэнь Юань, 1964] и многие другие.

При классификации буддийских сочинений Сэн-ю в целом следует системе, предложенной Дао-анем. Более того, он подчеркивает свою зависимость от труда последнего, в шести

это был столичный монастырь, которому покровительствовал императорский двор, в стенах обители протекала деятельность многих других видных буддистов — переводчиков, комментаторов, проповедников.

¹⁰⁶ Ряд дополнительных сведений мы находим в более поздних каталогах, составленных по принципам, близким к тем, что предложил Сэн-ю, а именно в «Записях о трех драгоценностях в разные эпохи», в «Каталоге дворцового фонда при Великой Тан» Дао-сюаня (596—667), в «Описи буддийского учения годов Кай-юань» (*Кай-юань шицзяо лу*), составленной в 730 г. Чжи-шэном [ТСД, LV, № 2061]. Однако по периоду до появления труда Сэн-ю этих дополнений немного.

главах («описях» *лу*) своего сочинения из двенадцати прямо указав, что это материалы, собранные Дао-анем и лишь проверенные и дополненные Сэн-ю (кстати сказать, каталог Дао-аня оказывается, таким образом, целиком включенным в «Собрание сведений» и легко реконструируется). Но остальные шесть глав полностью составлены самим Сэн-ю и по содержанию являются дополнением к той классификации, которая предложена Дао-анем. К «Описи сутр и шастр» добавлены две новые «описи» — частичных переводов из различных сутр и буддийского устава виная. Сверх четырех разделов сутр (устаревшие переводы; переводы неизвестных авторов; переводы, исполненные в западных землях; переводы, выполненные в собственно Китае) добавлены перечни частичных переводов неизвестных авторов и сочинений справочного характера (*чао-цзин*), составленных из выписок из канонических произведений. К «сомнительным сутрам» добавлены апокрифы, уже прямо именуемые «подделками» (*вэйчжуань*). Всего каталог Сэн-ю включил 2162 названия в 4328 цзюанях.

В том же, 515 г. ученик Сэн-ю по имени Сэн-шао по указу государя принять составять каталог собрания буддийских рукописей, хранившихся в буддийском павильоне императорского парка Хуалиньюань¹⁰⁷. Императором южной династии Лян был знаменитый своей приверженностью к буддизму Сяо Янь или У-ди (464—549, на троне в 502—549 гг.), сам поэт и писатель, автор многих произведений буддийского характера. Видимо, этим и объясняется, что упоминавшийся как автор каталога «Семь описей» (*Ци лу*, ок. 520—526) Жуань Сяо-суй в свой труд в качестве «шестой описи» и «седьмой описи» впервые — и как будто единственный раз в истории каталогов общего типа — включил буддийские и даосские рукописные собрания. До и после того буддизм и даосизм стоят вне официальной классификации.

Каталог Сэн-шао составлялся, как и обычно в практике китайской библиографии, с учетом не только конкретного фонда, но и других каталогов — последнее для установления, каких текстов не хватает в данном собрании (названия отсутствующих сочинений снабжались пометой *ши* «утрачено»). Поэтому Сэн-шао сначала обратился к каталогу Сэн-ю и потом, сверив с ним свою опись, составил также *desiderata*.

¹⁰⁷ Упоминание об императорском указе есть в «Сведениях о литературе» «Истории Суй» [СШ, цз. 32, с. 292а]. Более подробные сведения, как почти всегда, когда дело идет о буддийских материях, находим в буддийских исторических и библиографических трудах [Сюй ГСЧ, цз. 1; ЛДСБЦ, цз. 11].

Он кончил свой труд «Каталог сутр буддийского павильона сада Хуалинь» (*Хуалинь фодянь чжунцзин мулу*)¹⁰⁸ в 518 г., после чего уже другому лицу, Бао-чану, было поручено разыскать недостающие рукописи и включить их в каталог. Новый «Каталог сутр эпохи Лян» (*Лян ши чжунцзин мулу*), включавший 1433 сочинения в 3141 цзюани, был удостоен высочайшего утверждения¹⁰⁹. Сам каталог имел четыре цзюани. Хотя этот каталог и не дошел до нас, по более поздним каталогам его состав и классификация устанавливаются с большой точностью (см. [ЛДСБЦ, цз. 15]).

Каталог Бао-чана делился на четыре больших отдела: 1) сутры Махаяны; 2) сутры Хинаяны; 3) утраченные сутры, сутры школы *чань*, виная, апокрифы, комментарии, шастры; 4) исторические материалы, притчи, сутры об именах будд, молитвы. Первые два отдела делились каждый на четыре подраздела: сутры во много цзюаней и сутры в одну цзюань, внутри — переводы, авторы которых известны и авторы которых забыты. Всего подразделов было двадцать. Бросается в глаза некоторая искусственность двух последних разделов. Думается, что деление на четыре отдела было повторением четырехчастного деления книг в основной части императорских библиотек, подобно тому как семичленный каталог Дао-аня повторил такое же деление императорских библиотек, установленное еще Лю Синем.

Но был у Бао-чана и другой образец, тоже утерянный и тоже охарактеризованный в том же источнике. Это каталог неизвестного автора, учитывающий буддийские рукописи в библиотеке южной династии Сун (420—479) и потому составленный не позже 479 г. Он имел 10 разделов, из которых первые три были посвящены сочинениям Махаяны (включая и оригинальные труды китайских махаянистических проповедников), четвертый — Хинаяне, пятый — утерянным книгам, и далее шли: тексты неясной принадлежности, апокрифы, винаи, молитвы и заклинательные тексты, шастры и комментарии.

¹⁰⁸ По упоминанию в биографии Бао-чана в «Продолжении жизнеописаний знаменитых монахов» [Сюй ГСЧ, цз. 1, с. 426в] хранилище буддийских книг имело особое название *Баюнь цзинцзан*, т. е. «Баюнь — хранилище сутр».

¹⁰⁹ Нас не должно удивлять, что в каталоге Сэн-шао — Бао-чана число сочинений и цзюаней меньше, чем у Сэн-ю. Труд последнего учитывал все известные по названиям утраченные сочинения, в то время как каталог собрания Хуалиньюаня — только наличные рукописи. Но если сравнить приведенные цифры с дошедшей до нас цифрой (1089 сочинений, 2596 цзюаней), указанной в сведениях об утраченном каталоге примерно 479 г. неизвестного автора, то будет видно, насколько возрос за сорок лет объем буддийской литературы.

В обоих каталогах — неизвестного автора и Бао-чана — мы обнаруживаем наметки, и уже довольно четкие, ставших потом традиционными разделов китайской Трипитаки. Однако логическое завершение эта новая классификация нашла в более позднем каталоге, дошедшем до наших дней под названием «Каталог всех сутр Великой Суй» (*Да Суй чжун-цзин мулу*) [ТСД, LV, № 2146]. Это был каталог буддийской части императорской библиотеки. В десятый день пятой луны четырнадцатого года Кай-хуан (4 июня 594 г.) известный уже нам хранитель императорской библиотеки Ню Хун получил указ государя о каталогизации рукописей буддийских сочинений. Дело это он поручил коллегии из двадцати человек во главе с Фа-цзином из монастыря Дасиншаньсы в Чанъ-ани. Наличие рукописей и соответствие их расположения в хранилище и системе каталога сверили чанъаньские же монахи Мин-му из обители Янхуасы и Янь-цзун (557—610) из обители Жияньсы. Последний прославился потом как выдающийся автор и переводчик (см. о нем: [Суй ГСЧ, цз. 2, с. 436б—439в]). Всего в каталог вошло 2257 сочинений в 5310 цзюанях¹¹⁰.

Классификация, предложенная в каталоге Фа-цзина, была проста и логична. Все буддийские сочинения подразделялись на два класса: сочинения, которые по традиции рассказал Шакьямуни, и сочинения, появившиеся после ухода его в нирвану, т. е. рассказанные или написанные его последователями.

Первый класс, собственно канон, делился на Махаяну и Хинаяну, каждый из этих двух подклассов — на три раздела буддийского канона: сутры, виная, шастры. Каждый из трех включал семь параллельных подразделов: сутры, виная, шастры, переведенные однажды; переведенные более одного раза; переводчик которых неизвестен; имеющиеся в других редакциях; сомнительные; явно поддельные. Второй класс, сочинения последователей Будды, состоял из трех подклассов: сочинения, составленные из выдержек и цитат из канонических сочинений; исторические материалы; оригинальные сочинения и толкования. Каждый из трех подклассов, в свою очередь, делился на «сочинения мудрецов Западного Края» и «сочинения добродетельных мужей нашей стороны».

¹¹⁰ Отметим стремительный рост числа сочинений (и цзюаней) по сравнению не только с каталогом Бао-чана, но и со сводом Сэн-ю. Перечисленные сведения по истории каталога находим в [ЛДСБЦ, цз. 12, с. 105в] и во «Всея суйской прозе» [ЦШСЦСЛВ, цз. 35, с. 4234], где помещено послание Фа-цзина к Вэнь-ди (589—604) о готовности каталога: (*Шан Вэнь-ди шу цзиньчэн Чжунцзин мулу*).

Если сравнить изложенную классификацию с применяемой ныне для буддийского канона (скажем, в [Nanjio, 1883], а также в [ТСД]), то мы увидим, что она изменилась лишь в деталях расположения перечисленных отделов. Так, оказалось удобнее для общей классификации первое подразделение делить по линии «трех сокровищниц» (Трипитака): сутры, виная, шастры, а деление на Хинаяну и Махаяну давать как вторичное. Отмерла классификация по числу переводов и по тому, известен ли переводчик. Зато появилась систематизация сутр по двенадцати разделам (*ши-эр бу цзин*), учитывающая генезис каждой из сутр. Усложнилась, разрослась и усовершенствовалась по составу и по классификации та часть, которая состоит из сочинений, не приписываемых будде Шакьямуни. Но все это выходит за пределы нашей темы, и здесь не место говорить о современной классификации подробно.

Последующие своды материалов по истории буддийского рукописного дела и книжных собраний подражают двум образцам. Первый из них — это «Собрание сведений о переводах Трипитаки» Сэн-ю. В следовавших этому образцу каталогах мы имеем исчерпывающие подборки данных не только в виде перечней книг, но и с характеристикой сочинений в форме включенных в своды предисловий, послесловий, замечаний библиографического характера и с историческими данными, представленными биографиями деятелей буддизма. К таким каталогам следует отнести каталог «Записки о трех драгоценностях в разные эпохи» (ЛДСБЦ) в 15 цзюанях [ТСД, XLIX, № 2034], включавший 2268 сочинений в 6417 цзюанях; «Каталог буддийских сочинений годов Кай-юань Великой Тан» (КЮШЦЛ) в 20 цзюанях, составленный Чжи-шэном в 730 г. [ТСД, № 2154], где было 2278 названий в 7046 цзюанях; его продолжение — «Заново утвержденный каталог буддийских сочинений годов Чжэнь-юань» (*Синь дин Чжэнь-юань шицзяо лу*) в 30 цзюанях, составленный Юань-чжао в 794 г. [ТСД, LV, № 2157].

В каталоге Юань-чжао зафиксировано 1213 сочинений в 5390 цзюанях, что показывает значительное уменьшение числа названий и книжных единиц по сравнению с каталогом Чжи-шэна. Это неудивительно, так как между 730 и 794 гг. (в 755—759 гг.) произошел мятеж Ань Лу-шаня, когда столичные рукописные собрания, как мы уже видели на примере императорских библиотек, подверглись разграблению и в подавляющем большинстве были уничтожены. Как мы помним, потом пришлось предпринять много усилий для восстановления рукописных фондов на базе главным образом 183

частных собраний — не первый раз в истории китайских библиотек. Можно уверенно утверждать (полагаясь на приведенные цифры), что подобная же печальная участь постигла и буддийские хранилища рукописей в императорских дворцах. Мы не имеем прямых указаний, на какой основе прошло их (неполное, как мы видим) восстановление. Но, учитывая, что, согласно многочисленным упоминаниям и сохранившимся каталогам, было много рукописей, принадлежавших отдельным монастырям, не будет натяжкой назвать эти монастыри основным источником рукописей, пополнявших императорские библиотеки.

Второй вид каталогов имел своим образцом «Каталог всех сутр Великой Суй». Эти труды представляли собой описи конкретных библиотек и не претендовали на всесторонний охват буддийской литературы в целом и сведений по ее истории. Таких для Суй и Тан сохранилось много, их все можно видеть в т. LV «Трипитаки годов Тайсё». Наиболее значительны: «Опись дворцового фонда годов Жэнь-шоу династии Суй» (*Суй Жэнь-шоу нянь нэй дянь лу*) в 5 цзюанях (начало VII в.) Янь-цзуна, известного нам уже соратника Фа-цзина; «Опись дворцового фонда Великой Тан» (*Да Тан нэй дянь лу*) в 10 цзюанях 664 г., автор которой — неоднократно встречавшийся на страницах нашего очерка Дао-сюань; «Опись сутр, утвержденная при Великой Чжоу» (*Да Чжоу каньдин чжуницзин лу*) в 15 цзюанях, составленная в 695 г. коллегией во главе с Мин-цюанем на основе собрания буддийских рукописей императрицы У-хоу (684—704) (см. [ТСД, LV, № 2147, 2149, 2153]).

Если императорские собрания буддийских рукописных книг пополнялись за счет коллекций отдельных монастырей, то и эти монастырские библиотеки получали рукописи из императорских библиотек, а периферийные монастыри нередко становились адресатами богатых дарений сочинений Трипитаки из столицы. Об одном из них — дарении императрицы У-хоу монастырям Дуньхуана — мы уже писали. Приведем еще некоторые факты, известные по дуньхуанским источникам, показывающие способы пополнения окраинных монастырских библиотек.

В 848 г. в Дуньхуанском округе, находившемся с 774 г. под властью тибетцев, произошло восстание под руководством Чжан И-чао, после чего в 851 г. состоялось посольство в Чанъань, столицу империи Тан, во главе с братом его — Чжан И-танем. Дуньхуан был вновь принят под высокую руку китайского императора. В числе лиц, входивших в посольство, был и представитель дуньхуанских буддистов

У-чжэнь (816—895)¹¹¹. Время, когда прибыло посольство, было трудным для буддизма. Император У-цзун (841—846) в 845 г. провел государственную акцию по сокращению количества монастырей, оставив в столице вместо имевшейся там сотни буддийских обителей по два монастыря в каждой из двух половин Чанъани (официально они назывались «левые улицы» и «правые улицы», т. е. соответственно восточные и западные). Но уже объявивший о вступлении на престол в начале 847 г., а фактически правивший после смерти У-цзуна в третьей луне 846 г. его преемник Сюань-цзун (847—859)¹¹² увеличил число столичных монастырей до десяти с каждой стороны (по восемь мужских и по два женских), потом были возрождены и некоторые другие монастыри. Хотя число монастырей и возросло, доступ в них, как можно думать, был ограничен. Поэтому У-чжэню понадобилось специальное разрешение императора на посещение столичных монастырей для отбора рукописей хранящихся в них произведений. Так или иначе, в числе других пожалованных государем и привезенных в Дуньхуан предметов были и книги¹¹³.

Впоследствии были и другие миссии, целью которых являлось получение в столице рукописей для дуньхуанских книжных собраний. Одна такая миссия хорошо документирована, и мы приведем некоторые из сохранившихся документов. Один из них — прошение¹¹⁴.

«В Шачжоу живущий, в обители Ляньтайсы, монах — [наставник] в дисциплине Ин-бао.

Вышеуказанный имярек^а, поскольку^б внутри [книго]хранилища данного округа ^весть утраченные тексты сутр^в, возы-

¹¹¹ Жизни и деятельности У-чжэня посвящено специальное исследование, откуда мы заимствуем приведенные здесь факты (см. [Chen Tsung-lung, 1966]). У-чжэнь был официально назначен главой дуньхуанской буддийской организации в 870 г., а до него «патриархами» были Хун-бянь (851—862) и Фа-жун (863—868).

¹¹² Этот Сюань-цзун «второй» 宣宗), по-русски пишущийся так же, но по-китайски имеющий иное произношение и написание, и Сюань-цзун «первый» (玄宗, правил в 712—755 гг.) — лица разные, и путать их не следует. С правлением Сюань-цзуна «первого» связаны нанвысший расцвет империи Тан и вспыхнувший в конце его мятеж военачальника Ань Лу-шаня. Сюань-цзун «второй», правитель искусный и рачительный, добился нового расцвета страны, но сравнительно недолгого.

¹¹³ Кроме реконструированной Чэнь Цзу-луном биографии У-чжэня о привезенных книгах свидетельствуют колофоны дуньхуанских рукописей (на некоторых из них есть подписи У-чжэня) и иные тексты, включающие биографии дуньхуанских буддистов (см. [Chen Tsung-lung, 1970]).

¹¹⁴ Рукопись Дх. 1438 Дуньхуанского фонда ИВАН. Есть еще один экземпляр этого же текста (Дх. 1376), по всем признакам являющийся черновиком: в нем много поправок и строки текста перебивают друг друга. Мы указываем разночтения по второму тексту, обозначая его как «Б».

мел "желание пешком отправиться" в высочайшую столицу, разыскать дарение десяти [видов] веры и пополнить лакуны в учении Трех колесниц. Чего в мыслях опасаясь^д — это заставы, броды, речные устья и заводи "Срединного государства". Но нет препятствий к тому, чтобы обходить пограничные земли и обращаться земляков, не имеющих опыта в [познавании] причин поступков.

Потому прошу рассмотреть данное прошение и отпустить [меня]. "Ожидаю решения по делу"»¹¹⁵.

Ин-бао, насколько можно судить, надеется, если не удастся пройти дальний путь до столицы, все-таки найти недостающие тексты в близлежащих пограничных землях, для чего ему нужно разрешение местной администрации на свободное передвижение.

В добавление к этому основному документу есть несколько других, написанных тем же почерком. Приведем два из них, наиболее кратких. Первый (Дх. 165) представляет собой опись лакун и дефектов, судя по числу указанных свитков, к «Нирвана-сутре», состоящей в стандартном варианте из 40 цзюаней (см. [ТСД, XII, № 374]):

«Первая связка. Отсутствуют [цзюани] шестая и седьмая.

Вторая связка. Отсутствуют [цзюани] тринадцатая и шестнадцатая.

Третья связка. Отсутствуют [цзюани] двадцать первая и [двадцать] вторая.

Четвертая связка. Отсутствует [цзюань] сороковая. Отсутствует сорок первая¹¹⁶.

В первой связке восьмая в плохом состоянии; во второй связке четырнадцатая и семнадцатая в плохом состоянии; в четвертой связке тридцать первая, тридцать третья, тридцать пятая, тридцать шестая на месте, тридцать седьмая в плохом состоянии, тридцать восьмая на месте».

По этой описи (и по некоторым другим) можно видеть, что Ин-бао хорошо подготовился к будущему путешествию, точно установив, копии каких текстов он должен получить.

^{115а} Б.: «Ин-бао»;^б Б.: «почтительно рассмотрел»;^в Б.: «среди сочинений и связок [свитков] утрачены тексты сутр, и никак нет возможности их достать, Ин-бао...»;^г Б.: «ничтожное желание и замысел»;^д Б. *доб.*: «Коль скоро успешно завершу [это дело] и передам [книги] идущим потом, обрету пользу в девяти небесах, и непременно [все это отразится] в моей судьбе»;^е Б.: *оп.*; ^ж Б.: «падая ниц, слушаю, какое будет решение».

¹¹⁶ Видимо, механическая ошибка: сорок первой цзюани в сутре нет, а если бы сутра состояла более чем из сорока цзюаней, цзюани сорок первая и далее должны были бы быть в пятой связке. Впрочем, может быть и другое: существует «Последняя часть сутры о нирване» (*Да ба-непань цзин хоу фэн*) в двух цзюанях, которая часто присоединялась к основному тексту как 41-я и 42-я цзюани (см. [ТСД, XII, № 375]).

Еще один документ, более сложный по содержанию (Дх. 2829), является описью снятых копий:

«Год *гуй-мао*, третья луна, седьмой день (11 апреля 1003 г.)¹¹⁷. Согласно выпискам из сутр и записям отрывков текстов, которые прежде обнаружены в разных местах и заново переписаны, перечень связок.

„Сы ди лунь” в четырех цзюанях — в наличии.

„Фэньбе гундэ” в четырех цзюанях — переписано.

„Чжу фо иньюань лунь” в двух цзюанях — переписано.

„Ши-ба бу лунь” в одной цзюани — переписано.

„Бучжи и лунь” в одной цзюани — переписано.

„И бу цзун лунь” в одной цзюани — переписано.

Вышеуказанное составило одну связку¹¹⁸.

„Божо-дэн лунь” — наличествующие [цзюани] первая, третья, седьмая, восьмая и отсутствующие вторая, четвертая, пятая, шестая, **девятая** составляют связку; одиннадцатая, двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая, пятнадцатая цзюани, а также:

„Ши-эр мэнь лунь” в одной цзюани,

„Ши-ба кун лунь” в одной цзюани.

Вышесказанное, составившее одну связку, переписано».

В других, более обширных и сложных по составу документах указано также число листов бумаги, пошедшей на переписку текстов. Из всех приведенных документов видно, что Ин-бао выполнил свою задачу.

Возможно, предприятие Ин-бао было связано с другим, зафиксированным в двух документах аналогичного содержания (Ф. 32, А1 и А2)¹¹⁹. Второй из них, несколько более про-

¹¹⁷ Год *гуй-мао* мы определяем как 1003 г. по следующим соображениям. Рукопись написана на бумаге, относящейся самое раннее к концу IX в. Год 883-й не подходит, так как в эту пору вряд ли можно было бы думать о подобных путешествиях: это было время смут, приведших вскоре (в 907 г.) к падению династии Тан. Еще менее вероятен 943 г.: в этот период Пяти династий Китай представлял собой конгломерат крупных и мелких государственных образований, борющихся между собой и сменявших друг друга. К 1003 г. Китай уже более 40 лет жил в более или менее мирное время под эгидой объединившей в 960 г. страну династии Сун. Названия буддийских сочинений, упомянутых в описи, мы не переводим: это всегда затруднительно, а для наших целей и не нужно. Все перечисленные сочинения относятся к разряду *лунь* (шастры).

¹¹⁸ Видимо, указанное первым «имеющееся в наличии» сочинение в данную связку не входило, а вошли только заново переписанные. Второе сочинение указано с ошибкой: оно стандартно состоит из пяти цзюаней (см. [ТСД, XXV, № 1507]). Тогда все вместе составляет 10 цзюаней, т. е. одну связку, как и указано в последнем замечании.

¹¹⁹ Первый из двух документов опубликован факсимиле (см. [Описание, 1963, с. 767]).

странный, представляется нам основным. Приведем его перевод, указывая разночтения по первому документу (A1):

«Даритель, дуньхуанский ван ^аЦао такой-то^а, и покровительница округа Цзибэй госпожа Фань вместе возымели мысли о вере и сначала^б повелели данного управления мастеру изготовить футляры для связок (*чжицзы*), ^впотом пригласили переписчика^в, дополнительно переписали новые и старые переводы сутр, винаи, шастр, которыми, всеми вместе, пополнили^г хранилище обители Баоэньсы^д. ^еСогласно распоряжению^е окончили.

О чем при Великой Сун в пятый год Сянь-пин под циклическими знаками *жэнь-инь*, в ^жседьмую луну, пятнадцатый день (25 августа 1002 г.) ^жзаписано»¹²⁰.

Лицо, обозначенное в документе, дуньхуанский ван Цао Цзун-шоу хорошо известен по изысканиям историков [Фудзиэда, 1942—1943]. В 1002 г. он стал наместником (*цзедуши*) в Дуньхуане, а в 1006 г. официально получил титул дуньхуанского вана (фактически присвоил его себе раньше). Это не единственное пожертвование правителей Дуньхуана на нужды дуньхуанских монастырей, но только данное предназначено для пополнения рукописных собраний. Видимо, с этим пожертвованием связана опись рукописной библиотеки, фрагмент которой хранится в Дуньхуанском фонде ИВАН (Дх. 1058, публикация факсимиле: [Описание, 1963, с. 768]):

«„Ши чжу цзин” <...>. Темно-красный холщовый футляр один.

„Ду ши цзин”. Темно-красный <фут>ляр один.

„Бэнь син цзи цзин”. Бамбуковых футляров шесть.

„Мохэ<...>”. Парчовых шелковых футляров четыре.

„Дацзи пиюй ван цзин”. Темно-красный холщовый футляр один<...>.

<...> футляр один.

„Цзуй шэн ван цзин”. Лиловый холщовый футляр один.

<...> хлопковый тканый футляр один.

„Дэнцзи чжун дэ цзин” без <...>.

„<...> чжэ нюй ганьцзы цзин”. Темно-красный холщовый футляр один.

„Да фа-цзюй толо <...>.

„Да фандэн да юнь цзин”. Бамбуковый футляр один.

„Пуса инло”. <Фут>ляр один, вторая [связка] без футляра.

¹²⁰ аA1: Цао Цзун-шоу; бA1: *оп.*; вA1: «а также»; гA1: «свитки насосях и внесли [их] в»; д обитель Баоэньсы — один из дуньхуанских монастырей, где хранились рукописи; е A1: *оп.*; ж A1: «в пятую луну, пятнадцатый день», дата соответствует 28 июня 1002 г.

„Пуса шань цзе <...> (далее мы опускаем три строки, не вносящие существенно новой информации. — Л. М.).

„Цзе цзе цзин”. Нет футляра.

Пятьдесят пять».

Соотносится ли данный документ с записью, сделанной Цао Цзун-шоу и его супругой, или нет, но мы имеем перед собой именно такую опись, которая необходима была для исполнения их пожертвования. В записи сказано, что дарители «повелели данного управления мастеру изготовить футляры для связок», опись же как раз и сообщает, есть ли футляры у тех или иных связок рукописей, и указывает общий итог (видимо, недостающих) связок.

Усилия для пополнения монастырских рукописных собраний предпринимали не только важные персоны, занимавшие высокие посты в государстве, но нередко и частные лица. Сведения об этом рассеяны по многим источникам. Приведем некоторые факты, собранные исследователем дунхуанских материалов Ян Гун-цзи в его книге, посвященной производству простонародной литературы, обнаруженным среди рукописей [Ян Гун-цзи, 1962, с. 204—206]:

«В горах Чжуннань, в обители Учжэньсы, буддист Фачэн<...> приказал мастеру переписать восемь экземпляров „Праджня[парамита-сутры]”».

«При Тан в Цзичжоу, в уезде Фэнцю, жила старушка по фамилии Ли, семидесяти лет, а детей [у нее] не было <...> [Она] наняла переписчиков, [чтобы они] в несколько рук переписывали сутры».

«В Динчжоу, на горе Чжуншань, наставник школы чань Сю-дэ<...> специализировался на сутре „Хуаянь”. В четвертый год Юн-хуэй (653 г.) возымел стремление к переписке, для этого построил „чистое возвышение” и призвал искусного переписчика Ван Гуна из Вэйчжоу <...> переписывать сутры».

Количество фактов, свидетельствующих о переписке сутр для монастырей иждивением людей самого разного общественного положения — от императоров до возчиков риса и крестьян — неисчислимо. Но, как нам кажется, приведенного выше достаточно, чтобы показать широкое распространение рукописной книги в Китае уже в I тысячелетии н. э. и повсеместное уважение, которым она была окружена.

Естественно возникает вопрос: кто переписывал рукописи в самих монастырях и были ли в них скриптории и постоянные переписчики? На это источники дают вполне определенный ответ. Наиболее ранние сведения о переписчиках относятся ко времени династии Суй, т. е. к концу VI в. В сочи-

нении Дао-сюаня «Собрание записей о проникшихся Тремя драгоценностями в Шэньчжоу» (*Цзи Шэньчжоу сань-бао ганьтун лу*), написанном в 664 г., во второй цзюани сказано:

«При Суй в годы Кай-хуан (599—600) Янь Гун, человек из Цзянчжоу, построил обитель под стеной [Чанъани], где переписывал «Сутру цветка закона». Чистые подношения [принимал] или бумагой, или кистями<...> Потом [он] начал сочинять притчи, подобные притчам „Сутры [цветка] закона“, и развлекал ими писцов (*шушэн*). Всегда находилось человек десять монахов и мирян, помогавших [ему], а [Янь] Гун сверял [ими написанное], не зная устали. Как-то один человек занял у него книжных десять тысяч монет <...> В конце годов Да-е (617 г.) его потомки восприняли дело [переписки] сутр. Старая профессия [его семьи] продолжается [и сейчас]» [ТСД, LII, с. 429а].

В «Истории Суй» находим биографию некоего Юй Ши-цзи (погиб в 618 г.), в которой, в частности, говорится:

«Когда было уничтожено [государство] Чэнь (589 г.), [Юй Ши-цзи] подчинился [новому] государству (т. е. Суй, 589—618), стал регистратором (*тунчжилан*) в ведомстве внутренней истории (*нэйши-шэн*, канцелярия, регистрировавшая деяния императора. — Л. М.). Был беден, не знал [никакого] ремесла, поэтому, чтобы прокормить семью, все время нанимался переписывать книги<...> Был искусен в скорописи и уставе» [СШ, цз. 67, с. 499—500]. Есть сведения о профессиональных переписчиках при монастырях и в более позднее время. К примеру, в «Старой истории Тан» [СТШ, цз. 189, с. 1550а] и в «Новой истории Тан» [СТШ, цз. 199, с. 1511] помещена биография человека по имени Ван Шао-цзун, занимавшегося перепиской, причем разночтения несущественны. Вариант «Старой истории Тан» следующий:

«Ван Шао-цзун, человек из Цзянду в Янчжоу<...> смолоду усердно учился, был всесторонне начитан в классиках и истории. Особо был искусен в скорописи и уставном почерке. Семья была бедна, и [он] постоянно нанимался переписывать буддийские сутры для собственного прокормления. Каждый месяц прекращал [переписку], когда денег на себя становилось достаточно, и пусть даже [кто-то предлагал] высокую цену, хотя бы вдвое, [он] все-таки отвергал ее. Прожил он в монастыре, соблюдая свою чистоту, почти тридцать лет».

Хотя эти сведения и отрывочны, однако они совершенно ясно подтверждают, что при буддийских монастырях были постоянные профессиональные писцы, копировавшие рукописи и получавшие за свою работу определенное вознаграж-

дение. В случае с Янь Гуном, содержавшим скрипторий, говорится о некоторых суммах, им накопленных, так что он мог даже давать деньги в долг.

Систематический подбор материала по истории одного из монастырских скрипториев в Дуньхуане стал возможным на основании колофонов к рукописям, переписанным в этом уезде. Рукописи эти относятся к первой половине VI в., и изготовлялись они в скриптории, основателем и главой которого был Линху Чун-чжэ (см. о нем [Fujieda, 1966—1969, pt. II, с. 24—27]). В IX в. целый ряд рукописей в той же самой Дуньхуанской библиотеке переписан Линху Янь-эром. Думается, что совпадение фамилий переписчиков на столь долгом отрезке времени не случайно. Скорее всего эта профессия в семье Линху была наследственной, но тогда все это время должен был существовать скрипторий, основание которому положил Линху Чун-чжэ.

Особые скриптории или постоянные профессиональные переписчики при монастырях указывают, что по крайней мере начиная с периодов Суй и Тан монастырские библиотеки приобрели известную независимость и рукописное дело развивалось в них параллельно с деятельностью императорских библиотек. Хотя нужно признать, что при общей зависимости монастырей от государственной власти монастыри как в целом, так и при получении текстов, с которых потом велась переписка, не могли стать самостоятельными в такой степени, как это было в Европе. Поэтому неоднократные дарения рукописей монастырям были отнюдь не простым знаком благоволения к ним властей предрежащих. Таким образом обеспечивался тот фундамент, на котором путем переписки официально утвержденных текстов образовывались потом рукописные собрания, подобные обнаруженному в Дуньхуане.

О зависимости буддийских рукописных хранилищ от государственной власти свидетельствуют записи в биографиях переводчиков буддийских сочинений на китайский язык. Как правило, перевод осуществлялся по императорскому указу и в обители, специально отведенной или даже построенной для монаха-переводчика по распоряжению государя. Об организации переводов можно судить по многим колофонам рукописей из Дуньхуана. Так, например, в дуньхуанской рукописи Р. 3709 с текстом «Сутры о земле Будды» (*Фо ди цзин*), сочинения, переведенного, как видно из этой записи, в 648 г. знаменитым путешественником и переводчиком Сюань-цзаном (602—664), сказано:

«[Под девизом] Чжэнь-гуань в 22-й год, восьмую луну, девятнадцатый день (12 сентября 648 г.) направленный из 191»

ведомства писец (*шушоу*), слуга [государя] Си Сюань-шуан записал. Всего [в сутре] 5502 слова.

Оформитель (*чжуанхуаншоу*) — слуга [государя] Фу Вэнь-кай.

Шрамана из обители Цзунчисы Бянь-цзи записал на слух.

Шрамана из обители Пуцзюсы в Пучжоу Син-ю сверил текст (*чжэн вэнь*).

Шрамана из обители Сюаньфасы Сюань-и сверил текст.

Шрамана из обители Цзунчисы Сюань-ин исправил иероглифы (*чжэн цзы*).

Шрамана из обители Хунфусы Лин-жунь сверил смысл (*чжэн и*).

Шрамана из обители Хунфусы Лин-фань сверил смысл.

Шрамана из обители Хунфусы Хуэй-мин сверил смысл.

Шрамана из обители Хунфусы Сэн-шэн сверил смысл.

Шрамана Сюань-цзан перевел.

Сановник *иньцин-гуанлу дайфу* из левого окружения наследника трона *кайгонань* из уезда Гаоян, слуга [государя] Сюй Цзин-цзун надзирает»¹²¹.

Приведенный колофон замечателен во многих отношениях. Во-первых, он, несомненно, относится к рукописи сутры, только что переписанной после перевода на китайский язык. Недаром как один из участников мероприятия указан ее переводчик Сюань-цзан. Во-вторых, по нему можно реконструировать весь процесс перевода. Сюань-цзан переводит устно, а его помощник Бянь-цзи записывает на слух. Писец (видимо, весьма квалифицированный, ибо направлен в помощь переводчику из государственной канцелярии) Си Сюань-шуан переписывает начисто, а мастер-«переплетчик» Фу Вэнь-кай, тоже из штата императорских учреждений, оформляет рукопись в свиток. Далее следует проверка по тексту (двукратная), проверка правильности употребления иероглифов, сверка правильности передачи смысла (четырекратно).

¹²¹ Полный текст колофона не публиковался факсимиле, но процитирован в «Сводном указателе рукописей из Дуньхуана» [ДИЦС, с. 293]. Обитель Цзунчисы или Да Цзунчисы находилась в квартале Юнъянфан в юго-западной части Чанъани (см. [Хираока, 1957, с. 33]). Пучжоу — ныне уезд Юнцзи в провинции Шаньси. Обитель Сюаньфасы находилась в столичном чанъаньском квартале Аньифан к югу от Восточного рынка [Хираока, 1957, с. 36]. Обитель Хунфусы находилась в квартале Сюэфан к юго-западу от дворцового комплекса в Чанъани. В 705 г. переименована в Синфусы и известна более под этим названием [ТХЯ, цз. 45, с. 845]. Кроме Сюань-цзана из упомянутых лиц известны еще Бянь-цзи, один из сотрудников неоднократно упоминавшегося Дао-сюаня [СГСЧ, цз. 4, с. 727в], и Сюй Цзин-цзун (592—672), впоследствии игравший видную роль в государственной политике (его биографии см. [ЦзТШ, цз. 82; СТШ, цз. 223 *шан*]). Гаоян — ныне уезд Цинъюань в провинции Хэбэй.

ная). Надзирает над проводящейся работой (и, как мы знаем из других колофонов, докладывает государю об ее окончании) специально прикомандированный чиновник, имеющий придворные титулы (оставленные нами в транскрипции), Сюй Цзин-цзун. В-третьих, колофон — как, впрочем, и другие колофоны рукописей столичных скрипториев — ясно демонстрирует зависимость дела перевода и переписки буддийских сочинений от императорских заказов и императорского покровительства.

Рукописная культура буддийских монастырей, представляющая, конечно, особую ветвь рукописного дела, тем не менее сближается по ряду признаков с рукописным делом в основных, светских частях императорских книгохранилищ. Даже окраинная монастырская библиотека Дуньхуана включает множество свитков, переписанных в столице императорским иждивением, — и это, конечно, не случайно.

2. Даосские рукописные собрания и их каталоги

Даосский канон представляет собой особый раздел китайской литературной традиции, резко отличный и от «светских» сочинений, о которых мы говорили в главах, посвященных императорским рукописным библиотекам, и от буддийского канона, составлявшего основную часть буддийских библиотек. Даосский канон начал складываться после буддийского канона и, несомненно, под его влиянием¹²².

Мы имеем следующее свидетельство о первой реакции даосов на появление в Китае буддизма. В «Отдельном жизнеописании шаманы Фа-линя»¹²³ сказано:

¹²² История даосского канона прослежена в очень надежном, хотя и кратком очерке К. К. Флуга [Флуг, 1930], где сведения почти всегда нуждаются не в уточнении, но скорее в некотором раскрытии вследствие конспективности изложения. «История китайской библиографии» [Яо Мин-да, 1938, с. 311—326] касается более истории даосской библиографии, но, как и в случае с другими библиотеками, история даосской библиографии достаточно точно отражает и историю соответствующих рукописных собраний. По нынешнему составу даосского канона наилучшие руководства: [Wieger, 1911; Дао цзан иньдэ, 1935].

¹²³ «Жизнеописание Фа-линя» (полное название: «Отдельное жизнеописание шаманы Фа-линя, хранившего закон [Будды] при Тан», *Тан ху-фа шамэнь Фа-линь бе чжуань*) в трех цзюанях [ФЛБЧ. — ТСД, L, № 2051] было написано в 40-е годы VII в. после смерти Фа-линя (572—640) его учеником Янь-цзуном. О последнем ничего более не известно, если только он и другой Янь-цзун — слог *цзун* в имени которого обозначается другим, хотя и сходным иероглифом (соответственно 宗 и 宗) — не одно и то же лицо (о втором см. [СГСЧ, цз. 4, с. 728в—729а]. Но в этой биографии нет упоминания об авторстве «Жизнеописания Фа-линя»).

«При поздниханьском императоре Мин-ди в 14 году Юнпин (71 г. н. э.) даос Чу Шань-синь и с ним 690 человек, услышав, что Закон Будды проник в Ло[ян], пригласили [буддистов] на диспут и взяли с собой даосские книги, всего 37 сочинений в 744 цзюанях, причем даосские классики среди них составили 509 цзюаней, а прочие 235 цзюаней были писаниями разных философов» [ФЛБЧ, цз. ся, с. 209в].

«Жизнеописание Фа-линя» было составлено почти на шесть веков позже указанной даты, и об этом диспуте больше нигде не упоминается. Видимо, можно не сомневаться, что даос с таким именем жил действительно и что какая-то реакция даосов должна была иметь место, когда буддизм появился в Китае. Но само число участвовавших в диспуте и названное количество взятых ими с собою книг не могут соответствовать действительности, это все, несомненно, позднейшие добавки, в которых даосы пытались доказать свое первородство по сравнению с буддистами. Для этого и понадобилось упоминание якобы существовавшего тогда даосского канона из 37 сочинений. В пользу апокрифичности сведений, приводимых в легенде, говорит тот факт, что в составе даосского канона названы сочинения «разных философов». Как мы увидим далее, эта практика была в ходу позднее, когда даосы активно принялись за комплектование своего канона.

Первые подлинно надежные сведения о выделении даосских сочинений в особый класс мы находим в *Баопу-цзы*, произведении известного философа и писателя Гэ Хуна (284—363), написанном им не позднее 317 г.¹²⁴ В цз. 19 «Внутренней части» (*Нэй пян*), в главе «Обзорение отдаленного» (*Ся лань*), Гэ Хун повествует о своем обучении под руководством мудрого наставника Чжэна (т. е. Чжэн Иня, следы которого теряются после 302 г.). Освоив сначала обычные книги конфуцианской образованности, Гэ Хун приступил далее к изучению сокровенных книг собственно даосской традиции. Он перечисляет прочитанные им даосские книги, по его словам, «желая помочь любящим [истинный] Путь узнать списочный состав [этих] необыденных книг» [ЧЦЦЧ, т. 8, с. 98]. Более подробно сказано в другом месте: «Только я один увидел и воспринял книги-основы о „золоте и киновари“ (древнекитайское название для алхимии. — Л. М.), а также внутренние (т. е. потайные. — Л. М.) тексты трех [древних] владык (считающихся основателями медицины. — Л. М.) и еще „Записи о пяти элементах, хранимые в

¹²⁴ Тратат *Баопу-цзы* имеется во многих изданиях. Мы использовали издание [ЧЦЦЧ, т. 8, с. 94—98].

изголовье". Среди людей встречаются такие, у кого не было возможности увидеть даже заголовки этих книг. Прочие книги пусть я достал не все, но тоже включаю их названия [в эту опись], чтобы поведать о них потомкам. Любители книг из поздних поколений смогут по [этой описи] разыскивать [их] повсюду» [ЧЦЦЧ, т. 8, с. 95].

Всего в *Баопу-цзы* перечислено 305 названий сочинений в 668 цзюанях. Ни одно из этих произведений не включалось никогда ни в число официально одобряемых текстов основных собраний императорских библиотек — все равно, семичастной или четырехчастной классификации, ни в состав сочинений буддийского канона. Сам Гэ Хун называет их «необыденными книгами» (*и шу*, возможен перевод: «странные книги», «книги, отличные [от повсеместно распространенных]»), тем самым подчеркивая, что это совершенно иной класс текстов, чем все, с которыми имеют дело обычно. Ни один из философов раздела *цзы* в перечень *Баопу-цзы* также не включен. Этот факт ясно свидетельствует, что приведенная в «Жизнеописании Фа-линя» легенда о якобы собранных даосами в целях дискуссии с буддистами книгах есть плод позднейшего творчества.

В *Баопу-цзы* перечислен целый ряд сочинений, носящих номенклатурные названия *цзин* («канон, основа»), *цзи* («записи, выписки»), *вэнь* («текст, сочинение»). Какая разница между ними, в точности сказать трудно, но по более широкой общекитайской практике *цзин* означает собрание высказываний или описание деятельности того или иного основоположника учения, *цзи* представляет собой собрание сведений по какому-либо узкому вопросу, а *вэнь* — это теоретические трактаты изящной формы. Четче отделяются другие виды даосской литературы: *ту* («таблицы, схемы, карты»), *фа* («правила, рецепты»), *фу* («заклинания»). Каждый из этих видов имел свою строгую функцию: *ту* употреблялись для гаданий и других определений магического и практического плана, *фа* регулировали обряды, общение с духами, порядок изготовления снадобий, *фу* оберегали людей, их жилища, их дела от вредного воздействия злых духов. О содержании перечисленных Гэ Хуном сочинений можно судить по их заглавиям, вроде: «*Цзин* о том, как Ван Цяо воспитанием [природной] сущности излечивал себя» (*Ван Цяо ян син чжи шэнь цзин*), «*Вэнь* о Небе» (*Тянь вэнь*), «*Записи (цзи)* о пении журавлей» (*Хэ мин цзи*), «*Цзин* о сосуде с киноварью» (*Дань ху цзин*) и т. п.¹²⁵.

¹²⁵ Яо Мин-да считает, что номенклатурные названия сочинений (*цзин*, *цзи*, *ту*, *вэнь* и т. п.) представляют собой начальную классификацию даос-

Все сочинения на поверку оказываются связанными с алхимией, магией, астрологией, геомантикой, которые в те времена включали в себя также и познания по естественным наукам: астрономии, метеорологии, календарю, медицине. Таким образом, уже в перечне Гэ Хуна даосизм выступает в той функции, которая в полной мере оформилась много позднее: как компендиум сведений об окружающей человека среде и способов взаимодействия с ней и воздействия на нее, предписываемых человеку. Опись Гэ Хуна составлена на основе частной даосской рукописной библиотеки. Он сообщает имя человека, собиравшего рукописи даосских книг, — это его учитель Чжэн Инь. У нас нет более ранних достоверных данных о даосских книгах.

Последовавшие за описью Гэ Хуна каталоги даосских сочинений показывают характерную картину эволюции рукописных библиотек по даосизму. Каталог Сюй Юй-чжи 435 г.¹²⁶ под названием «Перечень книг по изначальной связи [из скита] Шанцин» (*Шанцин юаньтун цзин му*) до нашего времени не дошел. Мы не знаем ни объема, ни точного содержания этого каталога. Для нас важно все же, что это список коллекции рукописей даосского содержания периферийной даосской обители, располагавшейся на горе Лунхушань в нынешнем уезде Гуйцзи провинции Цзянси, вдали от столичных центров образованности.

В том же столетии жил другой деятель даосизма, Лу Сю-цин (406—477), построивший по примеру двух других прославленных людей — поэта Тао Цяня (Тао Юань-мина) и буддийского отшельника Хуэй-юаня — обитель в горах Лунхушань в современном уезде Синцзы провинции Цзянси), одним из наиболее известных центров даосизма и буддизма¹²⁷. Лу Сю-цин в 473 г. составил «Каталог книг [обители] Линбао» (*Линбао шуму*), включавший (по некоторым более поздним данным) 6800 цзюаней¹²⁸. После того как Лу Сю-

ских книг (см. [Яо Мин-да, 1938, с. 313]). С этим можно согласиться, однако не следует забывать, что сам Гэ Хун отграничивает от других сочинений только заклинания — *фу*. Что же касается прочих, то он перечисляет их попеременно, скорее в порядке ознакомления с ними, чем в целях какой-то классификации.

¹²⁶ Биографические сведения о Сюй Юй-чжи находим в даосской энциклопедии *Юнь цзи цзюань* [ЮЦЦЦ, изд. 4]. В жизнеописании говорится, что он жил отшельником вдали от суеты мира. В 472 г. обстоятельства вынудили его приехать в столицу, а в 473 г. он столицу уже покинул.

¹²⁷ О деятельности Лу Сю-цина см. [ЮЦЦЦ, изд. 4; ТПЮЛ, изд. 667, с. 2978]. Известно также, что в 465—471 гг. он был представлен ко двору и нес придворную службу.

¹²⁸ Поздняя стела, опубликованная в БКЦБ [ЦШЦЧ, т. 1601—1605], в сочинении Чэнь Сы, завершаемом в 1229 г., приводит другую цифру:

цзин служил при императорском дворе — причем нет сомнения, что он был там в качестве знатока даосской библиографии, — даосские книги становятся частью императорской библиотеки. Сначала они, как мы видели из характеристики «Семи перечней» Ван Цзяня 473 г., в основное собрание, как и буддийские, не входили. Потом, в начале VI в., рукописи даосских и буддийских текстов составили шестой и седьмой отделы некоторых частных хранилищ — это явствует из сохранившихся данных о каталоге Жуань Сяо-сюя «Семь сведений» 20-х годов VI в.¹²⁹

В упоминавшемся уже «Жизнеописании Фа-линя» [ФЛБЧ, цз. ся, с. 209в] сообщается, что Лу Сю-цзин, отвечая в 477 г. императору на его вопросы о даосских сочинениях, говорил: «Основные книги даосов вместе с рецептами лекарств, заклинаниями и схемами в целом составляют [в императорском собрании] 1228 цзюаней, из них 1090 цзюаней известны в мире, а 138 цзюаней сокрыты в Небесных (императорских) дворцах». Мы по этим словам можем рассудить, что, хотя объем даосской литературы значительно возрос, содержание включаемых в нее сочинений не изменилось по сравнению с тем, о котором известно от Гэ Хуна. Из этого сообщения ясно, что Лу Сю-цзин знал даосскую литературу в большем объеме, чем нашел в императорской коллекции, — видимо, по собраниям обители горы Лушань.

Больше мы ничего не знаем о содержании коллекций даосских рукописей этого периода, так как все каталоги периода Лю-чао после Гэ Хуна утеряны, а наличные сведения сводятся к простым упоминаниям названий и авторов каталогов.

Новый этап в развитии даосского канона начинается в 60-е годы VI в., когда придворные даосы составили новый каталог даосских книг, хранившихся в даосской обители Сюаньдугуань в Чанъани¹³⁰. Хотя он, как и все прочие, не сохранился, но вызвал полемику, продолжавшуюся чуть ли не столетие, по которой можно составить достаточно точное представление о том, какие тенденции были при сложении даосских рукописных библиотек. Не позднее 570 г. «Каталог всех книг обители Сюаньдугуань» (*Сюаньдугуань ище цзин*

18 000 цзюаней. Это, как можно думать, сильное преувеличение. См. об этом также в кн. [Флуг, 1930, с. 240—241].

¹²⁹ Напомним, что о двух последних каталогах сказано в «Истории Суй» [СШ, цз. 32, с. 292а].

¹³⁰ Обитель Сюаньдугуань в VI—VII вв. была хранилищем даосских рукописей. Располагалась в квартале Чунъефан в западной части «левых улиц» столицы [Хироака, 1957, карта 2].

мулу) был представлен на высочайшее обозрение, и тогда же известный ученый Чжэнь Луань¹³¹ написал свое «Рассуждение, высмеивающее даосов» (*Сяо дао лунь*). Согласно этому «Рассуждению», авторы «Каталога книг Сюаньдугуань» включили в него 6363 цзюани рукописных книг, для которых потребовалось 40 054 листа бумаги. Но интереснее для нас не объем, а содержание и подразделения этого рукописного хранилища.

В каталоге обители Сюаньдугуань книги уже имели строгую классификацию. Они делились на даосскую классику, или «основы» (*дао цзин*); сочинения по истории даосизма (*чжуаньцзи*); гадательные и магические тексты и схемы (*футу*); трактаты (*лунь*). Сверх этих четырех основных подразделений (что, как мы знаем, в китайской библиотечной практике означало одновременно храниТЕЛЬСКИЕ отделы), в каталоге еще были учтены документальные записи (*цзашу*) и философы (*чжуцзы*). Чжэнь Луань оговаривает, что не все указанные в каталоге названия сочинений реально имелись в наличии в хранилищах рукописей названной обители. В значительной степени сведения были извлечены из прежних каталогов, прежде всего из описи Лу Сю-цзина. Объем собственно библиотеки оказывается меньшим, чем в обители горы Лушань столетием раньше, но зато авторы каталога попытались по прежним перечням выявить лакуны, и их труд стал самым полным сводом данных по даосским сочинениям того времени. Видимо, по этой причине каталог еще долго оставался действенным и вызывал интерес у специалистов по рукописям еще в VII в. После установления в 589 г. династии Суй труд даосов обители Сюаньдугуань был представлен на обозрение государю. Однако собрать даосскую библиотеку суйским императорам, как можно думать, так и не удалось из-за новых смут, охвативших страну и в 618 г. приведших к установлению династии Тан.

«Каталог обители Сюаньдугуань» сразу после своего составления подвергся резкой критике в упоминавшемся выше «Рассуждении, высмеивающем даосов» Чжэнь Луаня. Этот последний считал, что принципы составления рукописной библиотеки обители вносят только путаницу. На каком основании, например, в каталог внесены философы? «Разве

¹³¹ Чжэнь Луань, астролог и математик, одно время правитель области Ханьчжун, служил при дворе Северной Чжоу в 60—70-е годы VI в. Свое «Рассуждение, высмеивающее даосов» представил трону 7 марта 570 г. Текст см. [ГХМЦ, изд. 9, с. 143в—152в; *Цюань Хоу Чжоу вэнь*, изд. 20.—ЦШСЦХСЛВ, с. 3978—3988 (там же биографическая справка)]. О его трудах по математике см. [Березкина, 1980, с. 55—62].

же последователи [таких философов, как] Хань [Фэй] цзы, Мэн цзы, Хуайнань-[цзы], все писали на даосские темы?» — вопрошает он. Если помещать в даосский свод рецепты достижения долголетия и бессмертия, алхимические сочинения, рецепты лекарств и заклинания, гадательные книги и труды по астрологии и геомантике, «то непонятно, по каким причинам не включены в число даосских книг [древнейшие гадательные своды] „Ляньшань” и „Гуйцзан”, [сочинения естественнонаучного и оккультного порядка] „Лес перемен” (*И линь*), „Великое сокровение” (*Тай сюань*), [медицинский свод] „Золотой сундук Хуан-ди” (*Хуан-ди цзинь гуй*)?»». В целом, полагает Чжэнь Луань, из общего числа включенных в каталог текстов «по рассуждению следует оставить лишь 2040» [ТСД, LII, с. 1526---в].

Вновь о каталоге вспомнили в 627 г., когда танский государь захотел восполнить библиотеку императорских дворцов в Чанъани, где даосская часть отсутствовала. Известный уже нам буддийский деятель Фа-линь подал на высочайшее имя «Рассуждение о правильном в спорах» (*Бянь чжэн лунь*)¹³², где оценивал отрицательно все тот же «Каталог обители Сюаньдугуань». Наиболее подробно мнение Фа-линя изложено кроме самого «Рассуждения» в его жизнеописании [ФЛБЧ, цз. ся, с. 2096—в], в котором зафиксированы его беседы с императором, так сказать, на библиотечные темы. Он признает подлинными только немногие труды даосов, такие, как *Дао-дэ цзин* Ли Даня (т. е. Лао-цзы), *Дунсюань цзин* Ван Бао (I в. до н. э.), *Линбао цзин* одного из основателей («небесных наставников») позднего даосизма — Чжан Лина (II в.), *Шанцин цзин* Гэ Сяо-сяня (т. е. Гэ Сюаня, жившего на рубеже II и III вв., двоюродного деда знаменитого философа Гэ Хуна) и некоторые другие. Однако потом, во время гонений на буддизм и даосизм при императоре У-ди (561—578) династии Поздняя Чжоу, четверо деятелей даосизма, а именно Чжан Бинь, Цзяо Цзы-шунь, Ма И и Ли Юнь, собрав в монастыре Шоучжэньсы в Хуачжоу (куда Чжан Бинь был назначен правителем) рукописи буддийских сутр, переделывали их в даосские сочинения. Отсюда, мол, и пошло обилие произведений, включенных теперь в даосский канон и упомянутый каталог. При них работал мастер («переплетчик») Со Цзяо, оформлявший рукописи в виде свитков. И только благодаря разоблачениям Чжэнь Луаня подделки не получили широкого хождения.

¹³² Сочинение Фа-линя помещено в Трипитаке дважды: в пространном виде [БЧЛ. — ТСД, LII, № 2110] и в краткой редакции [ГХМЦ, цз. 13, с. 175в—187б].

В назидание Фа-линь рассказывает — думается, не без скрытого умысла, — что некоторые из занимавшихся такого рода подделками подверглись суровым наказаниям. Так, в 520 г. император Мин-ди (516—528) все той же династии Поздняя Чжоу призвал ко двору для проведения диспута перед высочайшей персоной даоса Цзян Биня и буддийского монаха Тань Мо-цзюя. Комиссия ученых-экспертов во главе с известными литераторами Вэнь Цзы-шэном (495—547) и Сяо Цзуном (480—528) уличила злополучного Цзян Биня в неверном цитировании используемых им в диспуте сочинений и текстовых подлогах. Он был казнен по повелению императора как лицо, «вводящее публику в заблуждение»¹³³. Другой случай произошел в 616 г., в конце правления династии Суй. В Чанъани, в обители Утунгуань, жил даос Фу Хуэй-сян, переделавший известную «Нирвана-сутру» (*Непань цзин*) в даосское ее подобие — «Книгу о вечном покое» (*Чан ань цзин*). Подделка была обнаружена, чиновник из императорской свиты Вэнь Шэн доложил о ней государю, и Фу Хуэй-сян тоже был казнен.

Все эти данные убедительно иллюстрируют пути собирания рукописных текстов, установления их принадлежности и соответственно определения, в каком из книгохранилищ они должны содержаться, а также важность, которую придавали вопросу о подлинности текстов при собирании библиотек. Немалую роль, как можно видеть, в классификации текстов и их определении играли ученые и литераторы. А если вспомнить, что именно для этой категории людей в дворцовых книгохранилищах были организованы читальные залы, то мы сможем установить еще одну функцию указанных читален: точное определение, что представляют собой те или иные рукописи, какие в них переписаны тексты, в какую классификационную рубрику они входят и в каком отделе должны, следовательно, храниться. Тот факт, что за подделки и присвоение текстов, а значит, за нарушение установленной классификации и тем самым «введение публики в заблуждение» полагались суровые наказания вплоть до смерт-

¹³³ В организованном по указу споре между представителями двух учений, где председателем, выносящим окончательное решение, является император, а экспертами выступает целая комиссия эрудированных конфуцианских ученых, нельзя не видеть зачатки постоянного дискуссионного совета трех учений (*сань цзяо лунь*), учрежденного в начальные десятилетия правления династии Тан. Об этом институте мы писали в работе «Бяньвэнь по Лотосовой сутре» [Бяньвэнь, 1984]. Подлинность происхождения с Цзян Бинем подтверждается другими независимыми источниками, в частности «Сунскими жизнеописаниями достойных монахов» [СГСЧ, цз. 29, с. 889б].

ной казни, показывает, сколь важное идейное и даже государственное значение придавали участники подобных обсуждений и инцидентов правильному определению принадлежности того или иного сочинения.

Вполне понятны также протесты против включения в даосский канон китайских классических философских сочинений, таких, как *Хань Фэй цзы*, *Мо цзы*, *Мэн цзы*¹³⁴ и др.: они давно уже вошли в раздел «Философы» (*Чжуцзы*) основного собрания. Даосы по справедливости отобрали в свой канон сочинение Лао цзы *Дао-дэ цзин*, *Чжуан цзы* и некоторые другие, но при этом прихватили и труды философов, прямого отношения к развитию даосской доктрины не имеющие.

После «Каталога всех книг обители Сюаньдугуань» по разным поводам были составлены и другие сводные каталоги даосских книг или же описи отдельных хранилищ даосских рукописей. В третьей четверти VII в. «Каталог книг яшмового утка» (*Юй-вэй цзин му*) составил Инь Вэнь-цао (ум. в 688 г.), число свитков, указанных в каталоге, 7300¹³⁵. В конце VII или начале VIII в. три автора, Цуй Чжи (670—712), Сюэ Цзи (649—713) и Шэнь Цюань-ци (ум. ок. 713 г.), составили огромный по объему «Каталог даосского канона с комментариями» (*Дао-цзан инь-и мулу*) в 113 цзюанях. Несколько позже У Цзюнь, известный уже нам по каталогу императорской библиотеки 721 г., завершил еще одну свою библиографическую работу — «Опись [даосских] книг внутренних и внешних [хранилищ] годов Кай-юань» (*Кай-юань нэй-вай цзин лу*) в 10 цзюанях. Как и другим рукописным библиотекам, даосским собраниям был нанесен огромный ущерб во время мятежа Ань Лу-шаня и особенно во время восстания Хуан Чао. Потом некто Шэньинь-цзы в конце IX в. собрал оставшиеся

¹³⁴ *Мэн цзы* в это время еще не входил в конфуцианский канон («Основы» *Цзин*), а включался в другой из четырех отделов — «Философы» (*Цзы*, или *Чжуцзы*). Поэтому заимствование этого философского сочинения древности наряду с другими для включения в состав даосского канона было хотя и не вполне достойным, но все же не криминальным актом. Впоследствии это стало невозможным — и в самом деле, в нынешнем своде даосского канона *Дао цзан* среди других философов мы *Мэн цзы* уже не находим.

¹³⁵ Динамика объема хранения даосских рукописей видна из того, что в каталоге «Перечень книг яшмовой сети» (*Цюн-ван цзин му*), составленном на полвека позже лично императором Сюань-цзуном, числилось 5700 цзюаней. Однако ко времени императора Вэнь-цзуна (827—840) вследствие разного рода неурядиц число свитков стало меньше, чем при Сюань-цзуне (не говоря уже о каталоге Инь Вэнь-цао). Согласно докладу, поданному императору в 828 г., во дворце Тайцингун в этот год числилось 5300 цзюаней даосских рукописей (см. [Флуг, 1930, с. 241; Яо Мин-да, 1938, с. 319]).

даосские рукописи и составил «Каталог книг [хранилища] Саньдун» (*Саньдун цзин мулу*). Его перечень, как и все названные выше, до нашего времени не дошел. Мы не можем даже приблизительно восстановить состав указанных каталогов, так как в нашем распоряжении нет никаких конкретных данных, в том числе и высказываний, подобных трактатам Чжэнь Луаня и Фа-линя. По отсутствию критики возможно только предположение, что споры вокруг состава даосского канона в танский период улеглись.

И тем не менее по источникам выясняются некоторые стороны формирования даосских рукописных собраний. Прежде всего важным представляется тот факт, что основные собрания даосских рукописей находились вне императорских дворцов, в отдаленных даосских обителях: в горах Лушань, в горах Тяньтай (в нынешней провинции Чжэцзян), прославленных как место уединения не менее, чем Лушань, и многих других. Мы даже знаем имена собирателей и хранителей рукописей в двух названных обителях: неоднократно упоминавшийся Лу Сю-цзин в первой из них (V в.) и Мэн Сюань-юэ (ум. после 985 г.) во второй, в ее даосском скиту Тунбогуань¹³⁶. Собрание Тунбогуани в 895 г. было востребовано сунским императором Тай-цзуном (976—997) в Кайфэн, столицу государства Сун, для снятия копий с хранившихся там рукописей (после чего возвращено по принадлежности). Видимо, с этих копий и было отпечатано первое издание даосского канона, рукопись которого была представлена на высочайшее рассмотрение и утверждена в 1019 г. На основании этого же собрания в 1015 г. Ся Сун (984—1050) составил последний из известных нам каталогов рукописного даосского канона (последующие отражали печатные издания того же свода) под названием «Записи о книгах восстановленного даосского канона» (*Чун цзянь Дао-цзан цзин цзи*)¹³⁷. Об объеме даосских рукописных хранилищ мы можем судить по утерянному ныне каталогу 50-х годов X в. Ван Яня «Перечень книг Жемчужного мешка» (*Чжу-нан цзин му*), в кото-

¹³⁶ Любопытна история этого скита. Он был основан в 711 г. по указу императора Жуй-цзуна для даоса-отшельника Сыма Чэн-чжэня. В середине X в. правитель государства У-Юэ (в нынешнем Чжэцзяне) Цянь Чу (929—988, правил в 947—978 гг.) восстановил пришедший в запустение скит и поселил в нем даоса Чжу Сяо-вая, который начал сбор даосской библиотеки. Для нее в 952 г. было построено специальное хранилище. Мэн Сюань-юэ ведал библиотекой примерно с 960 г. [Флуг, 1930, с. 242—245].

¹³⁷ Входит в состав анонимного географического труда XIV в. «Сведения о горе Тяньтай» (*Тяньтайшань чжи*). Об этом сочинении, вошедшем в канон, см. [Хун Хуань-чунь, 1958, с. 322].

ром, по сохранившимся сведениям, было учтено в целом 8030 цзюаней [Флуг, 1930, с. 242].

По изложенному выше можно заключить, что из всех видов рукописных книжных собраний даосские были наиболее независимы от центральной власти. Среди собраний даосских рукописей ведущее место в течение всего рассматриваемого периода принадлежало не императорским или даже просто столичным библиотекам, но книгохранилищам различных монастырей, лишь косвенно контролировавшихся центральной властью. Что же до императорских библиотек, то они постоянно пользовались плодами собирательской деятельности даосских отшельников, живших в этих монастырях, как с целью восполнения лакун в своих книгохранилищах, так и с целью каталогизирования и учета наличных текстов.

Видимо, этим объясняется, почему, несмотря на жесткую критику, которой подвергались неоднократно даосские каталоги со стороны придворных библиографов, даосский канон до нынешнего времени сохранил в целом тот состав, который наметился еще в VI в. Правда, из раздела, включавшего сочинения древнекитайских философов, пришлось исключить *Мэн цзы*. Иначе было нельзя: этот философ был официально введен в число конфуцианских классиков. Зато почти все другие философы, включая *Хань Фэй цзы*, *Мо цзы* и многих других, и сейчас фигурируют в своде даосских сочинений.

Можно думать, что сложность и кажущаяся неоправданность классификации даосского канона объясняется тем же самым обстоятельством. Она складывалась не по отделам императорского книгохранилища, а по книгохранилищам различных областей. В даосской традиции основания для существующей классификации излагаются в сильно мифологизированном виде. В предисловии к даосскому канону (*Дао-цзан*), озаглавленному «Истоки учения о Пути» (*Дао-цзю цзунъюань*), говорится, что имеются три «обители» — небесная, земная и мира людей, — в которых управляют три «повелителя» (*цзюнь*)¹³⁸. Из этих «повелителей» каждый изложил сочинения, подразделяющиеся на двенадцать рубрик, одинаковых в трех «обителях»: книги-основы (*цзин*), заклинания духов, гадания по яшмам, схемы, перечни, устав, ритуал, снадобья, магия, исторические материалы, гимны, документы. Таким образом сложились три больших отдела

¹³⁸ См. [Дао цзан иньдэ, 1935, с. VII]. Мы не приводим здесь всех сложных для понимания и истолкования названий обителей и имен повелителей, каждое из которых имеет к тому же ряд вариантов, ограничиваясь лишь сведениями, необходимыми для нашего изложения.

(бу), или три «повозки» (чэн), параллельные (но не совпадающие) по содержанию. Три других отдела представляют собой как бы «прицепы» (фу) к соответствующим «повозкам», и включены в них сочинения, по содержанию связанные с сочинениями основных «повозок». Наконец, седьмой, «объединяющий» (чжэн и) отдел является собранием сочинений, излагающих учение в целом. Сюда-то и включены тексты, в обычной классификации входящие в отдел «Философы» (Цзы).

Распределение произведений по трем основным разделам, как можно думать, лишь в более поздние времена, чем рассматриваемый период, стало объясняться тем, что это — сказанное одним из трех «повелителей». На самом деле, по-видимому, первоначально были три не связанные между собой библиотеки в трех основных центрах даосизма: в горах Утай (в центральной части нынешней провинции Шаньси), Лушань и Тяньтай. А поскольку покровителем каждого отдельного центра считался один из мифических «повелителей», то им, при принципиальной анонимности «тайных» даосских сочинений, было приписано авторство текстов в патронированных ими библиотеках. Императорский двор, собирая даосские рукописи, как мы видели, брал для снятия копий сразу целые собрания той или иной обители, сохраняя в своей классификации принадлежность к библиотеке монастыря, предоставившего для переписки свои тексты. А потом и при издании даосского канона это изначальное соотношение с рукописными собраниями монастырей было сохранено.

К характеристике даосских рукописных собраний некоторые важные сведения добавляют данные дуньхуанских рукописей. Из них мы узнаем прежде всего, где, кто и когда переписывал или заказывал переписку даосских сочинений. Так, в двух рукописях (Р. 3233 и Р. 2444)¹³⁹, являющихся разными цзюанями одного и того же сочинения (соответственно первая и седьмая), приписки гласят:

«В первый год Линь-дэ, в седьмую луну, 21-й день (10 августа 664 г.) по повелению [императора] ради [рождения] наследника трона в обители Линьингуань¹⁴⁰ переписано.

Первую сверку [произвел] даос Ли Лань.

¹³⁹ В подробной и очень полной публикации рукописей даосского канона из Дуньхуана, осуществленной проф. Обути Ниндзи [Обути, 1978; Обути, 1979], мы находим воспроизведение факсимиле и исчерпывающее описание всех выявленных рукописей этого класса. Хотя есть и другие публикации, они после выхода названных двух томов для даосских текстов значение потеряли. Две обозначенные рукописи см. [Обути, 1978, с. 251, 273; Обути, 1979, с. 524, 548].

¹⁴⁰ Даосская обитель Линьингуань в Чанъани находилась южнее во-

Вторую сверку [произвел] даос Янь Чжи.

Третью сверку [произвел] даос Ван Гань¹⁴¹.

Специальный [императорский] комиссар, правый неотступно следующий телохранитель (*чунъе вэй*) *цаньцзюнь* из войскового приказа Цай Чун-цзе.

[Императорский] комиссар, сановник, ведающий пограничными областями (*сы-фань дайфу*), Ли Вэнь-цзянь¹⁴².

Из этого документа видно, во-первых, что при даосских обителях были свои скриптории, где переписывались рукописи по той же форме, что и рукописи буддийские: трехкратная сверка и специально прикомандированные наблюдатели («комиссары» *ши*) для рукописей императорских заказов. Также достоин внимания тот факт, что в даосские обители были сделаны вложения для того, чтобы «стимулировать» перепиской рукописей появление на свет наследника трона. Известно, что у императора Гао-цзуна (650—683) долго не было наследника. Поскольку вопросами судьбы и общения с силами, ведающими движением судеб, занимались даосы, естественно обращение императора к даосам для разрешения возникшего затруднения. Видимо, переписка рукописей «подействовала», и в 666 г. родился будущий император Чжун-цзун (на троне в 684 г., а потом повторно в 705—709 гг.), в связи с чем девиз годов правления был торжественно изменен на Цянь-фэн («Небесное пожалование»).

Есть сведения о наличии центров по переписке даосских рукописей и в периферийном районе Дуньхуана. Так, в колофонах копий сочинения «Книга о судьбе, которой Наивысочайший воздает за дела» (*Тайшан е-бао иньюань цзин*)¹⁴³ сказано:

«[Под девизом] Тянь-бао, в двенадцатый год (753 г.), в

сточной половины императорского города, в квартале Юнчунфан [Хирока, 1957, с. 35].

¹⁴¹ В рукописи Р. 2444 вместо двух последних имен стоят: даос Фу Янь и даос Фэн Цюань.

¹⁴² Среди упомянутых имен Ли Вэнь-цзянь встречается на страницах истории династии Тан как одно из лиц, ведавших отношениями с пограничными племенами *туцзюэ* (*тукюэ*), см. [СТШ, из. 215, с. 16286]. Должность *сы-фань дайфу* была введена незадолго до переписки означенных рукописей в 661 г.

¹⁴³ Всего в сочинении по дуньхуанским рукописям 8 цзюаней, из них приписки имеются на рукописях цзюаней 2 и 8. На первой (Р. 2257) конец переписки обозначен «пятой луной», на последней (коллекция Ямамото Тэйдзиро в Японии) — «шестой луной» (см. [Обути, 1979, с. 170, 615], откуда видно, что за месяц было переписано шесть свитков. Сличение по публикации факсимиле в труде Обути Ниндзи не оставляет никаких сомнений в идентичности почерков, хотя имя переписчика в самих колофонах и не названо.

пятую луну, в [такой-то] день обитель Байхэгуань почтительно приняла и переписала в честь императора».

Если вспомнить, что в 753 г. исполнилось сорок лет со дня официального вступления на трон императора Сюань-цзуна, то можно понять, что переписка была заказана (по-видимому, властями Дуньхуана) к этому важному государственному событию. Но бывали пожертвования на переписку и по менее значительным поводам. Колофон рукописи Р. 2602, повторенный в двух других рукописях (Р. 2861 и S. 5382) без каких-либо вариаций (см. [Обути, 1978, с. 337; Обути, 1979, с. 752, 761, 764], рукописи представляют собой разные цзюани одного и того же сочинения), гласит:

«[Под девизом] Кай-юань, в шестой год, вторую луну, восьмой день (14 марта 718 г.) даос из обители Шэньцзюань-гуань в уезде Дуньхуан округа Шачжоу Ма Чу-ю и с ним племянник Ма Бао-и вручили пожертвование и заказали переписку этой книги ради семи поколений усопших предков, родивших отца и матери, а также всех живущих, [пребывающих] в законе».

Можно было бы привести и другие колофоны, но и этих достаточно для демонстрации того факта, что при всей кажущейся независимости даосского книжного дела, независимости несравненно большей, чем в случае с книжным делом буддийским, переписке и здесь придавалось высокое значение — и часто в масштабе государственном.

IV. ИЗОБРЕТЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Мы рассмотрели историю рукописных библиотек в Китае в I тысячелетии н. э. В начале этого периода стоит великое изобретение, давшее человечеству бумагу — дешевый, удобный, практичный материал для письма, позволивший рукописи выйти за пределы только дворцовых собраний. Мы видели, как образовывались частные и монастырские, местные и центральные императорские библиотеки рукописных книг, как они пополнялись и как, казалось бы, навеки утраченные тексты вновь оказывались в императорских собраниях, переписанные с рукописей частных, монастырских и периферийных коллекций.

На протяжении всего периода можно наблюдать, как увеличивается число рукописей в библиотеках всех типов. Объем рукописных собраний непрерывно возрастает по двум причинам. Во-первых, с каждым веком все больше становится

пишущих людей и соответственно созданных ими текстов. Во-вторых, растет число читающих, а это заставляет переписывать рукописи не в одной, а во многих копиях — так было, к примеру, в читальных залах императорских библиотек, удовлетворявших запросы придворных ученых и чиновников.

В то же время возрастает и число центров, где ведется переписка рукописей. Многообразнее становятся цели переписки. Обо всем этом мы можем судить на основании данных как нарративных источников, так и документальных приписок в рукописях из Дуньхуана.

Не останавливаясь подробно на характеристике центров переписки, упоминания которых в источниках весьма многочисленны¹⁴⁴, отметим только данные, указывающие на интенсификацию и расширение писцового дела. Скажем, в буддийской энциклопедии «Лес жемчугов сада закона» (*Фаюань чжу-линь*), составленной Дао-ши (ум. в 683 г.)¹⁴⁵, имеется такая запись:

«При Суй в округе Фучжоу (в центральной части провинции Шэньси.— Л. М.) шрамана монастыря Баошиси Фа-цзан соблюдал чистоту обетов, по нраву был прост и прям. В тринадцатом году Кай-хуан (593 г.) в городе Вэй-чуаньчэн уезда Лоцзяо основал монастырь: зала Будды утонченная, кельи монахов изукрашенные, святые образа узорчатые, все было в достатке. Но к пятому году Да-е (609 г.) был приказ: объединив обители, отослать все [имущество] в главную обитель округа [Фу]чжоу, а все, что полагалось, учитель [Фа]-цзан восстановил и поместил в [специально] построенное помещение. И еще [Фа-цзан] составлял [свод] всех без исключения сутр, переписал 800 цзюаней. Но опасался, что в данном округе нет хороших мастеров, кистей и бумаги, и потому отправился писать в столичный город, в бывшую [там] прежде обитель Айюэсы» [ФЮЦЛ, цз. 18, с. 420б].

Таким образом, уже при династии Суй (Фа-цзан заболел и умер в 611 г.) не только в столице, но и в периферийных монастырях предпринимались усилия для переписки рукописей, долженствовавших составить полный список буддийского канона. Правда, видно, что даже в главном монастыре

¹⁴⁴ Даже в относительно немногочисленных материалах, приведенных Ян Гун-цзи в его книге о дуньхуанской престоной литературе [Ян Гун-цзи, 1962, с. 204—206], называются не только столичные (Цзянь, Чанъань), но и провинциальные, уездные скриптории, государственные и частные.

¹⁴⁵ Биографию Дао-ши см. [СГСЧ, цз. 4, с. 726в—727а]. Его энциклопедия входит в ТСД (LIII, № 2122).

сравнительно близкого к центру округа Фучжоу (в средней части нынешней провинции Шэньси) для переписки не хватало ни кистей, ни бумаги, ни мастеров. Но переписка все же продолжалась. Бывало, что то или иное произведение (в целях ли распространения среди верующих или для создания читален типа столичных дворцовых) переписывалось в нескольких экземплярах. Так, в «Записях изысканий по Сутре цветка лотоса» (*Фа-хуа цзин чиянь цзи*, автор конца XVII или начала XVIII в. Чжоу Кэ-фу), где собраны тексты из древних сочинений, связанные с историей «Лотосовой сутры», говорится:

«Ши Фа-чэн, [монах] из обители Учжэньсы в горах Чжуншань ¹⁴⁶ <...> повелел мастеру переписать восемь экземпляров „Праджни“» (цит. по [Ян Гун-цзи, 1962, с. 205]).

Речь здесь идет, конечно, не о «Сутре о великой праджня-парамите» (*Да божо боломидо цзин*, в 600 цзюанях), переведенной Сюань-цзаном в начале 60-х годов того же века, но об одной из кратких редакций той же сутры, скорее всего о редакции в 30 цзюаней (*Мохэ божо боломи цзин*), переведенной в V в. Кумарадживой. Но все равно это обширный текст, а вся переписка составила 240 цзюаней.

Можно было бы привести и другие сведения из нарративных источников, но наиболее многочисленные (и главное — достоверные) данные мы извлекаем из колофонов рукописей дунхуанских фондов. Вот некоторые из них. К первой половине VII в. (начало династии Тан) относится серия рукописей «Лотосовой сутры», заказанных неким Сяо Да-янем, «учеником, принявшим обеты бодхисаттвы» (*пуса-цзе дицзы*). На этих рукописях мы обнаруживаем следующие колофоны:

«Ученик, принявший обеты бодхисаттвы, Сяо Да-янь почтительно заказал 898-й экземпляр» (S. 3661, «Лотосовая сутра», цз. 3).

«Ученик, принявший обеты бодхисаттвы, Сяо Да-янь почтительно заказал 879-й экземпляр» (Ф. 57, та же сутра, цз. 4).

«Ученик, принявший обеты бодхисаттвы, Сяо Да-янь почтительно заказал 889-й экземпляр (S. 3384, та же сутра и цзюань).

«1784-й экземпляр, 10 374 слова» (Юй 77, цз. 6 той же сутры).

Мы не знаем, кто такой Сяо Да-янь, имя это в известных

¹⁴⁶ Обитель Учжэньсы в горах Чжуншань (в южной части Шэньси: у границы с Сычуанью) основана в конце VI в. и была резиденцией многих видных деятелей китайского буддизма. В ней, построив для себя скит, поселился в 627 г. и Фа-чэн (563—640). См. [Сюй ГСЧ, цз. 28, с. 688].

нам источниках более не встретилось. Но можем быть уверены в том, что рукописи переписаны в столице: бумага отменного качества, тонкая, густо-желтая, с гладкой поверхностью, почерк искусный, графление тонкое. Все эти качества свойственны рукописям столичных скрипториев, да и вряд ли где-нибудь еще можно было тогда добыть столько отличной бумаги. Несомненно также, что копии снимались с целью распространения сутры среди верующих. Это, пожалуй, самое обширное предприятие по изготовлению множества списков одного сочинения из зафиксированных документально для того времени.

Другой случай, достойный внимания с той же точки зрения, относится к гораздо более позднему периоду. Предположительно (по бумаге и почеркам) рукописи, о которых идет речь, относятся к началу X в. Переписаны они в Дуньхуане, (тогда Шачжоу), и предприятие это, как можно думать, соотносится с правлением в Дуньхуане Чжан Чэн-фэна, одного из представителей семейства Чжан, глава которого Чжан И-чао в 848 г. поднял восстание против власти тибетцев, в результате чего Дуньхуан после почти 70-летнего перерыва стал вновь частью танского Китая¹⁴⁷. Когда власть танского государства стала непрочной, Чжан Чэн-фэн в 905 г., за два года до падения империи Тан, объявил себя независимым правителем (*ван*). Государство, которое получило наименование Цзиньшань, существовало примерно до 914 г. (видимо, к этому времени Чжан Чэн-фэн уже умер). Есть основания полагать, что изготовление примерно тысячи экземпляров сутры *Дачэн Уляншоу цзунъяо цзин*¹⁴⁸ и, ви-

¹⁴⁷ Правители Дуньхуана имели официальный титул *гуйицзюнь цзедуши* (т. е. «наместников военного округа *гуйицзюнь*, приводящих [округ] к верности [истинной власти]»). Само название округа *гуйи* означает «возвратившийся к [соблюдению] долга». После наместничества Чжан И-чао (851—872) ему наследовали его племянники Чжан Хуай-шэнь (872—890), Чжан Хуай-син (890) и сын первого из них — Чжан Янь-шоу. В 892 г. власть в Дуньхуане узурпировал зять Чжан И-чао — Со Сюнь. Но в 894 г. другой его зять, Ли Мин-чжэнь, сверг Со Сюня и передал наместничество Чжан Чэн-фэну (в должности *цзедуши* в 894—914? гг.), внуку Чжан И-чао. Историю семьи Чжан см. [Фудзияда, 1942—1943; Су Ин-хуй, 1968, с. 231 и сл.].

¹⁴⁸ Нам удалось по различным каталогам и упоминаниям [Чэнь Юань, 1931, с. 481—506; Описание, 1963, 1967, № 1217—1245, 2504—2526; Giles, 1957, пос. 4856—5144; Catalogue, 1970 (по индексу)] насчитать 885 экземпляров. Число, таким образом, приближается к тысяче — традиционному количеству «будд всех десяти сторон», изображения которых («галереи тысячи будд») во множестве встречаются как в пещерах Дуньхуана, так и в других буддийских храмах и комплексах. Текст сутры, до открытия Дуньхуанской библиотеки считавшийся утерянным, опубликован по двум дуньхуанским спискам [ТСД, XIX, № 936].

димо, не меньшего количества списков той же сутры в ее тибетской версии¹⁴⁹ было заказано Чжан Чэн-фэном в честь официального получения им в 900 г. должности военного наместника в Шачжоу (*гуйицзюнь цзедуши*) и продолжалось все время его правления государством Цзиньшань, т. е. примерно до середины 10-х годов X в. и даже позже. Для такого предположения есть основания не только в палеографических данных рукописей, но и в некоторых записях конкретного характера, в них обнаруженных. Во-первых, на обороте одной из рукописей (S.1082) стоит дата: «Второй год Гуан-хуа» (т. е. 901 г.). Вряд ли рукопись могла быть переписана далеко от этой даты. Во-вторых, на двух из многочисленных списков есть датирующие записи несколько более подробные. Одна из них гласит: «В год *синь-сы*, в пятую луну, восьмой день по договоренности с Хэ Тун-цзы, простолудином (*бай-син*) из волости Хунчисян [переписана]» (*Юй* 81). Если исходить из указанного выше 901 г., то год под циклическими знаками *синь-сы* приходится на 921 г., а число и месяц приходятся на 19 июля этого года по европейскому календарю. На другой рукописи дата также обозначена циклическими знаками: «Год *дин-чоу*, третья луна, пятнадцатый день» (*Чжи* 21), что по тем же соображениям соответствует 9 апреля 917 г.¹⁵⁰ Таким образом, если считать исходную дату надежной, переписка («тиражирование») большой партии одинаковых текстов происходила в начале X в. Так или иначе, в IX ли или начале X века была предпринята переписка весьма значительного количества экземпляров одного и того же сочинения в китайской и тибетской его версиях.

Над перепиской сутры трудилась целая армия переписчиков. Составление полного перечня их имен — дело будущего: данные еще не всех рукописей опубликованы, нет даже приблизительного списка имен писцов, упомянутых на

¹⁴⁹ Точный подсчет имеющихся экземпляров не произведен, но многочисленные копии сутры по-тибетски имеются во всех собраниях дуньхуанских рукописей [Lalou, 1936—1961; Vallée Poussin, 1962; Чэнь Юань, 1931; и др.]. Л. С. Савицкий назвал нам цифру 565 экземпляров по дуньхуанским фондам, имеющим на сегодня описания тибетских материалов.

¹⁵⁰ Авторы «Истории буддизма в Азии» [Тюгоку, V, 1975, с. 170—178] полагают, что переписка происходила ранее, в первой трети IX в. Но в этот период не было годов с такими циклическими знаками. Если же предположить годы следующего 60-летнего цикла (соответственно 981-й и 979-й), то в это время (с 960 г.) воцарилась уже династия Сун и годы на рукописях обозначались девизом годов правления, порядковым номером года под этим девизом и, на третьем месте, сочетанием двух циклических знаков. Следовательно, обе ближайшие возможные датировки представляются необоснованными.

копиях тибетской версии сутры, не проведено сопоставление имен, написанных по-тибетски и по-китайски (ясно только, что некоторые имена совпадают)¹⁵¹. В китайской части в приписках на рукописях фигурирует не менее 80 имен. Большой частью указано только имя, нередко оно сопровождается словом «написал» (*се*), и лишь изредка запись бывает более или менее пространной, типа: «Ранее шесть цзюаней на 30 листах бумаги Ван Хань¹⁵² написал. В глазах темно, и придется оставить переписку». Можно видеть, что это была хорошо организованная массовая переписка.

К приведенным сведениям, взятым из нарративных источников и колофонов дуньхуанских рукописей, добавляется такой очевидный факт, как наличие в дуньхуанских собраниях огромного количества списков многих популярных буддийских сочинений. Не претендуя на полноту и абсолютную точность приводимых цифр, мы здесь можем с достаточной для наших целей достоверностью привести перечень произведений, составляющих основную по объему часть коллекций из Дуньхуана¹⁵³:

1. *Цзиньган божо боломидо цзин* («Алмазная сутра») — 1470 ед.

2. *Дачэн Уляншоу цзунъяо цзин* — 560 ед.

3. *Мяо фа лянхуа цзин* («Лотосовая сутра») в 7 цзюанях — 3140 ед. (ок. 450 экз.)¹⁵⁴.

За. Отдельных списков 25-й главы той же сутры (*Гуань-шинь цзин*) — 100 ед.

4. *Вэймоцзе со шо цзин* («Сутра о Вималакирти») в 3 цзюанях — 810 ед. (270 экз.).

5. *Фо шо Амито цзин* («Сукхавати-вьюха») — 130 ед.

¹⁵¹ Число имен переписчиков по-тибетски не менее, а может быть, и более, чем по-китайски. Это видно как из опубликованных описаний [Val-lée Poussin, 1962; Lalou, 1939—1961], так и из не опубликованных еще данных картотеки, составленной Л. С. Савицким на основе тибетских рукописей собрания ИВАН, но предварительные результаты сообщены в его статье [Savitsky, 1984].

¹⁵² Ван Хань в других контекстах неизвестен, но его имя в действительности стоит не на шести, а на двенадцати копиях сутры: *Туй* 68, *Цю* 87, *Чэнь* 72, *Ди* 99, *Цзюй* 91, *Юй* 98, S. 1982, S. 3909, S. 3913, S. 3891, S. 5314, S. 6607. Приведенная запись — на рукописи *Ди* 99.

¹⁵³ Подсчет произведен (в округленных цифрах) по ДИЦС, где учтены три основных фонда (Пекин, Лондон, Париж) и несколько мелких, общей картины не меняющих. Для сочинений, состоящих из многих цзюаней, общее число единиц хранения разделено на число цзюаней, что дает примерную цифру копий сочинения в целом. Перевод дается только для названий, имеющих обиходную форму.

¹⁵⁴ В японском критическом издании «Лотосовой сутры» [Кабутоги, 1978] только в фондах Лондона и Парижа учтена 2181 ед., т. е. учитывая, что сутра состоит из 7 цзюаней, около 310 ее экземпляров.

6. *Цзинь-гуанмин-цзуйшэн-ван цзин* («Сутра Золотого блеска») в 10 цзюанях — 1200 ед. (120 экз.).

7. *Сы фэнь люй бицзюни цзе бэнь* («Правила для монахинь») — 115 ед.

7а. *Сы фэнь люй бицзю цзе бэнь* («Правила для монахов») — 100 ед.¹⁵⁵

8. *Божо боломидо синь цзин* («Хридая-сутра») в переводе Сюань-цзана — 105 ед.

8а. Та же сутра в переводе Фа-чэна¹⁵⁶ — 100 ед.

9. *Фо-дин цзунь-шэн толони цзин* — 100 ед.

10. *Ба-ян шэньчжоу цзин* — 95 ед.

11. *Яо-ши люлигуань-жулай бэньюань гундэ цзин* — 85 ед.

11. *Яо-ши люлигуань-жулай бэньюань гундэ цзин* — 80 ед.

13. *Цзинь-ю толони цзин* — 70 ед.

14. *Чжу фо му толони цзин* — 50 ед.

15. *Фань-ван цзин*, в 2 цзюанях — 100 ед. (50 экз.).

16. *Дачэн дао цянь цзин* — 40 ед.

17. *Цюань шань цзин* — 35 экз.¹⁵⁷

Удельный вес этих списков в перечисленных дуньхуанских собраниях будет ясен, если сказать, что они составляют примерно одну треть общего количества рукописей из Дуньхуана.

В целом различные данные, которые мы обнаруживаем в Дуньхуанской библиотеке, являются весьма убедительным дополнением к тому, что мы знаем о «тиражировании» рукописей из нарративных источников. В VII в. снятие большого количества копий одного и того же текста по заказу Сяо Да-яня остается впечатляющим, но единичным фактом. В VIII в. (начиная с правления Сюань-цзуна) переписка в большом количестве копий в целях обеспечения император-

¹⁵⁵ Своды правил для монахов-бхикшу и монахинь-бхикшуни должно было переписывать параллельно в равных количествах. Расхождение объясняется, видимо, тем, что бхикшу было больше и большее число списков пришло в негодность из-за постоянного употребления.

¹⁵⁶ Фа-чэн (Гуань Фа-чэн), или *Chos-grub*, — деятель буддизма в Дуньхуане в первые две трети X в., автор ряда переводов буддийских текстов на тибетский и китайский языки, а также оригинальных комментариев и проповедей. Имя его стало известно после открытия дуньхуанских рукописей. Последнее исследование о нем см. [Ван Яо, 1980]. Ему принадлежат также переводы № 9, 13, 14 в нашем списке.

¹⁵⁷ В книге Цзян Лян-фу «Дуньхуан — великая сокровищница культуры» дается другой порядок и другой подсчет числа сочинений [Цзян Лян-фу, 1956, с. 70], так как он исходит из других оснований, но сам факт обилия списков отдельных сочинений его подсчетом доказывается также неоспоримо.

ских читален для государственных служащих и придворных ученых приобретает систематический характер. В IX в. эта переписка становится повсеместной, даже в периферийном Дуньхуане копии насчитываются сотнями и, более того, тысячами; в первую очередь, конечно, копировались обиходные, наиболее популярные тексты. А от массовой переписки один шаг к изобретению таких средств размножения текстов, которые были бы и дешевле и эффективнее, чем переписка от руки. Таким средством в Китае оказалось печатание с резных досок — ксилография¹⁵⁸.

Мы не можем сказать, когда и в каком месте в Китае была отпечатана первая книга. В источниках, относящихся к достаточно раннему времени, есть не вполне ясные пассажи, вроде нижеследующего из письма некоего Ван Маньина, написанного ок. 519 г., автору «Жизнеописаний достойных монахов» Хуэй-цзяо (497—554):

«<...> удостоился [я] получения написанных [вами] „Жизнеописаний достойных монахов“. <...> Прочитал [их] от начала до конца, не жалея сил, — предстал [передо мной] великий талант. Покуда не истерлась бумага и не поблекла тушь, никак не мог оторваться. <...> Непременно нужно распространить красоту [описанных деяний] среди [носящих как] черные, [так и] белые [одежды] (т. е. среди монахов и мирян.— Л. М.) и утвердить слова [вашего сочинения] на свинце и на досках (*цянЬ-цянЬ дин цы, 鉛槧定辭*)» [ГСЧ, цз. 14, с. 222а].

Термином «свинец и доски» (*цянЬ-цянЬ*) и поныне в Китае образно называют книгопечатание (т. е. вырезывание текстов для печати на свинцовых пластинках и на деревянных досках). Однако упоминание книгопечатания в 519 г. может показаться слишком ранним, тем более что сходные термины в ответе Хуэй-цзяо [ГСЧ, цз. 14, с. 222в] звучат еще менее ясно:

«<...> [мне], бедному монаху, не хватало книг за пазухой и коробов [с книгами] в объятиях, чтобы усиленно самообразовываться, и [я] всегда завидовал красоте [деяний тех, кто] «свинцом (*цянЬ*) и тушью мазал по чистой [поверхности] для прославления прекрасного».

Немногом яснее сказано в биографии буддиста Ли-цзуна, жившего в конце VII — начале VIII в. [СГСЧ, цз. 5, с. 735в—736а]:

«И тогда, дав волю изяществу и цветистости [своего стиля]

¹⁵⁸ Процесс ксилографирования описан в очерке В. Н. Горегляда в данной книге. См. также [Петрова, 1956, с. 5—6; Carter, 1925, с. 23—27; Флуг, 1959, с. 26—31].

и прокомментировав „Сутру о нирване”, собрал свинец (*цзянь*) и принес доски (*цзянь*), целых два года ломал в крошку острия [резцов]... и, наконец, завершил пофразовый комментарий в 80 цзюанях».

Хотя здесь, несомненно, говорится о нанесении текста с помощью резца на свинцовые и деревянные блоки, неясно, для какой цели производилось это вырезывание: для фиксации канонического текста или же для получения большого количества копий, предназначенных читателям более или менее широкого круга.

Наконец, в упоминавшемся уже сочинении 627 г. «Рассуждение о правильном в спорах» Фа-линь рассказывает, как Фа-линь, изложив свою точку зрения на даосские способы составления даосского канона, обращается к государю с просьбой, где есть в ряду других такая фраза:

«Вырезав, утвердите (刊定 *каньдин*), что так, что не так, и установите камни для записи [точных, утвержденных текстов], чтобы устранить ложное <...>» (цит. по [Яо Мин-да, 1938, с. 318].

В этом тексте понятие печатания (*кань*) отделено от распространенного способа фиксации канонического текста путем высечения его на камне — способа, известного в Китае с древнейших времен (не позднее VI в. до н. э.) и сохранявшегося еще в первой половине правления династии Тан.

В свете изложенных фактов можно утверждать, что печатание текстов существовало в Китае в очень ранние времена: термины, обозначающие этот процесс, встречаются в китайских, несомненно аутентичных произведениях с VI в. Правда, мы не можем уверенно сказать, на какого типа печатание и, главное, на печатание с какой целью и какими тиражами эти термины указывают. В то же время в том, что китайские книжники знали о различных механических способах фиксации на плоскости и последующего размножения текстов, рельефов, орнаментов и иных знаковых обозначений с еще более ранних времен, нет никаких сомнений. Один из таких способов — нанесение текста или изображений на камень с целью не только сохранения канонических образцов, но и дальнейшего снятия с них эстампажей (*тобэнь*) — описан неоднократно¹⁵⁹. Вкратце этот способ заключается в следующем. Изображение или текст наносятся на плоскую поверхность камня и высекается на ней по линиям, оставлен-

¹⁵⁹ Наиболее подробно см. в кн. [Carter, 1925, гл. 6]. Техника получения эстампажей и в наше время остается той же. Об употреблении печатей и их роли при зарождении книгопечатания см. там же.

ным кистью во время письма, на небольшую глубину. Затем лист бумаги, тонкой и мягкой, смазанный клейстером, накладывается на полученный обратный рельеф. Чтобы бумага в точности повторила все углубления рельефа, ее подгоняют специальными щеточками. После чего по бумаге проводят валиком, смазанным красящим составом (впадины остаются незакрашенными), — и эстампаж готов, нужно только его просушить. Эта техника позволяет в кратчайшее время и несложным, дешевым способом воспроизводить тексты, а также образцы каллиграфического искусства и графику в любом количестве экземпляров без видимого ущерба для оригинала. Нетрудно понять, что между техникой снятия эстампажей и техникой печатания с деревянных досок (ксилография) много общих черт, и эстампирование вполне могло быть прямым предшественником китайского книгопечатания.

Кроме эстампирования исследователи столь же справедливо называют предтечей книгопечатания китайские печати. Мы уже видели, что печати в Китае танского (и более раннего) времени применялись не только как замена подписи, удостоверяющая подлинность принадлежности того или иного предмета или мнения определенному человеку. Дуньхуанские рукописи показывают, что печати с изображениями будд служили для двух целей: для изготовления большого количества («тиражирования») бумажных иконок-амулетов и для оттисков изображений будд над именами в рукописях «Сутр об именах будд». Если второй способ употребления печатей оказал влияние на оформление более поздних китайских печатных книг, то первый так же явно послужил примером для тех случаев, когда нужно было получить много копий (при печатании — оттисков) одного и того же текста.

Мы не имеем — и, видимо, никогда не будем иметь — столь же полного набора материалов для раннего периода китайского книгопечатания, как для периода позднего (начиная с конца X в.). И здесь нам придется довольствоваться несколькими случайно сохранившимися образцами, главным образом из Дуньхуана и лишь в небольшой части из других источников.

Первым несомненным свидетельством возникновения книгопечатания является заказ японской императрицы Сётоку (на троне в 748—770 гг.), сделанный ею в последний период ее правления, т. е. в 765—770 гг. Она велела изготовить миллион (сто раз по десять тысяч) маленьких деревянных пагод высотой около 15 см и в каждую вложить один маленький свиток с отпечатанным на нем текстом заклинания-дхара-

ни¹⁶⁰. Пагоды с вложенными заклинаниями были распределены по окрестным монастырям для раздачи среди населения. Период Нара (т. е. VIII в.) был временем интенсивного заимствования Японией китайской культуры с буддизмом китайского толка в качестве ведущей идеологии. Достаточно сказать, что даже сама столица Нара была построена по образцу китайской столицы Чанъань, а императорские дворцы в ней были копиями чанъаньских дворцов. Поэтому можно не сомневаться, что обычай раздачи маленьких ступ (пагод) с вложением отпечатанного заклинания есть также обычай, заимствованный из Китая вместе с буддизмом. В то же время источники сообщают, что для изготовления оттисков текст был вырезан на медной доске и сама техника была та же, что и при оттисках печатей с изображениями будд; об этом говорит и тот факт, что текст был избран небольшой, занимающий один блок (и один лист бумаги). В любом случае издание императрицы Сётоку показывает, что выражение «утвердить слова на свинце и на досках», встреченное в произведениях VI в., отражает истинную практику фиксации текста путем вырезывания его на металле или дереве и изготовления потом его оттисков.

Поскольку речь идет о книгопечатании, то отметим, что под «книгой» мы все же подразумеваем не отдельные листки с выдержками из обширного текста, сделанными для молитвы, заклинаний или иных практических целей (как это было в случае с императрицей Сётоку), а законченный, связный текст, напечатанный на листах, так или иначе соединенных между собой и составляющих в совокупности единый том, тетрадь, свиток. Первое такое издание «Алмазной сутры» (*Цзиньган божо боломи цзин*, «Ваджраччхедика-праджняпарамита-сутра») было обнаружено среди свитков Дуньхуанской библиотеки¹⁶¹. Это издание, датированное по колофону

¹⁶⁰ Причиной массового изготовления пагод и печатания заклинаний было моровое поветрие, незадолго до того опустошившее г. Нара, тогдашнюю столицу Японии. Пагоды с заклинаниями рассматривали как обереги от злых духов, наводящих болезни. Сохранившиеся оттиски заключают в себе текст одной из дхарани из сутры *У-гоу цзин-гуан да толони цзин* («Рашмивимала-вишуддхапрабха-дхарани-сутра»), незадолго до того (в 704 г.) переведенной на китайский язык Митосянем. Дхарани эта состоит примерно из 140 знаков, а свитки, образцы которых, как и образцы пагод, дошли до нашего времени, имеют размер приблизительно 50×7 см. Текст сутры см. [ТСД, XIX, № 1024]; дхарани в ее составе см. [ТСД, XIX, с. 719в(27)—720а(6)]. О заказе императрицы Сётоку см. [Carter, 1925, гл. 7 (там же фото сохранившихся свитков); Pelliot, 1953, с. 28—30].

¹⁶¹ Печатный свиток «Алмазной сутры» из лондонского собрания А. Стейна публиковался неоднократно [Stein, 1921; Carter, 1925; Флуг, 1959; и др.]. Китайский текст колофона см. [Pelliot, 1953, с. 47—48].

пятнадцатым днем четвертой луны девятого года под девизом Сянь-тун (т. е. 11 мая 868 г.) и отпечатанное по заказу некоего Ван Цзе в честь его родителей, представляет собою свиток с полным текстом сутры, предваряемой гравюрой-фронтисписом с изображением момента, когда старейшина учеников Будды Шарипутра обращается к учителю с просьбой рассказать эту сутру. По стоящему в конце колофона термину *буши* «для раздачи, для распространения» можно утверждать, что это издание должно было иметь достаточно большой тираж.

Кроме упомянутых изданий имеются и другие находки и исторические сведения о распространении книгопечатания (ксилографии) в Китае и сопредельных странах (Япония, Корея) в IX и особенно в X в.¹⁶² Однако здесь мы подробно об этом говорить не будем, остановимся лишь на двух наиболее значительных из издательских предприятий. Одно из них связано с именем Цао Юань-чжуна, правившего в Дуньхуане в 946—975 гг.¹⁶³ Как можно думать, в связи со своим официальным назначением в 947 г. на пост наместника-*цзедуши* он заказал печатание большого количества иконок, на верхней половине которых было выгравированное изображение бодхисаттвы Маньджушри (Вэньшушили-пуса), а нижняя представляла собой заклинание-дхарани со вступительным пояснительным текстом¹⁶⁴. Об огромном (точное число неизвестно) количестве экземпляров иконки свидетельствует тот факт, что иконки обнаруживаются повсеместно — во всех дуньхуанских коллекциях и во многих центральноазиатских, вплоть до коллекции П. К. Козлова из Хара-хото.

¹⁶² Кроме подробных сведений, приводимых в работах Т. Ф. Картера [Carter, 1925] и П. Пельо [Pelliot, 1953], где представлены ряд крупных и мелких изданий X в., обнаруженных в Дуньхуане, есть сообщения о новейших находках: об издании заклинания-дхарани в могиле второй половины IX в., сходном с изданиями императрицы Сётоку [Фэн Хань-цзи, 1957]; о фрагменте корейского издания второй половины IX в. [Цянь, 1972] и некоторые другие.

¹⁶³ Цао Юань-чжун был одним из видных представителей семьи Цао, сменившей семью Чжан на посту дуньхуанских наместников — *цзедуши*. Основателем второй из дуньхуанских «династий» был Цао И-цзинь (наместник примерно с 924 до 940 г.). Потом в 940—942 и 943—945 гг. правителями были два его сына — Цао Юань-дэ и Цао Юань-шэнь. Третий сын, Цао Юань-чжун, правил дольше других и известен, так же как и его отец, богатыми пожертвованиями на строительство дуньхуанских храмов. Упомянувшийся в предыдущих главах Цао Цзун-шоу (наместник в 1002—1014 гг.) был представителем уже четвертого поколения семьи. О них см. [Фудзизэда, 1942—1943].

¹⁶⁴ Впервые опубликованная А. Стейном [Stein, 1921], иконка эта не сходит с тех пор со страниц всех изданий, посвященных Дуньхуану и начальному периоду книгопечатания в Китае.

Во втором издании, о котором мы будем говорить, указана точная цифра тиража. Обнаружено оно было в виде вложения в тайную нишу после того, как в г. Ханчжоу в 1924 г. рухнула пагода Лэйфэнта. Колофон этого издания, снабженного, как и известные нам издания «Алмазной сутры», гравюрой-фронτισписом, гласит¹⁶⁵:

«Цянь Хун-чу, главнокомандующий всеми войсками Поднебесной, ван государства У-Юэ, напечатал „Сутру о дхарани сундука с драгоценностями“, 84 000 свитков, каковы: преподнес для помещения внутри драгоценной пагоды. Записано в третий год Сянь-дэ под циклическими знаками *бин-чэнь*»¹⁶⁶.

Дата, указанная в колофоне, соответствует 956 г. Инициатор издания Цянь Хун-чу, или Цянь Чу (929—988), в 947—978 гг. был правителем одного из мелких государств, возникших на территории Китая в период У-дай (908—959)¹⁶⁷. Государство У-Юэ было основано в 908 г. дедом Цянь Чу на территории нынешней провинции Чжэцзян со столицей в Ханчжоу. Цянь Чу известен в китайской истории как один из наиболее просвещенных людей своего времени. Немалый не только для того периода тираж — 84 тыс. экземпляров — показывает, что не только в центре, но и на периферии печатное дело к этому времени достигло большого размаха. Об этом говорит и наличие ряда центров книгопечатания в таких отдаленных землях, как Сычуань и Корея¹⁶⁸. И тем не менее рукописное дело, как можно видеть хотя бы из заказа 1002 г., сделанного правителем Дуньхуана Цао Цзун-шоу и его супругой Фань, еще и в начале XI в. широко распространено.

Настоящего размаха книгопечатание, как с несомненностью показано в трудах Т. Ф. Картера, П. Пельо, К. К. Флу-га, достигнуто при династии Сун (960—1279). Первой ласточкой этого расцвета было печатание конфуцианского канона, предпринятое в 932—953 гг. Фэн Дао еще до установления

¹⁶⁵ [Carter, 1925, с. 73, 80—81]. У Т. Ф. Картера помещена фотография издания, рассказана его история и приведен перевод колофона. Мы даем свой перевод по китайскому тексту колофона.

¹⁶⁶ «Сутра о дхарани сундука с драгоценностями» (*Бао-це инь-толонг цзин*), переведенная на китайский язык Бу-куном (Амогхаваджра) в VIII в., входит в нынешний свод буддийского канона [ТСД, XIX, № 1022в].

¹⁶⁷ Биографии членов семьи Цянь, основавших и возглавлявших государство У-Юэ, см. [УДШ, изд. 133]. Государство просуществовало до 978 г., когда Цянь Чу, присоединив У-Юэ к государству Сун, сам остался частным лицом.

¹⁶⁸ О книгопечатании в Сычуани (Шу) в IX—X вв. см. [Carter, 1925, гл. 9; Pelliot, 1953, с. 50—51]. О книжном деле на территории Кореи см. в очерке Д. Д. Елисеева в настоящей книге.

династии Сун¹⁶⁹. Согласно сообщениям источников, Фэн Дао впервые установил традицию большеформатных императорских изданий, не прерывающуюся потом до самого XX в.

Вторым масштабным мероприятием было печатание в 971—983 гг., уже при династии Сун, буддийского канона. Третьим, в 994—1063 гг., — свода династийных историй. Наконец, четвертым, в 1019 г., — издание даосского канона. Все эти государственные издания производились по веками введенному порядку, какой мы наблюдали при переводе буддийских текстов и переписке рукописей: император издавал указ о переводе сочинения, о составлении того или иного свода, наконец, о печатании текстов. Составлялась комиссия, куда входили редакторы, сверщики, знатоки иероглифики, переписчики, резчики и другие исполнители, а сверх того специальные императорские комиссары, наблюдавшие за всем ходом дела, державшие в курсе государя и докладывавшие о завершении порученного им предприятия.

В качестве примера можно взять одно из самых замечательных мероприятий в истории китайской письменности — составление всеобъемлющих по тем временам исторических и литературных сводов, предпринятых в начале династии Сун, т. е. в конце X — начале XI в. Из этих сводов три, а именно: *Тай-пин гуан цзи* («Обширные записи годов Тай-пин») в 500 цзюанях, законченный к концу 978 г. и отпечатанный в 982 г., *Тай-пин юй лань* («Императорское обозрение годов Тай-пин») в 1000 цзюанях, составление которого было завершено в 984 г., *Вэнь-юань ин-хуа* («Пышные цветы садов литературы») также в 1000 цзюанях, впервые представленный на императорское утверждение в 987 г., — составлялись одной и той же комиссией, во главе которой стояли прославленные ученые Ли Фан (925—996), Ху Мэн (915—986), Сюй Сюань (917—992), Сун Бо (936—1012). Но и многие другие исполнители (общая численность членов в каждой из комиссий достигала двенадцати), такие, как У Шу (947—1002), Чжан Цзи (993—996), Ли Му (928—984), Чжао Линь-цзи (921—979) и др., были знамениты каждый по-сво-

¹⁶⁹ Биографию Фэн Дао см. [УДШ, из. 126]. Живший в эпоху У-дай, когда за короткое время сменили друг друга пять династий, Фэн Дао (882—954) вопреки сложившимся в Китае традициям («верная жена не выходит замуж во второй раз, верный чиновник не служит двум государям») служил при четырех династиях, оставаясь каждый раз на высоких должностях. Это позволило ему, несмотря на смутное время и обилие политических перемен, в течение 20 лет завершить невиданное по тем временам предприятие.

ему¹⁷⁰. Изложим самые основные данные по истории их составления и печатания.

Энциклопедический¹⁷¹ свод сюжетов, главным образом фантастического характера, *Тай-пин гуан цзи* был начат составлением ранее других. В 978 г. (17 ноября по европейскому летосчислению) был подан доклад трону о завершении его. После этого определенное время было затрачено на выверку и приведение в порядок рукописи, и в начале 982 г. свод был издан в императорских печатнях, однако, как свидетельствуют источники, для внутреннего пользования и, надо думать, весьма ограниченным тиражом — во всяком случае, в сунских сочинениях энциклопедия практически не упоминается.

Вторая энциклопедия-*лэйшу*, *Тай-пин юй лань*, составлялась в 977—984 гг. и была — при материале, во многом параллельном *Тай-пин гуан цзи* (рассказы о тех или иных случаях государственной или частной жизни, включая изложение исторических событий), — сводом знаний о мире, стране, людях и духах, представленных внутри больших разделов («Небо», «Земля», «Войны», «Ритуал», «Литература» и т. д. до разделов «Производство» и «Духи») в хронологическом порядке¹⁷². Свод, сначала под названием *Тай-пин цзун лэй* («Сводные категории годов Тай-пин»), был представлен государю. Когда тот начал читать его, он увлекся и проверял его в течение целого года, по три свитка-цзюани в день, не внимая уговорам приближенных поберечь себя и в свободное от государственных дел время отдыхать. Через год, в начале 985 г., императорский просмотр был завершён, энциклопедия получила нынешнее ее название («Императорское обозрение») и была высочайше одобрена к печати. Как и предыдущая, она предназначалась для внутреннего пользования, и число опечатанных экземпляров было невелико.

Вэнь-юань ин-хуа — третий великий свод начала Сун —

¹⁷⁰ История составления сводов с разной степенью подробности описана неоднократно, см., например [Флуг, 1959, с. 53—54, 149—151; SB, с. 341—342, 319—320, 442—443]. Мы здесь используем также данные предисловий, собранных в современных изданиях этих сводов.

¹⁷¹ Слова «энциклопедия», «энциклопедический свод» употребляются у нас условно. Китайский термин *лэйшу* («классифицированные книги») означает собрание подлинных текстов источников, классифицированных по темам, причем классификация может быть разная, в зависимости от специализации *лэйшу*.

¹⁷² Сходный характер носила и другая знаменитая энциклопедия, *Цз-фу юань-гуй* [SB, с. 320—321], составленная в начале XI в. Она и остальные три, упоминаемые здесь, вместе известны как «Четыре великие сунские книги» (*Сун-чао сы да шу*). Столкновение названия свода требует обширных комментариев, поэтому мы оставляем его в транскрипции.

носил совсем иной характер. Еще в VI в. Сяо Тун (501—531), рано умерший наследник трона южной династии Лян (502—557), на основе дворцовой библиотеки составил «Литературный изборник» (*Вэнь сюань*), который считался в начале Сун и сейчас считается лучшей антологией изящного слова до V в. включительно¹⁷³. Сунская антология носила тот же характер, и составители ее ставили себе задачей собрать образцовые сочинения в стихах и в прозе, начиная со времени Сяо Туна и кончая эпохой Пяти династий. Представленная на высочайшее рассмотрение, она оставалась в рукописи долгое время. Когда в 1007 г. сменивший своего предшественника император Чжэнь-цзун (998—1022) нашел время заняться вычиткой свода (или поручил это сделать своим помощникам), составителей свода, кроме Сун Бо, уже не было в живых. Поэтому, обнаружив в своде изрядное количество лакун и огрехов, велел уже другим лицам, а именно Ши Дай-вэню (ум. в 1051 г.), Чэнь Пэн-няню (961—1017) и Чжан Бину (годы жизни неизвестны, получил высшую степень на государственных экзаменах в 980 г.), исправить и дополнить сделанное прежним составом комиссией. В 1012 г. работа была завершена и утверждена государем. Но и после этого антологию долго хранили и читали в рукописи, и лишь около 1204 г. она была отпечатана под руководством одного из виднейших знатоков книжного дела — Чжоу Би-да (1126—1204).

Судьба книг, призванных стать универсальными справочниками по истории и литературе Китая, показывает, что, несмотря на изобретение книгопечатания, в начале Сун ксилографию рассматривали (во всяком случае, в обиходе императорского двора и императорских печатен) как способ фиксации уточненных и высочайше утвержденных текстов и что отпечатанные экземпляры оставались в императорских библиотеках, редко выходя за пределы дворцов. Способом же распространения текстов все-таки оставалась рукопись¹⁷⁴.

¹⁷³ Биографию Сяо Туна см. [ЦШ, цз. 8]. Умерший 30 лет от роду (по китайскому отсчету — в возрасте 31 года), Сяо Тун тем не менее прославлен целым рядом капитальных литературных трудов. Кроме «Литературного изборника» в 30 цзюанях он собрал еще две антологии: «Упорядочение истинного» (*Чжэн сюй*) в 10 цзюанях, куда включены были образцовые прозаические сочинения, и свод пятисложных стихов «Пышные цветы литературных произведений» (*Вэньчжан ин-хуа*) в 20 цзюанях. Название последней антологии послужило образцом для заголовка *Вэнь-юань ин-хуа*. Кроме антологий Сяо Тун оставил и оригинальные сочинения в 20 цзюанях.

¹⁷⁴ Любопытно, что даже в период Мин (1368—1644) еще есть такие случаи, когда печатание откладывалось на долгие годы, читали же рукопись. В годы Юн-лэ (1403—1424) была составлена по указу императора

Резко меняется картина в XII в., сколько мы можем судить как по письменным источникам, детально обследованным К. К. Флугом [Флуг, 1959, основная часть работы], так и по коллекции П. К. Козлова из Хара-хото, китайская часть которой в основном относится к названному столетию¹⁷⁵. Скажем кратко: XII век показывает широкую, весьма разветвленную сеть печатен: императорских, монастырских, находящихся в ведении местной администрации и просто частных. Эта сеть обеспечивает повсеместное распространение печатной книги. Колофоны также показывают достаточно большие (а подчас и огромные: 20 тыс., даже 100 тыс. экземпляров) тиражи. Рукопись остается как текст, переписанный для личного обихода (молитвы, рецепты лекарств и т. п.), так же как авторская рукопись и как рукопись, по которой готовится издание. Однако все эти виды рукописей имеют свои судьбы, выходящие за пределы нашей темы «Рукописная книга».

огромная энциклопедия «Великий свод годов Юн-лэ» (*Юн-лэ да дянь*) в 22 887 рукописных томах. Она оставалась в рукописи до самого XX века, когда в результате хищений томов, пожаров и войн сохранилась едва сотая часть энциклопедии. Тщательно собранные, оставшиеся тома были изданы в Пекине в 1960 г. Но этот случай для столь позднего времени — исключение. В начале же XI в., видимо, было обычным делом, что произведения читали в рукописи и они долго не утомлялись печатания.

¹⁷⁵ В работе «Описание китайской части коллекции из Хара-хото» [Меньшиков, 1983] автор во вступительной статье подробно разбирает, какую картину состояния книжного дела в государствах Сун, Цзинь и Си Ся можно реконструировать на основании описанных материалов. Здесь не место повторять этот разбор, заметим только, что в целом он совпадает с выводами, сделанными К. К. Флугом.

Рис. 6. К статье Л. Н. Меньшикова.
Китайская рукопись в форме свитка (издание)

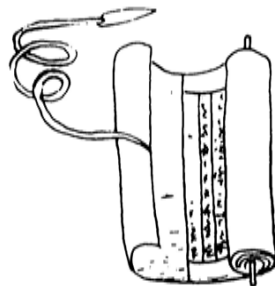
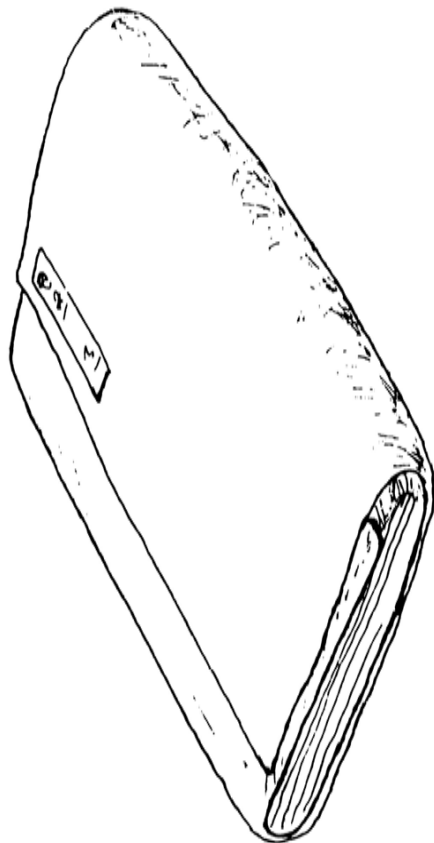
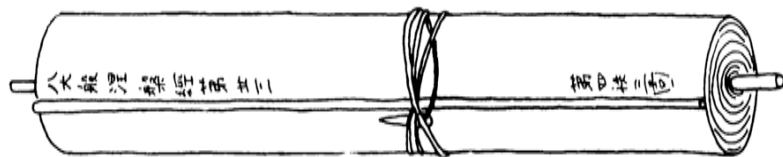

Рис. 7. К статье Л. Н. Меньшикова.
Китайская ранпечатная книга начала XII в.
в обложке-обертке

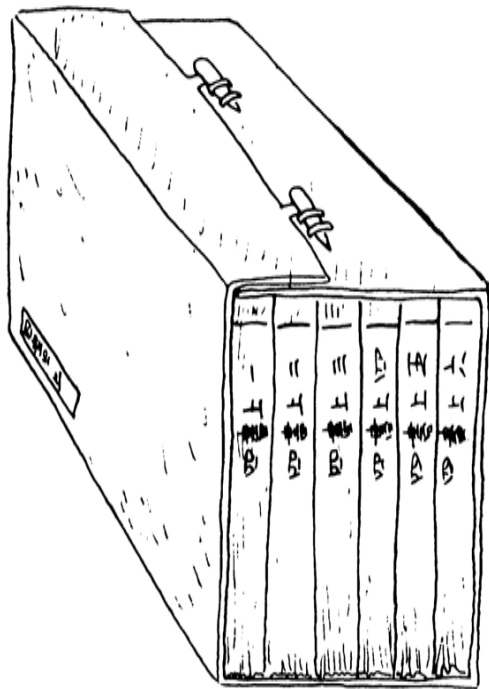

Рис. 8. К статье Л. Н. Меньшикова.
Печатная книга в футляре-тао

Рис. 9. К статье Л. Н. Меньшикова.
Китайская рукопись, сброшюрованная в тетрадь

Рис. 10. К статье Л. Н. Меньшикова.
Китайский ксилограф, сброшюрованный «ббочкой»

重增貪嫉妬成能諸不善相故諸
佛乘別說三舍利弗若我弟子謂阿羅漢辟
支佛者不聞不知諸佛如來但教化菩薩事此非
佛弟子非阿羅漢非辟支佛又舍利弗是諸比丘足
自謂已得阿羅漢果後求究竟涅槃便不渡忘
十等之羅漢三菩提當如是輩皆是增上慢
人取此音何若有比丘實得阿羅漢者不信此法
元有是冤除佛滅度後現前无佛取此音何佛得
度後如是等經受持讀誦所義音是人難得若
遇餘佛於此法中便得決了舍利弗沙等當一心
信解受持佛語諸佛如來言无空忘无有餘乖謬
解一果今時世尊都重宣此義而說偈言
比丘比丘尼有懷增上慢優婆塞戒優婆塞事不信
如是四眾等其數有五千皆自見其過於未有數漏
護惜其瑕疵是亦智已出眾中之糟糠爾威德極去
斯人耽福適不堪受是澤此眾凡枝葉唯有諸真實
舍利弗善哉諸佛得深无量方便力而為眾生說
眾生心取念種種之行直若干諸都性見世善惡業
佛悉知是已以諸緣譬喻言辭方便力令一切歡喜

Китайская рукопись из Дуньхуана (V в.).

Рис. 11. К статье Л. Н. Меньшикова. «Потокская сутра». Поверх л. Ф. 50

大般若波羅蜜多經卷第四百一

第三分舍利子品第三之三

藏法師善慧奉詔譯

復次舍利子諸菩薩摩訶薩脩行般若波羅蜜
蜜多不作是念我於法界若速現等覺若不
速現等覺何以故舍利子無有少法能於法
界現等覺故舍利子是菩薩摩訶薩不見少
法離法界者不見法界離諸法有不見少法第
法界者不見法界非諸法有何以故舍利子
法與法界非即離故舍利子是菩薩摩訶
薩不作是念法界能為諸法因緣不作是念
如是諸法能證法界何以故舍利子是菩薩摩
訶薩尚不見有少法何況有法能證法界
舍利子是菩薩摩訶薩不見法界與空相應
亦不見空與法界相應諸佛亦不何以故舍
利子空與法界非相應非不相應非即離故
舍利子諸菩薩摩訶薩脩行般若波羅蜜多
與如是法相應故當言與般若波羅蜜多相

Рис. 13. К статье Т. Н. Меньшикова.
Образец книж-гармошки.
Гравюра (фронтиспес) к изданию 1189 г. «Алмазной сутры». ТК. 179

葛刺子 烏雞筋 鴈筋 臺茶 丁香 甘松 臺南 零陵
 吳茱 細辛 竹葉 椒 秋薑 辛夷 人參 松葉
 柏葉 芳菊 杏仁 防風 茵草 參 胡麻油 臘猪脂
 將膏右二十六味切以酥煮宿內油中微火三上三下白芷
 黃芩成澤金頂上發生灸日三夜一
 頭中風痒白屑風頭長發生髮膏方 葛刺子 附子 細辛
 續斷 皂莢 澤蘭 零陵 防風 杏仁 麝香 白芷 桑
 松膏 石南 桑寄生 馬寶膏 猪脂 烏草 松葉 桑葉 猪脂
 右十八味改咀細切清酒二升煮藥宿明旦以馬脂膏手
 微火煎三上三下日芒黃芩成用如澤法
 血脈極虛寒髮落隨落冰髮潤方
 桑白皮切蜜炙片右一味以水五升煮麥五六沸去滓洗冰髮
 髮數之為之自然不復落也
 又方 麻子三分研 白桐葉切膏把右三味米泔汁二升煮
 取五六沸去滓以洗沐頭髮落而長其有驗
 又方 故白髮用白蜜付髮孔即不復生白也
 又方 治髮落黃赤方
 燒梧桐作灰用乳汁和塗付髮落并膚肉髮落即黑
 又 髮落墮落令生長方 生栢葉物立 附子 建枝 猪膏 桑寄生
 右三味搗末以膏和為三十九用布裹一九內煎沐頭中
 沐髮長不落也
 又方 附子 葛刺子 栢子人各叁分
 右三味烏雞膏和搗三三枚與新艾蒿中封百日出以馬脂
 膏和以傅頭說布裹之勿令見風日三十日生藥主痒
 令白髮還黑方 隴西白芷 旋復花 桑椒 桑葉 桂心 天
 右搗篩以井花水服方寸匕日三三白髮黑髮桑葉室
 髮髮落生髮膏方 茵草 臺南 防風 外麻 白芷 桑葉 猪脂
 蠅 蜚 螻 馬脂膏 猪脂膏 猪脂膏 猪脂膏

Рис. 14. К статье Л. Н. Меньшикова.
 Образец раннепечатной книги (кон. XII в.).
 Китайский ксилограф из Хара-хото. Медицинский трактат Сюе-Си-мао
 «Тысяча бесценных рецептов». ТК. 166